

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. БАСТРЫКИН,

Председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал юстиции Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации

ЧЛЕНЫ КОЛЛЕГИИ

А.В. Федоров,

заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации; кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Д.Н. Кожухарик,

исполняющий обязанности ректора Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; кандидат юридических наук, доцент; Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации

О.Ю. Антонов,

декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

Ю.М. Антонян,

профессор Института гуманитарного образования и информационных технологий, доктор юридических наук, профессор; Заслуженный деятель науки Российской Федерации; Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Бычков,

декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; кандидат юридических наук, доцент; Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации

Л.В. Голоскоков,

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; доктор юридических наук, доцент

Р.А. Каламкарян,

ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН; профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов (РУДН), доктор юридических наук, профессор; Лауреат премии имени Ф.Ф. Мартенса (2007)

А.А. Крымов,

начальник Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань), доктор юридических наук, профессор, генерал-майор внутренней службы

А.Н. Кузбагаров,

профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор

Р.А. Курбанов,

заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова; доктор юридических наук, профессор

И.М. Мацкевич,

главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; Заслуженный деятель науки Российской Федерации; Почетный работник прокуратуры Российской Федерации

Г.Б. Мирзоев,

ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор; Заслуженный юрист Российской Федерации

И.М. Рассолов,

заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

А.Ж. Саркисян,

руководитель редакционно-издательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

А.В. Симоненко,

начальник Краснодарского университета МВД России; доктор юридических наук, профессор, генерал-лейтенант полиции

Б.А. Спасенников,

главный научный сотрудник НИИ ФСИН России; доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор; Лауреат премии им. М.В. Ломоносова (1989)

В.Н. Ткачев,

начальник служебно-правового управления Договорно-правового департамента МВД России, доктор юридических наук, профессор

Н.Д. Эриашвили,

главный редактор издательства «ЮНИТИ-ДАНА»; доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

A.I. BASTRYKIN,

Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, General of Justice of the Russian Federation, Honored lawyer of Russia

MEMBERS OF THE BOARD

A.V. Fedorov,

Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation; Candidate of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

D.N. Kozhukharik,

Acting Rector of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor; Honorary Officer of the Investigative Committee of the Russian Federation

O.Yu. Antonov,

Dean of the Faculty of Forensics Training of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

Yu.M. Antonyan,

Professor of the Institute of Humanitarian Education and Information Technologies, Doctor of Juridical Sciences, Professor; Honored Worker of Science of the Russian Federation; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Bychkov,

Dean of the Faculty for Advanced Studies of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor; Honorary Officer of the Investigative Committee of the Russian Federation

L.V. Goloskokov,

Leading Researcher of the Research Center of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

R.A. Kalamkaryan,

Leading Researcher of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), Doctor of Juridical Sciences, Professor, F.F. Martens Prize Laureate (2007)

A.A. Krymov,

Head of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Correction Service of the Russian Federation (Ryazan), Doctor of Juridical Sciences, Professor

A.N. Kuzbagarov,

Professor of the Civil Law Department of the Russian State University of Justice, Doctor of Juridical Sciences, Professor

R.A. Kurbanov,

Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University for Economics named after G.V. Plekhanov; Doctor of Juridical Sciences, Professor

I.M. Matskevich,

Chief Scientific Secretary of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor; Honorary Worker of Science of the Russian Federation; Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

G.B. Mirzoev,

Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary, Doctor of Juridical Sciences, Professor; Honored Lawyer of the Russian Federation

I.M. Rassolov,

Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Juridical Sciences, Professor

A.Zh. Sarkisyan,

Head of the Editorial and Publishing Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

A.V. Simonenko,

Head of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Doctor of Juridical Sciences, Professor

B.A. Spasennikov,

Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Correction Service of the Russian Federation; Doctor of Juridical Sciences, Doctor of Medical Sciences, Professor; M.V. Lomonosov Prize Laureate (1989)

V.N. Tkachev,

Head of the Service and Legal Division of the Department of Treaties and Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor

N.D. Eriashvili,

Editor-in-Chief of the Publishing House "UNITY-DANA"; Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor; the Russian Federation Government Prize Laureate in the Field of Science and Technology

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московская академия
Следственного комитета
Российской Федерации

*Исполняющий обязанности
ректора ФГКОУ ВО «Московская
академия Следственного
комитета Российской Федерации»,
кандидат юридических наук,
доцент, полковник юстиции*
Д.Н. Кожухарик

РЕДАКЦИЯ

*Главный редактор
Объединенной редакции*
Н.Д. Эриашвили,
д-р экон. наук, канд. юрид. и истор.
наук, проф., лауреат премии
Правительства РФ в области науки
и техники

E-mail: professor60@mail.ru

*Научный редактор,
ответственный за издание*

А.Ж. Саркисян,
*руководитель редакционно-
издательского отдела Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации, кандидат
юридических наук, доцент*

*В подготовке номера
участвовали:*

Редакторы
**О.В. Берберова,
И.Д. Нестерова**

Художник
А.П. Яковлев

Верстка номера
М.А. Бакаян

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций

Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС77-69322

Подписано в печать 23.03.2021
Цена договорная

Адрес редакции:
125080, Москва,
ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8-499-740-60-14,
8-499-740-60-15,
E-mail: 7700153@gmail.com

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ № 1/2021

А.И. БАСТРЫКИН. Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы	9
А.В. ФЕДОРОВ. Уголовная ответственность юридических лиц в Латвии	17
Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	
Л.В. ГОЛОСКОКОВ. Следствие и время	31
Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	
Л.Е. ГИВЕЛЬ. Гражданско-правовое нормотворчество и эпидемия COVID-19	36
Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	
В.Ф. АНИСИМОВ, Л.Л. БЛАШКОВА. Коррупционное преступление как категория современного российского права	41
А.В. БОРИСОВ. Нормативно-правовое регулирование обеспечения транспортной безопасности в отдельных законодательных актах Российской Федерации	47
А.Л. ИВАНОВ, Я.Н. ЕРМОЛОВИЧ. Спорные вопросы квалификации похищения человека, незаконного лишения свободы и торговли людьми	51
А.С. КЛИМОВ, С.Н. ХОРЬЯКОВ. Назначение наказания несовершеннолетним: особенности, ошибки и проблемы судебной практики	56
П.Н. КОБЕЦ, Д.А. БРАЖНИКОВ. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия биологическому терроризму	60
Н.А. КУДРАТОВ. Роль образования в системе предупреждения экстремизма	64

Оригинал-макет подготовлен издательством «ЮНИТИ-ДАНА»

■ Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет.

■ Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

■ При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Расследование преступлений: проблемы и пути их решения» ссылка на журнал обязательна.

■ В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письма, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8. Печ. л. 18
Печать офсетная

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди», 105066, Москва, ул. Новорязанская, д. 38, стр. 1, пом. IV
Заказ №

Цена договорная. Тираж 3000 экз.
Первый завод – 1000 экз.

В.А. ПЕРОВ. Особенности квалификации действий лиц, осуществляющих злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд 70

А.Ж. САРКИСЯН, Г.Ф. КОИМШИДИ. Состояние преступности в сфере высоких технологий и современные тенденции борьбы с ней в Следственном комитете Российской Федерации 74

А.Н. СУПРУН. Квалифицирующие и привилегирующие признаки розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции: постановка проблемы и пути решения 91

А.А. ЯКОВЛЕВ. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные меры противодействия распространению социально значимых заболеваний: проблемы и пути решения 97

Уголовный процесс

О.М. ЕФРЕМОВА, В.Ф. ВАСЮКОВ. К вопросу о сущности и правовом регулировании полномочий следователя в уголовном процессе 101

К.К. КЛЕВЦОВ. Некоторые аспекты уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности 106

И.В. МАСЛОВ. Развитие уголовного процесса и некоторые размышления о его диалектике (в рамках полемики со статьей Ю.А. Цветкова «Диалектика уголовного процесса») 111

И.Г. САВИЦКАЯ. К вопросу об этической стороне проведения осмотра, обыска и выемки в жилище 118

Т.В. ЧЕРЕМИСИНА. Основания вынесения судами частных постановлений на стадии предварительного следствия 123

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность

В.В. БЫЧКОВ. Некоторые аспекты назначения экспертиз в ходе расследования преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием Интернета 129

М.А. ВАСИЛЬЕВА. Этапы развития методики расследования экологических преступлений 134

М.В. КАРДАШЕВСКАЯ. Использование информационных технологий при раскрытии серийных преступлений 138

А.А. ЛЕБЕДЕВА. Цифровые финансовые активы, криминальные риски, связанные с их легализацией 142

Н.П. МАЙЛИС, Ю.И. ХОЛОДНЫЙ. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа 147

А.М. ПОПОВ, А.М. ЖУРБЕНКО. Особенности раскрытия и расследования преступлений против личности, совершаемых работниками здравоохранения 153

Административное право; административный процесс

К.С. БАКАНОВ. Прекращение права управления транспортным средством как последствие применения административного и уголовного наказания, связанного с лишением права управления 159

Исследования молодых ученых

И.В. ДУБАКИНА. Особенности криминалистической характеристики понуждений к действиям сексуального характера, совершенных в сети Интернет в отношении несовершеннолетних потерпевших 165

Рецензии

А.И. БАСТРЫКИН. И. М. Р а г и м о в. Религия и наказание. СПб, 2020. 217 с. ... 170

Научная жизнь

Итоги Конкурса научных работ, посвящённых деятельности следственных органов Российской Федерации 193

FOUNDER

**The Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation**

*Acting rector of the Moscow
Academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, candidate of law,
associate professor,
colonel of justice*
D.N. Kozhukharik

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief
N.D. Eriashvili,
*the winner of an award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of science and
equipment, doctor of economic
sciences, candidate of legal
and historical sciences,
professor*
E-mail: professor60@mail.ru

*Scientific editor,
responsible for publishing*

A.Zh. Sarkisyan,
*director of editorial and
publishing Department of the
Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
candidate of law, associate
professor*

In preparation numbers involved:

Editors
**O.V. Berberova,
I.D. Nesterova**

Painter
A.P. Yakovlev
Imposition
M.A. Bakayan

*The journal is registered by the
Federal Service for supervision
in the sphere of telecom,
information technologies
and mass communications.*

**Signed in the press on
23.03.2021
The price is negotiable**

*Editorial staff adress:
125080, Moscow, st. Vrubelya, d. 12
Tel.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15
E-mail: 7700153@gmail.com*

INVESTIGATION OF CRIMES: PROBLEMS AND SOLUTION

CONTENT № 1/2021

A.I. BASTRYKIN. Disputed issues of theory and practice
of forensic expertise 9

A.V. FEDOROV. Criminal liability of legal entities
in Latvia 17

Theory and history of law and state; history of the teachings of law and state

L.V. GOLOSKOKOV. Investigation and time 31

Civil law; business law; family law; private international law

L.E. GIVEL. Civil law rulemaking and the COVID-19
epidemic 36

Criminal law and criminology; penal enforcement law

V.F. ANISIMOV, L.L. BLASHKOVA. Corruption crime
as a category of modern Russian law 41

A.V. BORISOV. Legal regulation of transport security
in certain legislative acts of the Russian Federation 47

A.L. IVANOV, Ya.N. ERMOLOVICH. Controversial issues
related to qualification of kidnapping, illegal
imprisonment and trafficking 51

A.S. KLIMOV, S.N. KHORYAKOV. Purpose
of punishment in minor: features, errors and problems
of judicial practice 56

P.N. KOBETS, D.A. BRAZHNIKOV. Criminal-legal
and criminological problems of countering biological
terrorism 60

N.A. KUDRATOV. The role of education in the prevention
of extremism 64

V.A. PEROV. Features of qualification of actions
of persons who carry out abuses in the sphere
of procurement of goods, works, services
for state or municipal needs 70

The original-model is created by publishing house «UNITY-DANA»

■ The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

■ Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.

■ At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation» the reference to the journal is obligatory.

■ In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8. Offset printing Circulation 1000 copies «Buki Vedi» «Your Publishing Partner»
Moscow, Ilmensky pr-d, 1, bldg.6.
Tel. 8 (495) 926-63-96

A.Zh. SARKISYAN, G.F. KOIMSHIDI. State of crime in the sphere of high technologies and modern trends of combating it in the Investigative Committee of the Russian Federation 74

A.N. SUPRUN. Qualifying and preferential features of retail sale of alcoholic beverages to minors: problem setting and solutions 91

A.A. YAKOVLEV. Criminal and penal measures to counter the spread of socially significant diseases: problems and solutions 97

Criminal trial

O.M. EFREMOVA, V.F. VASYUKOV. On the nature and legal regulation of the investigator's powers in criminal proceedings 101

K.K. KLEVTSOV. Some aspects of criminal prosecution in case of crimes in the sphere of entrepreneurial activity 106

I.V. MASLOV. Development of the criminal process and some reflections on its dialectics (within the framework of the controversy with the article by Yu.A. Tsvetkov "Dialectics of the criminal process") 111

I.G. SAVITSKAYA. On the ethical side of inspection, search and seizure in the dwelling 118

T.V. CHEREMISINA. Causes for issuing a private court order at the preliminary investigation stage 123

Criminalistics; forensic activity; operational and investigative activities

V.V. BYCHKOV. Some aspects of the appointment of examinations in the investigation of extremist crimes committed using the Internet 129

M.A. VASILYEVA. Stages of development of environmental crime investigation methodology 134

M.V. KARDASHEWSKAYA. Use of information technologies in solving serial crimes 138

A.A. LEBEDEVA. The digital financial assets, criminal risks connected with their legalization 142

N.P. MAYLIS, Yu.I. KHOLODNY. Some theoretical aspects of technology studies using a polygraph 147

A.M. POPOV, A.M. ZHURBENKO. Features of disclosure and investigation of crimes against the person committed by health care workers 153

Administrative law; administrative process

K.S. BAKANOV. Termination of the right to drive a vehicle because of the application of administrative and criminal punishment related to deprivation of the right to drive 159

Research by young scientists

I.V. DUBAKINA. Features of the forensic characteristics of sexual coercion committed on the internet against minor victims 165

Reviews

A.I. BASTRYKIN. I. M. R a h i m o v. Religion and Punishment. St. Petersburg, 2020. 217 p. 170

Scientific life

Results of the Competition of scientific papers devoted to the activities of the investigative bodies of the Russian Federation 193

Александр Иванович БАСТРЫКИН,
Председатель Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
генерал юстиции Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации, а также поднимаются проблемы судебной экспертизы в России на данном этапе. Раскрываются сложности, связанные с неоднозначностью решения вопроса о лицензировании судебно-медицинской экспертизы, выдвигается предложение о наделении федеральных государственных органов и подведомственных им организаций функциями государственных судебно-экспертных учреждений.

Ключевые слова: судебная экспертиза, экспертное сопровождение следствия, экспертные учреждения, Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации, лицензирование производства экспертиз, государственные судебно-экспертные учреждения.

Alexander Ivanovich BASTRYKIN,
Chairman of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
General of Justice of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation

DISPUTED ISSUES OF THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC EXPERTISE

Abstract. This article discusses the activities of the Centre for Forensic Expertise of the Investigative Committee of the Russian Federation and the problems of forensic expertise in Russia at the present stage.

The article reveals difficulties connected with the ambiguous resolution of the issue of licensing of forensic expertise, proposes to grant federal public authorities and their subordinate organizations the functions of state forensic institutions.

Keywords: forensic expertise, expert support of investigation, expert institutions, Centre for Forensic Expertise of the Investigative Committee of the Russian Federation, licensing of expertise, state forensic expert institutions.

Экспертное сопровождение следствия происходит на всех его этапах. Своевременно полученные результаты качественно проведенных экспертных исследований зачастую определяют окончательные выводы следствия (и суда) о виновности или невиновности лиц, обвиняемых в совершении преступлений. Именно поэтому с первых дней работы Следственный комитет России пристальное внимание уделяет вопросам организации экспертно-криминалистической деятельности, а также качественному криминалистическому сопровождению раскрытия и расследования

преступлений, в том числе совершенных в прошлые годы.

Вопросы объективизации доказывания в современных условиях диктуют необходимость надежного подкрепления выводов следствия за счет мощного научного и методического фундамента экспертных исследований.

Решение этих вопросов в Следственном комитете возложено на федеральное государственное казенное учреждение «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» (далее — СЭЦ СК России).

СЭЦ СК России создан 24.07.2020 в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.07.2020 № 1827-р¹ и приказом Следственного комитета от 24.07.2020 № 76 на базе управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета.

Создание СЭЦ СК России является итогом многолетней работы по приданию экспертам Следственного комитета статуса государственных судебных экспертов. Изменения в законодательстве позволили устранить некоторые правовые пробелы, связанные с проведением судебных экспертиз экспертами Следственного комитета, и установить правила функционирования в ведомстве собственного судебно-экспертного учреждения.

В настоящее время учреждение является самостоятельным юридическим лицом, штатной численностью 729 единиц.

В состав учреждения входят центральный аппарат с дислокацией в г. Москве и 6 филиалов с дислокацией в городах Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Хабаровске, Новосибирске и Ессентуках. Они объединяют экспертов, работающих практически в каждом субъекте Российской Федерации.

В настоящее время в СЭЦ СК России организовано производство биологических, бухгалтерских, дактилоскопических, информационно-аналитических, компьютерно-технических, лингвистических, налоговых, оценочных, пожарнотехнических, почерковедческих, психофизиологических, строительно-технических, судебно-медицинских экспертиз, технико-криминалистических экспертиз документов, финансово-аналитических, фоноскопических, фотовидеотехнических, экологических судебных экспертиз.

В 2019 году экспертами Следственного комитета было выполнено более 33 тыс. экспертиз и исследований.

Эксперты Следственного комитета не остаются в стороне от важнейших тенденций мировой науки и техники. Начавшееся около четверти века назад внедрение ДНК-анализа в криминалистику продолжает бурно развиваться, открывая новые возможности для экспертизы.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 15.07.2020 № 1827-р «О создании федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 29. Ст. 4727.

По инициативе Следственного комитета в рамках реализации Научно-технической программы Союзного государства России и Беларуси в 2017 г. был заключен государственный контракт «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства» («ДНК-идентификация»).

Целью программы является разработка соответствующих современному мировому уровню развития науки отечественных ДНК-технологий для криминалистики. Эти технологии существенно расширяют возможности молекулярно-генетической экспертизы биологических следов, обнаруженных на месте преступления. Появится возможность устанавливать:

- фенотип индивида – цвет глаз, цвет волос и другие внешние признаки;
- возраст индивида;
- этногеографическое происхождение;
- психоэмоциональный статус индивида (регулярные факты употребления наркотикосодержащих препаратов, алкоголя).

Результаты работы будут использованы в работе криминалистических лабораторий правоохранительных органов Российской Федерации и в центральном аппарате Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Это станет существенным дополнением к существующим методам ДНК-идентификации личности и установления родства. Новые технологии позволят получать важную для следствия информацию при работе с деградированной ДНК, со следами, содержащими малое количество ДНК, а также со сложными смешанными следами.

Экспертами СЭЦ СК России совместно со специалистами НИИ криминалистики ГУК (КЦ) СК России проводится научно-исследовательская работа, в ходе которой выработан комплекс технических приемов и рекомендаций по работе с латентными (скрытыми) контактными следами, которые, как правило, образуются в результате переноса клеток эпителия (кожи) при контакте с одеждой или иными предметами.

Предлагаемые методы основаны на применении комплексного подхода с использованием основ трасологии, судебной медицины, криминалистики, ситуалогического анализа и поисковых методик с применением источников экспертного света. Особое внимание экспертами уде-

ляется изучению материалов уголовного дела, таких как протоколы осмотра места происшествия, фототаблицы, заключения первичных судебно-медицинских экспертиз и пр.

Кроме того, разработана методика поиска и изъятия контактных следов преступника с тел жертв, подвергшихся насильственным действиям, для последующего молекулярно-генетического исследования. Поиск скрытых повреждений на теле жертвы проводится с использованием источников экспертного света. Обнаружение следов преступника именно в местах повреждений на теле в сочетании с данными из материалов уголовного дела приобретает большую ценность в доказывании и интерпретации произошедшего преступления для следствия и суда.

Данный комплекс мер позволяет экспертам отдела биологических исследований СЭЦ СК России в результате проведения экспертиз достигать положительного результата в большинстве случаев. При этом до 60 % экспертиз, проводимых отделом, являются повторными и дополнительными, что само по себе характеризует их трудоемкость и сложность.

Высокая квалификация и техническая оснащенность экспертов СК России позволяют проводить уникальные компьютерно-технические исследования сложных объектов и получать результаты даже в случаях, когда экспертами других ведомств ситуация признается безнадежной.

Общей практикой в Следственном комитете стало экспертное восстановление удаленных файлов, в том числе фотографий и видеозаписей, исследование компьютеризированных блоков современных автомобилей в целях установления существенных обстоятельств дорожно-транспортных происшествий.

Передовой опыт экспертов СК России в вопросах исследования цифровых следов (социальные сети и иные интернет-ресурсы, информационно-аналитические исследования больших массивов информации из баз данных операторов сотовой связи, различных министерств и ведомств) при расследовании преступлений признан, активно изучается и внедряется коллегами-экспертами правоохранительных ведомств России.

Знания экспертов-лингвистов помогают решать вопросы о наличии в информационном контенте признаков экстремизма, что имеет определяющее значение при принятии следователем решения о возбуждении уголовного дела.

Как видно из приведенных данных, собственная экспертная служба в Следственном комитете успешно развивается.

* * *

Однако в целом развитие судебной экспертизы в России не проходит гладко. И для того есть объективные причины: многое сводится, к сожалению, к финансовой составляющей.

Отдельного рассмотрения заслуживают имеющиеся проблемы организации судебно-медицинской экспертизы.

Судебно-медицинская экспертиза является самым востребованным видом судебной экспертизы (более 3 млн экспертиз и исследований ежегодно) и одним из основных источников доказательств при расследовании большинства преступлений против жизни и здоровья.

Региональные бюро судебно-медицинских экспертиз ориентированы в первую очередь на оказание платных услуг, в том числе на активное участие в сфере платных ритуальных услуг населению, что нередко приводит к игнорированию законных интересов следственных органов, вплоть до отказа от проведения судебно-медицинских экспертиз по уголовным делам, расследуемым в других регионах.

При этом у следственных органов практически отсутствует возможность проведения судебно-медицинских экспертиз вне своего субъекта Российской Федерации, когда в этом возникает необходимость (по уголовным делам о врачебных ошибках, а также при проведении повторных экспертиз).

Следует отметить и сложности при получении следователями заключений судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз.

Значительное сокращение количества «стражных» отделений судебно-психиатрической экспертизы и существенный рост нагрузки на действующие приводят к увеличению сроков предварительного расследования и содержания под стражей по уголовным делам. Растут расходы федерального бюджета на этапирование обвиняемых в совершении преступлений лиц, содержащихся под стражей, в другие регионы Российской Федерации.

В ряде областей стационары построили, имеется подготовленный медицинский персонал, но учреждения не вступают в действие, так как на протяжении многих лет не решается вопрос с охраной таких стационаров.

Организация производства «стражных» судебно-психиатрических экспертиз стала реальной проблемой следственных органов.

Требует также разрешения проблема производства таких экспертиз в отношении лиц, страдающих открытой формой туберкулеза. Фактически в стране нет ни одного специализированного стационара или отделения. При этом ответы от руководства Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского содержат предложения «подлечить» подозреваемого (или обвиняемого), дожидаясь, когда открытая форма его заболевания перейдет в закрытую, и тогда назначить экспертизу.

Серьезная проблема для следствия — назначение судебно-медицинской экспертизы по преступлениям, связанным с ошибками врачей и оказанием некачественной медицинской помощи и услуг. В 2019 году возбуждено 2168 таких уголовных дел (- 3 %).

Основные трудности при назначении комиссионных судебно-медицинских экспертиз по указанным делам связаны с длительностью проведения экспертных исследований как в региональных бюро судебно-медицинской экспертизы, так и в РЦСМЭ Минздрава России (очередь на их производство сформирована там на 3 года вперед), с подбором необходимых узких специалистов соответствующих клинических профилей, а также качеством и объективностью данных экспертными комиссиями заключений.

При этом выводы по таким экспертизам зачастую не конкретны. Их трудно понять не только потерпевшему, его представителю, но и следователю, который вынужден назначать в связи с этим дополнительную или повторную экспертизу.

Данные проблемы носят системный характер, в той или иной мере стоят перед следственными управлениями всех субъектов Российской Федерации и требуют решения на федеральном уровне.

О проблемах судебной медицины Следственный комитет последние 10 лет неоднократно информировал руководство страны и Минздрава России.

В декабре 2019 года распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.12.2019 № 3225-р² утвержден план мероприятий («дорож-

ная карта») по совершенствованию организации и производства судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз в Российской Федерации. Работа над проектом новой концепции развития судебно-медицинской экспертизы будет осуществляться в рамках рабочей группы с участием представителей Следственного комитета.

Тяжелое состояние организации сложных комиссионных экспертиз в судебно-медицинских экспертных учреждениях Минздрава России, увеличение жалоб граждан в Следственный комитет на неблагоприятные исходы оказания медицинской помощи во многом стали причинами создания в Следственном комитете ведомственной судебно-медицинской экспертизы по материалам дел.

В настоящее время в СЭЦ СК России работают 24 судебно-медицинских эксперта. Все сотрудники являются дипломированными врачами — судебно-медицинскими экспертами, имеют действующий сертификат Минздрава России и большой опыт работы в судебно-медицинских учреждениях Минздрава России. Среди них один сотрудник имеет ученую степень доктора медицинских наук и 5 сотрудников — кандидата медицинских наук.

В 2019 году экспертами Следственного комитета выполнено 477 судебно-медицинских экспертиз. Из них около 60 % составляют экспертизы по преступлениям, связанным с неблагоприятными исходами оказания медицинской помощи.

Кроме того, судебно-медицинские эксперты СЭЦ СК России участвуют в осмотрах трупов, допросах в качестве эксперта (специалиста), допросах медицинских работников, заседаниях судов. При необходимости (в социально значимых и резонансных случаях) присутствуют вместе со следователем в секционной при проведении судебно-медицинских экспертиз трупов с целью контроля за соблюдением методики вскрытия и получения оперативной информации. Проводят постоянные консультации следователей по различным разделам судебно-медицинской экспертизы, занятия со следователями по вопросам организации и деятельности судебно-медицинских экспертов, участвуют во встречах с потерпевшими в части разъяснения результатов проведенных судебно-медицинских экспертиз.

Вместе с этим эксперты Следственного комитета не могут заменить деятельность экспертов бюро судебно-медицинской экспертизы, но окажут помощь в ходе расследования уголовных дел, особенно при вариативности выводов ранее проведенных экспертиз.

² Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2019 № 3225-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию организации и производства судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 1, ч. 2. Ст. 140.

При организации в Следственном комитете производства судебно-медицинской экспертизы мы столкнулись с неоднозначностью решения вопроса о лицензировании данной экспертизы, что создает определенные трудности для экспертов Следственного комитета.

Федеральным законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»³ лицензирование деятельности по производству судебных экспертиз (любых видов) не предусмотрено.

Лицензирование производства судебных экспертиз в Минздраве России организовано на основании подзаконного акта – Постановления Правительства Российской Федерации от 16.04.2012 № 291⁴, утвердившего Положение о лицензировании медицинской деятельности. В данном документе в числе лицензируемых воспроизведен перечень судебно-медицинских экспертиз, имеющийся в пункте 1 приказа Минздрава России от 12.05.2010 № 346н, который определяет порядок организации и производства экспертиз только в ГСЭУ системы здравоохранения.

Данный приказ не может распространяться на деятельность экспертов Следственного комитета и иных ведомств.

К тому же в приказе № 346н к судебно-медицинским экспертизам необоснованно отнесены различные самостоятельные немедицинские виды судебных экспертиз (биологические, генетические, медико-криминалистические, химико-токсикологические, химические, спектрографические и др.), массовое производство которых традиционно осуществляется экспертами немедицинских специальностей в различных ведомствах МВД России, ФСБ России, Минюста России, СК России и др. Иными словами, в приказе № 346н «перечень экспертиз, выполняемых в ГСЭУ Минздрава России», необоснованно трансформировался в «перечень судебно-медицинских экспертиз».

³ Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Парламентская газета. 2011. 13–19 мая (№ 23).

⁴ Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 (ред. от 01.08.2020) «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 17. Ст. 1965.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2004 № ГКПИ2004-738⁵ и соответствующим определением кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 16.09.2004⁶ деятельность по производству судебных экспертиз по материалам дел о врачебных ошибках признана не подлежащей лицензированию, так как она не может создавать угрозу для жизни и здоровья людей, поскольку не является медицинским вмешательством.

Вопрос об исключении судебно-медицинских экспертиз вещественных доказательств и судебно-медицинских экспертиз по материалам дел из лицензируемых видов медицинской деятельности по инициативе Следственного комитета включен в повестку заседания Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

* * *

Определенные недостатки имеют нормы действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые регулируют взаимодействие следователя и эксперта при назначении и производстве судебных экспертиз.

Уже отмечалось, что во многих случаях следователь при расследовании преступлений, прежде всего особо тяжких преступлений против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, назначает судебно-психиатрические и психолого-психиатрические экспертизы.

И хотя внесенные не так давно в ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ изменения позволяют назначать судебные экспертизы на стадии доследственной процессуальной проверки, такие экспертизы до возбуждения уголовного дела назначить нельзя, так как в соответствии с законом они проводятся только в отношении

⁵ Решение Верховного Суда РФ от 23.06.2004 № ГКПИ2004-738 «О признании недействующими пунктов 06.020, 06.020.1, 06.020.2 и 06.020.4 раздела 06 «Прочие работы и услуги» Номенклатуры работ и услуг по оказанию соответствующей медицинской помощи, утв. приказом Минздрава РФ от 26.07.2002 № 238» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2004 № КАС04-451 «О частичной отмене решения Верховного Суда РФ от 23.06.2004 № ГКПИ2004-738 и отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими пунктов 06.020, 06.020.1, 06.020.2 и 06.020.4 раздела 06 «Прочие работы и услуги» Номенклатуры работ и услуг по оказанию соответствующей медицинской помощи, утв. Приказом Минздрава РФ от 26.07.2002 № 238» (извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 3.

подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, а таких участников уголовного производства на стадии проверки сообщения о преступлении еще не имеется, они появляются только в ходе следствия.

Кроме того, согласно части 1.2 ст. 144, которой УПК был дополнен в соответствии с Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ⁷, если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению.

Фактически законодатель расширил основания назначения дополнительной или повторной экспертизы, не внося соответствующие изменения в специальную норму — ст. 207 «Дополнительная и повторная судебные экспертизы».

Помимо этого, императивное указание на обязательность удовлетворения данного вида ходатайства приводит к тому, что в отдельных случаях сторона защиты, злоупотребляя своим правом, в целях затягивания сроков следствия заявляет ходатайства на завершающей стадии расследования. Зачастую такие ходатайства недостаточно обоснованы.

Не урегулирован в должном объеме вопрос о заключении и показаниях специалиста, которые в соответствии со ст. 74 УПК РФ являются полноценными доказательствами, наряду с заключением и показаниями эксперта. Неясно, на основании какого документа, в какой форме должен специалист составить свое заключение.

Следует также отметить, что в главе 10 УПК РФ «Доказательства в уголовном судопроизводстве» нет отдельной статьи, посвященной такому доказательству, как «показания специалиста». Следователь вынужден применять в данном случае аналогию — допрашивать специалиста как свидетеля (но у свидетеля иной процессуальный статус, права и обязанности).

К сожалению, УПК РФ не предусмотрена возможность получения и использования заключения специалиста как квалифицированного суждения по поставленным вопросам до возбуждения уголовного дела.

Помимо этого, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении следователь вправе требовать производства

документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов.

Представляется, что к объектам, которые могут быть исследованы до возбуждения уголовного дела, следует также добавить «следы, вещества», так как они не могут быть отнесены к предметам и документам, а их исследования довольно часто проводятся специалистами в процессе проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ (например, следы биологической природы).

Отсутствует достаточная ясность по вопросу, каким документом должны быть оформлены предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ исследования документов, предметов, трупов. На практике данные исследования оформляются и как «акт исследования», и как «заключение специалиста».

В последнем случае это вступает в противоречие с положением Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»⁸, согласно которому заключение специалиста не включает в себя проведение исследования тех или иных объектов.

В этом же постановлении Пленума предусмотрена возможность выполнения комплексной экспертизы одним экспертом, в то время как УПК РФ устанавливает, что комплексные экспертизы проводятся комиссионно.

Имеются проблемы, вытекающие из действующих редакций статей 70, 71 УПК РФ. Так, редакции статей 70, 71 («Отвод эксперта», «Отвод специалиста») допускают «широкое» толкование стороны обвинения, в результате чего усматривается зависимость всех экспертных систем правоохранительных органов от стороны обвинения.

Вместо имеющегося в указанных статьях требования об отсутствии любой формы зависимости представляется целесообразным:

- уточнить редакции статей 70, 71 УПК РФ, обозначив под стороной обвинения не всю систему, а лицо (орган), назначившее экспертизу и осуществляющее производство по конкретному уголовному делу;
- использовать при уточнении редакций данных статей подход Республики Казахстан, при котором эксперт, производящий экспертизу, законом объявляется независимым как от своего руководства, так и от других должностных лиц, назначивших экспертизу (ст. 8 закона Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности»);

⁷ Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 6 марта (№ 48).

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

- вернуть в российское уголовное судопроизводство институт установления «объективной истины» и исключить следователя из стороны обвинения.

Имеются и иные пробелы в законодательстве, несоответствия в различных законодательных актах, регулирующих назначение и производство судебных экспертиз.

Насущные вопросы, требующие решения, связаны с необходимостью унификации и стандартизации методик экспертных исследований. В этих целях приказом Росстандарта от 19.05.2017 № 1026⁹ создан технический комитет по стандартизации «Судебная экспертиза», членом которого является и Следственный комитет. Уже принято несколько национальных стандартов терминов и определений судебной экспертизы. В 2020 году завершена работа над проектами стандартов по судебной строительно-технической и судебной почерковедческой экспертизам.

* * *

С целью обеспечения исполнения полномочий судов, органов дознания и следствия в ряде федеральных органов исполнительной власти созданы и функционируют государственные судебно-экспертные учреждения в виде юридических лиц или их структурных подразделений. Наиболее развитые сети ГСЭУ сформированы в МВД России, Минздраве России, Минюсте России, ФСБ России, ФТС России, МЧС России, Минобороны России.

Несмотря на то, что перечень видов судебных экспертиз, проводимых в ГСЭУ, достаточно большой, обеспечить потребности судов и следственных органов по всему спектру специальных знаний они не могут. Так, в Российской Федерации отсутствуют государственные судебно-экспертные учреждения, специализирующиеся на производстве судебных экспертиз в сфере компетенции надзорных государственных органов. Необходимость в указанных экспертизах возникает при расследовании преступлений, имеющих повышенный общественный резонанс, связанных с причинением вреда жизни и здоровью граждан, техногенными катастрофами и чрезвычайными ситуациями, разрушениями и авариями на авиационном, космическом, морском (речном), железнодорожном транспорте, производ-

ственно-технических, спортивно-развлекательных и иных объектах.

Вместе с тем в стране имеются государственные учреждения, специально созданные федеральными органами исполнительной власти для обеспечения надзорной, контрольной и иных видов деятельности посредством проведения несудебных экспертиз, исследований, испытаний и иных видов несудебных оценок.

Так, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) учреждены ФБУЗ «Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора» и такие же федеральные бюджетные учреждения здравоохранения во всех субъектах Российской Федерации. Они осуществляют исследования объектов продуктов питания, воды, атмосферного воздуха, выбросов химических, биологических веществ и микроорганизмов, отходов производства и т.д. Такие учреждения оснащены самым современным оборудованием, используют стандартизованные методики исследований.

Разветвленная сеть исследовательских лабораторий имеется и в ведении Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор).

Подобные экспертные учреждения (подразделения) созданы и в других федеральных органах исполнительной власти, обеспечивающих надзорные, контрольные и иные виды деятельности: Ростехнадзор, Россельхознадзор, Росздравнадзор, Роскомнадзор, Росстандарт, Минцифры России и т.д. Такие экспертные учреждения имеют современное высокотехнологическое оборудование, квалифицированный персонал, обеспечивают международные стандарты качества проведения исследований и по содержанию своей деятельности являются такими же экспертными учреждениями, как ГСЭУ. Однако данные организации не обладают статусом государственных судебно-экспертных учреждений. Поэтому судебные экспертизы работникам этих учреждений назначаются следственными и судебными органами в порядке статьи 195 УПК РФ за плату как негосударственным судебным экспертам.

Считаем, что в целях производства судебных экспертиз при расследовании преступлений должен использоваться потенциал научно-исследовательских организаций, подведомственных федеральным государственным органам строительно-го, транспортно-го, горного, энергетического, эпидемиологического надзора. В случаях, если производство судебной экспертизы поручается указанным экспертным подразделениям, они должны

⁹ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19.05.2017 № 1026 (ред. от 06.04.2018) «Об организации деятельности технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза» // СПС «КонсультантПлюс».

осуществлять функции, исполнять обязанности, иметь права и нести ответственность как государственные судебно-экспертные учреждения.

Таким образом, все государственные учреждения с экспертными функциями должны быть поставлены законом в одни условия: если им назначена судебная экспертиза, они выполняют ее в приоритетном порядке и на безвозмездной основе в соответствии с законодательством о государственной судебно-экспертной деятельности.

Следственный комитет еще в 2012 году инициировал решение данного важного для уголовного судопроизводства вопроса. Он нашел свое отражение в перечне поручений Президента Российской Федерации от 03.02.2012 № Пр-267 и в протоколе заседания Совета Безопасности Российской Федерации от 31.05.2018.

По инициативе Следственного комитета данный вопрос был рассмотрен в октябре 2019 года на Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Однако членами Комиссии наше предложение поддержано не было.

Вместе с тем считаем, что предложение Следственного комитета о наделении федеральных государственных органов и подведомственных им организаций функциями государственных судебно-экспертных учреждений нельзя списывать с повестки дня, оно заслуживает дальнейшего рассмотрения.

* * *

В своей повседневной работе Следственный комитет исходит из того, что криминалистика — это наука, находящаяся в процессе непрерывного движения. Приоритет в развитии криминалистических исследований видится в области защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, противодействия коррупции, преступлениям в экономической сфере, совершенным с применением высоких технологий; в выработке предложений по совершенствованию законодательства, решению других актуальных проблем криминалистического обеспечения правоприменительной деятельности.

Дальнейшее развитие экспертной службы Следственного комитета видится в укреплении и развитии существующих направлений судебной экспертизы, в создании лаборатории физико-химических экспертиз, в открытии новых видов судебных экспертиз, востребованных следственной практикой.

Литература

1. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Парламентская газета. 2011. 13–19 мая (№ 23).

2. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 6 марта (№ 48).

3. Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра „Сколково“)» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 17. Ст. 1965.

4. Распоряжение Правительства РФ от 15.07.2020 № 1827-р «О создании федерального государственного казенного учреждения „Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 29. Ст. 4727.

5. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2019 № 3225-р «Об утверждении плана мероприятий („дорожной карты“) по совершенствованию организации и производства судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 1, ч. 2. Ст. 140.

6. Решение Верховного Суда РФ от 23.06.2004 № ГКПИ2004-738 «О признании недействующими пунктов 06.020, 06.020.1, 06.020.2 и 06.020.4 раздела 06 „Прочие работы и услуги“ Номенклатуры работ и услуг по оказанию соответствующей медицинской помощи, утв. приказом Минздрава РФ от 26.07.2002 № 238» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2004 № КАС04-451 «О частичной отмене решения Верховного Суда РФ от 23.06.2004 № ГКПИ2004-738 и отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими пунктов 06.020, 06.020.1, 06.020.2 и 06.020.4 раздела 06 „Прочие работы и услуги“ Номенклатуры работ и услуг по оказанию соответствующей медицинской помощи, утв. Приказом Минздрава РФ от 26.07.2002 № 238» (извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 3

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

9. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19.05.2017 № 1026 (ред. от 06.04.2018) «Об организации деятельности технического комитета по стандартизации „Судебная экспертиза“» // СПС «КонсультантПлюс».

Александр Вячеславович ФЕДОРОВ,
заместитель Председателя Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: 1956af@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЛАТВИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам уголовной ответственности юридических лиц в Латвийской Республике, установленной в 2005 г. путем внесения изменений в Уголовный закон Латвийской Республики. Рассматриваются вопросы формирования латвийского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц, раскрывается с позиций латвийского законодательства понятие «уголовная ответственность юридических лиц». В латвийском законодательстве реализована модель уголовной ответственности, при которой юридическое лицо признается не субъектом преступления, а субъектом уголовной ответственности, к которому применяются предусмотренные Уголовным законом меры принудительного характера. При этом субъектами уголовной ответственности являются только юридические лица частного права, тогда как привлечение к уголовной ответственности публичных юридических лиц законом не предусмотрено. Рассматриваются основания применения мер принудительного характера к юридическим лицам и виды таких мер. Указывается, что меры принудительного характера к юридическому лицу могут применяться за преступное деяние, если оно совершено в интересах соответствующего юридического лица, в его пользу или в результате ненадлежащего надзора с его стороны ответственным физическим лицом, которое действовало индивидуально или в составе коллегиального органа юридического лица. При этом под специально уполномоченным лицом понимается лицо, которое действовало на основании права представлять юридическое лицо или действовать от его имени, на основании права принимать решения от имени юридического лица либо на основании права осуществления контроля в рамках юридического лица. Рассматриваются применяемые к юридическим лицам меры принудительного характера (ликвидация, ограничение прав, конфискация имущества, денежное взыскание), а также уголовно-процессуальные вопросы применения к юридическим лицам мер принудительного характера. Отмечается, что от имени юридического лица в уголовном процессе участвует его представитель, приводятся права и обязанности представителя юридического лица. Наиболее подробно рассмотрены вопросы применения мер принудительного характера к юридическому лицу на стадии досудебного производства. Приводятся примеры применения к юридическим лицам мер принудительного характера.

Ключевые слова: Уголовный закон Латвийской Республики; юридическое лицо; уголовная ответственность юридических лиц; уголовные меры принудительного характера, применяемые к юридическим лицам; ликвидация; ограничение прав; конфискация имущества; денежное взыскание; досудебное производство; представитель юридического лица в уголовном процессе.

Aleksandr Vyacheslavovich FEDOROV,
 Deputy Chairman of the Investigative
 Committee of the Russian Federation,
 Candidate of Law, Professor,
 Honored Lawyer of the Russian Federation
E-mail: 1956af@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN LATVIA

Abstract. The article is devoted to the issues of the criminal liability of legal entities in the Republic of Latvia, established in 2005 by amending the Criminal Law of the Republic of Latvia. The issues of formation of the Latvian legislation on criminal liability of legal entities are considered, the concept of "criminal liability of legal entities" is disclosed from the position of the Latvian legislation. Attention is drawn to the fact that in the Latvian legislation a model of criminal liability is implemented, in which a legal entity is recognized not as a subject of a crime, but as a subject of criminal liability, to which measures of a coercive nature provided for by the Criminal Law are applied. At the same time, only legal entities of private law are subject to criminal liability, while the law does not provide for bringing public legal entities to criminal liability. The reasons for the application of enforcement measures to legal entities and the types of such measures are considered. It is indicated that compulsory measures against a legal entity can be applied for a criminal act if it was committed in the interests of the relevant legal entity, in its favor or as a result of improper supervision on its part by a responsible individual who acted individually or as part of a collegial body of a legal entity. In this case, a specially authorized person means a person who acted on the basis of the right to represent a legal entity or to act on its behalf, on the basis of the right to make decisions on behalf of the legal entity or on the basis of the right to exercise control within the legal entity. The article considers the enforcement measures applied to legal entities (liquidation, restriction of rights, confiscation of property, monetary recovery), as well as criminal procedural issues of the application of compulsory measures to legal entities. It is noted that on behalf of a legal entity, its representative participates in the criminal process, the rights and obligations of the representative of the legal entity are given. The most detailed consideration is given to the application of compulsory measures to a legal entity at the stage of pre-trial proceedings. Examples of application of enforcement measures to legal entities are given.

Keywords: Criminal Law of the Republic of Latvia, legal entity, criminal liability of legal entities, criminal enforcement measures applied to legal entities, liquidation, limitation of rights, confiscation of property, pecuniary punishment, pre-trial proceedings, representative of a legal entity in criminal proceedings.

Указом Президента Российской Федерации от 27 сентября 2010 г. № 1182 «Вопросы Следственного комитета Российской Федерации» на базе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации создан новый самостоятельный вневедомственный следственный орган, непосредственно подчиненный Президенту Российской Федерации, — Следственный комитет Российской Федерации. Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», вступившим в силу с 15 января 2011 г., законодательно закреплено образование Следственного комитета Российской Федерации. Эта дата — 15 января определена как памятная дата истории предварительного следствия России — День образования Следственного комитета Российской Федерации. Таким образом, 15 января 2021 г. у Следственного комитета Российской Федерации 10-летняя годовщина.

Оценивая итоги работы Следственного комитета за 10 лет, необходимо отметить, что результатами его деятельности стали не только раскрытие преступлений и осуждение лиц, их совершивших, но и ряд законодательных инициатив, направленных на обеспечение национальной безопасности, защиту прав граждан, поддержание правопорядка и совершенствование нормативно-правового обеспечения борьбы с преступностью¹.

¹ Об этом направлении деятельности Следственного комитета см.: *Бастрыкин А.И.* Следственный комитет Российской Федерации: законодательные инициативы и качество следствия // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2017. № 3 (17). С. 9—13; *Бастрыкин А.И.* Правотворческая деятельность Следственного комитета Российской Федерации // *Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.* 2017. № 4 (14). С. 27—33; *Федоров А.В.* Участие Следственного комитета Российской Федерации в правотворческой деятельности как составляющая бес-

Одной из таких инициатив стало предложение о введении в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц², проведение работы по разъяснению этого нового для российского уголовного права института³.

В настоящее время уже в большинстве государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, имеет место уголовная ответственность юридических лиц. Она установлена в Азербайджане, Грузии, Киргизии, Латвии, Литве, Молдавии, на Украине и в Эстонии. Проходящий обсуждение проект нового Уголовного кодекса Армении также предусматривает установление уголовной ответственности юридических лиц.

Настоящая статья посвящена уголовной ответственности юридических лиц в Латвийской Республике (Латвии).

Изучение развития уголовного законодательства стран, в которых на протяжении XX века

формировалось и применялось советское уголовное право, имеет существенное значение для оценки современного состояния российского уголовного права и определения направлений его дальнейшего совершенствования. Включая возможные варианты установления уголовной ответственности юридических лиц.

1. Формирование латвийского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц

История национального латвийского уголовного законодательства связана с историей становления латвийской государственности, насчитывающей немногим более 100 лет. Латвия впервые возникла как независимое государство в 1918 г., когда в результате распада Российской империи была образована Латвийская Республика. С 1940 г. Латвийская ССР входила в состав Советского Союза. С 1991 г. Латвия — самостоятельное государство⁴.

В период нахождения территории современной Латвии в составе Российской империи на этой территории действовали российские кодифицированные уголовные законы — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. с последующими изменениями и Уголовное уложение 1903 г. Последнее действовало до вступления в силу 1 августа 1933 г. Уложения о наказаниях Латвии, основанного на Уголовном уложении 1903 г.⁵ с заимствованиями из Уголовного уложения (УК) Германии и УК Италии. С вхождением в состав СССР в Латвии был введен Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.⁶, а с 1961 г. действо-

печения национальной безопасности (на примере совершенствования нормативно-правового регулирования ответственности юридических лиц) // Следственный комитет Российской Федерации: место и роль в обеспечении национальной безопасности государства: Общероссийская научно-практическая конференция (Москва, 17 февраля 2016 г.): сборник статей. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2016. С. 82—86.

² В частности, был разработан Следственным комитетом Российской Федерации проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». Законопроект размещен в информационно-справочной системе «КонсультантПлюс» и на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации. Подробнее об этом законопроекте см.: *Смирнов Г.К.* Характеристика проекта закона Следственного комитета Российской Федерации об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). М.: Юрлитинформ, 2013. С. 110—119.

³ См., напр.: *Бастрыкин А.И.* К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // *Время и право.* 2012. № 3. С. 14—19; *Бастрыкин А.И.* Преступность юридических лиц // *Время и право.* 2014. № 1. С. 2—7; *Бастрыкин А.И.* К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2013. № 2. С. 3—13; *Бастрыкин А.И.* Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации.* 2014. № 1. С. 6—12; *Федоров А.В.* О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации.* 2014. № 1. С. 13—21.

⁴ О становлении латвийской государственности и развитии латвийского законодательства см.: Конституции государств Европы. Т. 2 / под общ. ред. *Л.А. Окунькова.* М., 2001. С. 293—307.

⁵ *Звонарев А.В.* Влияние российского законодательства на развитие уголовного права Латвийской Республики в 1918 — начале 1920-х годов // *Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского* (г. Москва, 23 апреля 2020 г.). М., 2020. С. 104—108.

⁶ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1940 г. «О временном применении уголовного, гражданского и трудового законодательства РСФСР на территории Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик» // *Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг.* / под ред. *И.Т. Голякова.* М., 1953. С. 408—409.

⁷ См.: Закон Латвийской ССР от 6 января 1961 г. «Об утверждении Уголовного кодекса Латвийской ССР» // *Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР.* 1961. № 3.

вал Уголовный кодекс Латвийской ССР⁷ (Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas kriminālkodekss), лишь незначительно отличавшийся от уголовных кодексов других союзных республик СССР⁸. В соответствии с постановлением Верховного Совета Латвийской Республики от 29 августа 1991 г. «О применении законодательных актов на территории Латвийской Республики» как Уголовный кодекс Латвии он применялся до 1999 г.

С 1 апреля 1999 г. вступил в силу ныне действующий Уголовный закон Латвийской Республики⁹ (далее по тексту — УЗ Латвии). Этот закон и его последующие изменения зафиксировали отказ от многих стандартов, присущих уголовным кодексам республик, входивших в состав Советского Союза¹⁰, включая отказ от названия «уголовный кодекс» (Kriminālkodekss) и использование названия «уголовный закон» (Krimināllikums), а также деление преступных деяний (уголовных правонарушений) на уголовные проступки и преступления¹¹.

Вопрос о признании уголовной ответственности юридических лиц в УЗ Латвии первоначально был разрешен в традициях советского права, отрицающего возможность такой ответственности, что

⁸ Об этом см.: *Блум М.И.* Особенности Уголовного кодекса Латвийской ССР // Особенности уголовных кодексов союзных республик: сборник статей / под ред. *В.Д. Меньшагина*. М., 1963. С. 334—378; *Иванов В.Н.* Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. Единство и особенности. М., 1973.

⁹ Latvijas Vēstnesis [«Латвияс Вестнесис» — «Латвийский вестник», официальное периодическое издание Латвийской Республики для публикации законов, постановлений Кабинета министров и других нормативных актов, далее по тексту — LV], № 199/200, 08.07.1998. Уголовный закон принят Сеймом (Парламентом) Латвийской Республики 17 июня 1998 г., обнародован Президентом Латвийской Республики 8 июля 1998 г. Законом от 15.10.1998 «О сроках и порядке введения в действие Уголовного закона» было установлено, что Уголовный закон Латвийской Республики вступает в силу с 1 апреля 1999 г. См. LV, 331/332, 04.11.1998.

¹⁰ Об этом см.: Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступ. ст.: *А.И. Лукашов, Э.А. Саркисова*. СПб, 2001. С. 8—46; *Крастиньш У.* Новый Уголовный закон Латвии // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сборник научных статей. М., 2002. С. 174—189.

¹¹ Согласно ст. 7 УЗ Латвии уголовным проступком является преступное деяние, за которое законом предусмотрено лишение свободы на срок от пятнадцати дней, но не более трех месяцев (временное лишение свободы) или меньшая форма наказания. Деяния, за которые законом установлены большие формы наказания, признаются преступлениями.

вступало в противоречие с новым статусом государства, обусловленным принятием Латвии в 2004 г. в Европейский союз (ЕС). Ряд актов ЕС предусматривает установление входящими в его состав странами уголовной ответственности юридических лиц¹², и, как отмечается в работах латвийских ученых, инстанции Европейского союза настаивали на выполнении Латвией их требований в этой части. В европейских странах уголовная ответственность юридических лиц в соответствии с актами ЕС понимается широко, не только как признание юридического лица субъектом преступления, к которому применяются уголовные наказания, но и как признание его субъектом уголовной ответственности (не являющегося субъектом преступления), к которому применяются не уголовные наказания, а предусмотренные уголовным законом иные меры уголовно-правового воздействия — меры принудительного характера. В имеющихся исследованиях такая ответственность иногда именуется как «квазиуголовная»¹³. Этот вариант и был выбран латвийским законодателем¹⁴ с учетом мнения специалистов, отрицающих возможность признания юридического лица субъектом преступления¹⁵.

Уголовная ответственность юридических лиц в Латвийской Республике установлена Законом от 5 мая 2005 г.¹⁶, изменившим ст. 12 УЗ Латвии и дополнившим УЗ Латвии главой VIII.1 «Меры

¹² Подробнее об этом см.: *Федоров А.В.* Регламентация вопросов уголовной ответственности юридических лиц в актах Европейского союза // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1 (23). С. 15—24.

¹³ *Додонов В.Н.* Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. ред. *С.П. Щербь*. М., 2009. С. 170.

¹⁴ О требованиях ЕС об установлении уголовной ответственности юридических лиц и обстоятельствах подготовки и обсуждения проекта закона, вводящего такую ответственность, см.: *Крастиньш У.Я.* Об уголовно-правовых мерах воздействия на юридических лиц (исторический аспект уголовного законодательства Латвии) // История развития уголовного права и её значение для современности: материалы 5-й Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 26—27 мая 2005 г. М., 2006. С. 217—220; *Крастиньш У.Я.* Исторический аспект института уголовно-правовых мер воздействия на юридических лиц в Латвии // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию Уголовного уложения 1813 года) / отв. ред. *В.С. Комиссаров*. М., 2013. С. 572—573.

¹⁵ См.: *Крастиньш У.Я.* Коллективный субъект в уголовном праве // Уголовное право в XXI веке: материалы международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая — 1 июня 2001 г. М., 2002. С. 44—47.

¹⁶ Закон от 5 мая 2005 г. // LV, 82, 25.05.2005.

принудительного воздействия, применяемые к юридическим лицам»¹⁷. В дальнейшем в УЗ Латвии неоднократно (законами о поправках в УЗ Латвии от 13 декабря 2012 г.¹⁸, 14 марта 2013 г.¹⁹, 15 мая 2014 г.²⁰, 10 марта 2016 г.²¹ и 11 июня 2020 г.²²) вносились изменения, регламентирующие вопросы уголовной ответственности юридических лиц. Произведенные в 2005 г. изменения латвийского законодательства, устанавливающие уголовную ответственность юридических лиц, фрагментарно рассматривались в ряде российских исследований²³.

2. О понятии «уголовная ответственность юридических лиц» и признании юридического лица субъектом уголовной ответственности

Используемое в Латвии (а также в российских и зарубежных исследованиях латвийского уголовного законодательства) понятие «уголовная ответственность юридических лиц» нуждается в разъяснении.

В соответствии со ст. 12 УЗ Латвии²⁴ в случае совершения физическим лицом преступного деяния в интересах юридического лица частного права, или в пользу этого лица, или в результате его ненадлежащего надзора или контроля к юридическому лицу могут быть применены меры

принудительного характера (воздействия), предусмотренные УЗ Латвии.

Можно ли рассматривать применение к юридическому лицу мер принудительного характера как уголовную ответственность? И да и нет. Все зависит от того, что понимается под уголовной ответственностью как таковой.

Ст. 1 УЗ Латвии «Основание уголовной ответственности» определяет, что к уголовной ответственности привлекается и наказывается только лицо, которое является виновным в совершении преступного деяния, то есть которое с умыслом (умышленно) или по неосторожности совершило предусмотренное УЗ Латвии деяние, имеющее все признаки состава преступного деяния.

Если исходить из раскрытого в положениях этой статьи понимания уголовной ответственности, то оно не распространяется на юридических лиц, которые не являются субъектом преступления (непосредственно не совершают преступления) и к которым не применяется уголовное наказание.

На наш взгляд, понятие «уголовная ответственность» по отношению к юридическим лицам в Латвии имеет иное содержание, заключающееся в применении к юридическому лицу в установленных УЗ Латвии случаях мер принудительного характера (не являющихся уголовными наказаниями) в установленном уголовно-процессуальным законом порядке. При таком понимании уголовной ответственности юридическое лицо можно рассматривать как субъект уголовной ответственности.

Так, латышскими учеными отмечается, что УЗ Латвии предусматривает два вида принудительных мер — уголовные наказания и иные уголовно-правовые меры воздействия (меры принудительного характера), которые не признаются наказаниями, но, как и наказания, связаны с совершенным преступным деянием. Общим для наказаний и мер принудительного характера является то, что они представляют собой меры принудительного воздействия, применяемые от имени государства в предусмотренных уголовным законом случаях и размере, назначаемые судом или уполномоченным государственным должностным лицом²⁵.

¹⁷ На эти новеллы латвийского уголовного законодательства сразу обратили внимание известные российские ученые. См., напр.: *Кузнецова Н.Ф.* О Первом Всероссийском Конгрессе по уголовному праву // *Российская юстиция.* 2006. № 6. С. 10; *Крылова Н.Е.* Уголовная ответственность юридических лиц (корпораций): сравнительно-правовой анализ // *Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права* / науч. ред. *Н.Ф. Кузнецова*, отв. ред. *В.С. Комиссаров*. М., 2009. С. 94.

¹⁸ Закон от 13 декабря 2012 г. // *LV*, 202, 27.12.2012.

¹⁹ Закон от 14 марта 2013 г. // *LV*, 61, 27.03.2013.

²⁰ Закон от 15 мая 2014 г. // *LV*, 105, 31.05.2014.

²¹ Закон от 10 марта 2016 г. // *LV*, 59, 24.03.2016.

²² Закон от 11 июня 2020 г. // *LV*, 119С, 22.06.2020.

²³ См.: *Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А.* Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. *В.И. Лафитский*. М., 2013. С. 168—171; *Уголовное право. Общая часть. Преступление.* Академический курс: в 10 т. / под ред. *Н.А. Лопашенко*. Т. 7: Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. 1: Субъект преступления. М., 2016. С. 210—213; *Федоров А.В.* Латвийское законодательство об уголовной ответственности юридических лиц // *Российский следователь.* 2020. № 11. С. 73—80.

²⁴ В редакции Закона от 14.03.2013 г.

²⁵ См.: *Крастиньш У.Я.* Системность и иные уголовно-правовые меры принудительного воздействия // *Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права* (31 мая — 1 июня 2007 г.). М., 2007. С. 215—218.

3. Юридические лица — субъекты уголовной ответственности

Субъектом уголовной ответственности в Латвии могут быть не все юридические лица.

Из содержания ст. 12 УЗ Латвии следует, что возможность применения мер принудительного характера предусмотрена только в отношении частных юридических лиц (юридических лиц частного права) и не распространяется на публичных юридических лиц, а также, как это следует из ст. 70.1 УЗ Латвии, на государственное или муниципальное общество капитала и товарищества (партнерства).

В Латвии к частным юридическим лицам, к которым возможно применение мер принудительного характера, относятся общество с ограниченной ответственностью (*sabiedrība ar ierobežotu atbildību, SIA*) и акционерное общество (*akciju sabiedrība, AS*), филиалы иностранных компаний.

4. Основания применения мер принудительного характера к юридическим лицам

Как уже было отмечено, действующая редакция ст. 12 УЗ Латвии устанавливает, что в случае совершения физическим лицом преступного деяния в интересах юридического лица частного права, в пользу этого лица или в результате его ненадлежащего надзора или контроля к юридическому лицу могут быть применены меры принудительного характера (воздействия), предусмотренные УЗ Латвии.

Первоначальная редакция ст. 12 УЗ Латвии конкретизировала понятие физического лица, в случае совершения которым преступного деяния в интересах юридического лица не публичного права к последнему могут быть применены предусмотренные УЗ Латвии меры принудительного воздействия. Указывалось, что применение этих мер возможно, когда физическое лицо действует в интересах юридического лица индивидуально или как член коллегиального органа соответствующего юридического лица и имеет право представлять юридическое лицо, или действовать по его заданию, или принимать решения от имени юридического лица, либо имело право осуществлять контроль в юридическом лице, или находится на службе юридического лица (Закон от 5 мая 2005 г.).

Законом от 14 марта 2013 г. из ст. 12 УЗ Латвии эти положения исключены в связи с опреде-

лением в ст. 70.1 УЗ Латвии оснований для применения мер принудительного характера к юридическому лицу.

Согласно ст. 70.1 УЗ Латвии суд или прокурор могут применить меры принудительного характера к юридическому лицу частного права за преступное деяние, предусмотренное Особенной частью УЗ Латвии, если оно совершено в интересах соответствующего юридического лица, в его пользу или в результате ненадлежащего надзора с его стороны физическим лицом, которое действовало индивидуально или в составе коллегиального органа юридического лица:

1) на основании права представлять юридическое лицо или действовать от его имени;

2) на основании права принимать решения от имени юридического лица²⁶;

3) в связи с отсутствием должного контроля в рамках юридического лица²⁷.

Из ст. 70.1 УЗ Латвии следует, что возможно применение мер принудительного характера к юридическим лицам при совершении любых уголовных правонарушений (уголовно наказуемых деяний — уголовных проступков и преступлений), предусмотренных УЗ Латвии.

5. Меры принудительного характера, применяемые к юридическим лицам

Принудительные меры (уголовные наказания и иные меры принудительного характера), согласно УЗ Латвии, делятся на основные и дополнительные. Ряд мер относится и к числу основных, и к числу дополнительных, в связи с чем в специальных исследованиях такие меры именуется «смешанными»²⁸.

²⁶ Физическое лицо, имеющее право представлять юридическое лицо или действовать от его имени либо принимать решения от имени юридического лица, обычно обозначают как «ответственное лицо».

²⁷ Из ст. 70.1 УЗ Латвии следует, что ею установлена так называемая «расширенная идентификационная модель» ответственности юридических лиц, когда уголовная ответственность предусматривается не только в случае совершения уголовного правонарушения ответственным физическим лицом, но и в случае, когда совершение уголовного правонарушения стало возможным вследствие отсутствия должного контроля со стороны юридического лица.

²⁸ См.: *Давидовская В.А.* Институт наказания в уголовном законодательстве стран Балтии: сравнительно-правовой анализ // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2018. № 11. С. 123.

Ст. 70.2 УЗ Латвии устанавливает, что к юридическому лицу могут быть применены следующие основные меры принудительного характера:

- 1) ликвидация;
- 2) ограничение прав;
- 3) конфискация имущества;
- 4) денежное взыскание.

Первоначальной редакцией ст. 70.2 УЗ Латвии предусматривалось, что к юридическому лицу могут быть также применены как дополнительные меры принудительного характера конфискация имущества и возмещение ущерба. Законом от 14 марта 2013 г. внесены изменения в ст. 70.2 УЗ Латвии. Новая редакция этой статьи уже не предусматривает возможность применения к юридическим лицам указанных мер. Таким образом, в отличие от уголовных наказаний для физических лиц, в настоящее время меры принудительного характера для юридических лиц не делятся на основные и дополнительные.

К юридическому лицу могут быть применены одна или несколько мер принудительного характера, предусмотренные ст. 70.2 УЗ Латвии, за исключением случая его ликвидации. При ликвидации юридического лица никакие другие меры принудительного характера не применяются.

Меры принудительного характера применяются к юридическим лицам на основании судебного решения или постановления прокурора.

Ст. 70.2 УЗ Латвии установлено, что за предусмотренные Особенной частью УЗ Латвии менее тяжкое преступление²⁹ или тяжкое преступление³⁰, наказуемое лишением свободы на срок до пяти лет, прокурор может издать постановление о применении в качестве меры принудительного характера денежного взыскания или ограничения прав юридического лица.

Ликвидация — это принудительное прекращение деятельности юридического лица. Эта мера принудительного характера применяется только в случае, если юридическое лицо специально со-

здано для совершения уголовного правонарушения или если было совершено тяжкое или особо тяжкое преступление. При ликвидации юридического лица все имущество, находящееся в его собственности, безвозмездно отчуждается в государственную собственность (ст. 70.3 УЗ Латвии).

Ограничение прав — это лишение определенных прав или разрешений либо наложение запрета, который не позволяет юридическому лицу осуществлять определенные права, получать государственную поддержку или помощь, участвовать в процедуре государственных закупок или закупок органов самоуправления, осуществлять определенные виды деятельности в течение периода от одного года до десяти лет (ст. 70.4 УЗ Латвии).

Конфискация имущества — принудительное отчуждение имущества, принадлежавшего юридическому лицу, в государственную собственность на безвозмездной основе. Конфискация может быть частичной или полной. Суд при назначении частичной конфискации имущества конкретно указывает, какое имущество подлежит конфискации. Имущество юридического лица, переданное другому лицу (физическому или юридическому), также может быть конфисковано (ст. 70.5 УЗ Латвии).

Денежное взыскание — это определение судом или прокурором денежной суммы, которую юридическое лицо должно выплатить государству в течение 30 дней. Фактически денежное взыскание — аналог штрафа, назначаемого как уголовное наказание физическим лицам.

Денежное взыскание в зависимости от тяжести уголовного правонарушения и имущественного положения юридического лица определяется ст. 70.6 УЗ Латвии в следующих размерах, исчисляемых в месячных заработных платах, установленных в Латвийской Республике³¹:

- 1) за уголовный проступок — в размере от пяти до десяти тысяч минимальных месячных заработных плат;
- 2) за менее тяжкое преступление — в размере от десяти до пятидесяти тысяч минимальных месячных заработных плат;
- 3) за тяжкое преступление — в размере от двадцати до семидесяти пяти тысяч минимальных месячных заработных плат;

²⁹ Менее тяжким преступлением признается умышленное преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до трех лет, а также преступление, совершенное по неосторожности, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет (ст. 7 УЗ Латвии).

³⁰ Согласно ст. 7 УЗ Латвии тяжкое преступление — это умышленное преступление, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до восьми лет, а также преступление, совершенное по неосторожности, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более восьми лет.

³¹ Согласно латвийскому закону «О труде» (ст. 61) размер минимальной месячной заработной платы устанавливается Кабинетом министров (правительством). С 2018 г. он составляет 430 евро (с 2014 г. евро является национальной валютой Латвии).

4) за особо тяжкое преступление — в размере от тридцати до ста тысяч минимальных месячных заработных плат.

При этом прокурор может применить денежное взыскание в размере не более половины максимального размера взыскания, предусмотренного ст. 70.6 УЗ Латвии.

Наложенное на юридическое лицо денежное взыскание выплачивается из средств соответствующего юридического лица.

Суд или прокурор при принятии ими решения о применении денежного взыскания могут разделить выплату взыскания по срокам или отложить ее на срок, не превышающий одного года со дня вступления в законную силу судебного решения или постановления прокурора о применении меры принудительного характера в виде денежного взыскания.

Если сумма взыскания не уплачена юридическим лицом в установленный срок, взыскание производится в принудительном порядке.

В случае применения к юридическому лицу нескольких мер принудительного характера каждая из них выполняется самостоятельно.

Общие правила применения к юридическому лицу мер принудительного характера определены в ст. 70.8 УЗ Латвии. Согласно этой статье при определении вида и размера таких мер учитывается характер совершенного уголовного правонарушения и причиненный им ущерб, а также применение ранее к юридическому лицу мер принудительного характера. При этом учитываются:

- 1) фактические действия юридического лица;
- 2) характер и последствия этих действий;
- 3) меры, принятые юридическим лицом для предотвращения совершения уголовного правонарушения;
- 4) величина, род занятий и финансовое положение юридического лица;
- 5) меры, принятые юридическим лицом для возмещения причиненного ущерба или предотвращения причиненного ущерба;
- 6) примирилось ли юридическое лицо с потерпевшим.

В уголовном деле о нескольких уголовных правонарушениях суд при вынесении по делу судебного решения или прокурор при составлении постановления о применении меры принудительного характера назначают юридическому лицу такие меры отдельно за каждое преступление. Окончательный набор принудительных мер, подлежащих применению, определяется на основа-

нии совокупности уголовных правонарушений в следующем порядке:

- 1) меньшее денежное взыскание поглощается более крупным либо добавляется к нему полностью или частично;
- 2) ограничения прав суммируются;
- 3) конфискация имущества суммируется.

Если к юридическому лицу применяются меры принудительного характера по новому уголовному делу после вступления в силу по ранее рассмотренному уголовному делу решения суда или постановления прокурора о применении меры принудительного характера до полного исполнения назначенной меры принуждения, то суд добавляет к указанной в новом приговоре мере принудительного характера меру, которая не исполнена на основании предыдущего судебного решения или постановления прокурора.

6. Уголовно-процессуальные особенности применения мер принудительного характера к юридическому лицу

Основным источником латвийского уголовного-процессуального права является Уголовно-процессуальный закон (Kriminalprocesa likums) Латвии 2005 г.³² (далее по тексту — УПЗ Латвии) с последующими изменениями. УПЗ Латвии определяет порядок уголовного судопроизводства (регламентирует уголовный процесс).

6.1. Общие положения уголовного процесса Латвии

Система уголовного процесса Латвии включает обязательные и факультативные стадии. Обязательными являются стадия досудебного уголовного процесса (предварительного процесса, досудебного производства), стадия рассмотрения в суде первой инстанции и стадия передачи судебного решения (приговора, постановления) к исполнению.

Стадия досудебного производства включает в себя две части: следствие (собираение доказательств) и уголовное преследование (привлечение прокурором после получения материалов из следственного учреждения лица в качестве обвиняемого, предъявление обвинения и завершение им досудебного уголовного процесса с направлением дела в суд или иным путем).

³² LV, 74, 11.05.2005.

Присущая российскому уголовному процессу стадия возбуждения уголовного дела в Латвии отсутствует³³.

6.2. Начало производства о применении принудительных мер к юридическому лицу

Применение мер принудительного характера к юридическому лицу производится в соответствии с нормами УПЗ Латвии и является одним из видов досудебного процесса, имеющего отличия от производства следствия и уголовного преследования в общем порядке³⁴.

Первоначально ст. 439 УПЗ Латвии предусматривала, что применение принудительных мер к юридическому лицу осуществляется в уголовном производстве, в котором физическое лицо, совершившее уголовное правонарушение в интересах юридического лица, привлечено к уголовной ответственности.

Законом от 14 марта 2013 г.³⁵ ст. 439 УПЗ Латвии изложена в новой редакции, согласно которой может осуществляться отдельное производство о применении принудительных мер к юридическому лицу и применение таких мер к юридическому лицу может иметь место в ряде случаев и без осуждения физического лица.

Как правило, вопросы о назначении уголовного наказания физическому лицу и о применении мер принудительного характера к юридическому лицу рассматриваются в рамках одного производства, но, согласно части 3 ст. 439 УПЗ Латвии, лицо, ведущее уголовное производство, может выделить производство о применении меры принудительного характера к юридическому лицу в случаях, когда:

1) уголовное дело (производство) в отношении физического лица прекращено по нереабилитирующим обстоятельствам;

2) установлены обстоятельства, препятствующие установлению или привлечению к ответственности конкретного физического лица, либо по объективным причинам передача уголовного дела в суд в разумные сроки невозможна;

3) требуется своевременно разрешать уголовно-правовые отношения с физическим лицом, имеющим право на защиту;

4) имеется ходатайство об этом представителем юридического лица.

Производству о применении принудительных мер к юридическому лицу в любом случае должно предшествовать выявление уголовного правонарушения, совершенного физическим лицом.

Так, если в ходе уголовного процесса выясняется, что физическое лицо совершило преступное деяние (уголовный проступок или преступление) в интересах юридического лица, то производящее процесс лицо (следователь³⁶ или прокурор³⁷) может принять мотивированное постановление о начале процесса по применению мер принудительного характера к юридическому лицу.

В постановлении о начале производства по применению меры принуждения к юридическому лицу, как это предусмотрено ст. 439.1 УПЗ Латвии, лицо, ведущее производство, указывает:

1) обстоятельства совершения преступного деяния;

³³ Подробнее об этом см.: *Хитрова О.В.* Начало уголовного судопроизводства: современное состояние и перспективы развития // *Современные проблемы развития уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов конференции* (Москва, 22 июля 2013 г.). М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. С. 93—104.

³⁴ Об общем порядке уголовного процесса см.: *Уголовный процесс европейских государств: монография* / под ред. *В.И. Самарина, В.В. Луцка*. М.: Проспект, 2018. С. 433—468; *Булакова И.В.* Уголовное судопроизводство Латвии: история и современность // *Правоприменительная деятельность: история и современность: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти доцента М.В. Геворкяна*. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 272—281.

³⁵ LV, 61, 27.03.2013.

³⁶ Ст. 28 УПЗ Латвии определяет следователя как должностное лицо следственного органа, которое приказом начальника следственного органа уполномочено проводить расследование в уголовном производстве. Согласно ст. 386 УПЗ Латвии, следственными органами, осуществляющими расследование в пределах своей компетенции, являются: 1) государственная полиция; 2) полиция безопасности (служба государственной безопасности); 3) финансовая полиция (департамент внутренней безопасности Службы государственных доходов); 4) военная полиция; 5) тюремная администрация (управление мест заключения); 6) бюро по предупреждению и борьбе с коррупцией; 7) таможенная полиция Службы государственных доходов (таможенные органы); 8) государственная пограничная охрана; 9) капитаны морских судов, находящихся в дальнем плавании; 10) командиры частей (подразделений) Национальных вооруженных сил Латвии, находящихся на территории иностранных государств; 11) бюро (управление) внутренней безопасности.

³⁷ Прокурор осуществляет следствие в исключительных случаях, предусмотренных УПЗ Латвии.

2) юридическую квалификацию преступного деяния;

3) обоснование того, что расследуемое преступное деяние, скорее всего, совершено в интересах юридического лица или в результате ненадлежащего надзора или контроля с его стороны;

4) наименование, регистрационный номер и юридический адрес юридического лица.

Решение о возбуждении производства о применении принудительных мер к юридическому лицу обжалованию не подлежит.

Уголовный процесс в отношении юридического лица начинается с момента вынесения такого постановления.

6.3. Представитель юридического лица в уголовном процессе

Юридическое лицо, в отношении которого проводится процесс по применению к нему мер принудительного характера, осуществляет свои процессуальные права на защиту с помощью представителя (ст. 60 УПЗ Латвии).

Согласно ст. 93 УПЗ Латвии представителем юридического лица может быть:

1) физическое лицо в соответствии с полномочиями, указанными в документах, регулирующих деятельность юридического лица, либо

2) физическое лицо на основании специально выданной для этого доверенности.

Не может быть представителем физическое лицо, являющееся потерпевшим по соответствующему уголовному процессу, а также физическое лицо, чьи личные интересы вступают в противоречие с интересами представляемого юридического лица.

Если физическое лицо ранее было свидетелем в соответствующем уголовном процессе, лицо, ведущее производство, оценивает его возможность быть представителем юридического лица, в отношении которого проводится процесс по применению к нему мер принудительного характера.

Представитель допускается к участию в производстве о применении меры принуждения к юридическому лицу решением лица, ведущего это производство.

Представитель может быть заменен решением лица, ведущего процесс, которое оформляется в виде постановления.

Неучастие представителя в разбирательстве не является препятствием для продолжения уголовного процесса.

Ст. 94.1 УПЗ Латвии определяет обязанности представителя юридического лица. С момента его допуска к участию в производстве по делу о применении меры принуждения в качестве представителя юридического лица решением лица, ведущего производство, представитель обязан:

1) являться в указанные осуществляющим производство должностным лицом места и сроки, если соответствующее уведомление сделано в установленном законом порядке³⁸;

2) не препятствовать ходу процесса;

3) соблюдать установленный порядок при совершении процессуальных действий.

Представитель юридического лица, в отношении которого проводится процесс по применению к нему мер принудительного характера, имеет в том числе следующие права, предусмотренные ст. 94 УПЗ Латвии:

1) получить копию постановления о начале процесса по применению мер принудительного характера к юридическому лицу;

2) пригласить адвоката за счет юридического лица для реализации права на защиту;

3) ходатайствовать об отводе должностного лица, ведущего уголовный процесс;

4) подавать заявления о производстве следственных действий и об участии в них;

5) участвовать в следственных действиях, если такое участие не препятствует их производству или не ущемляет права другого лица³⁹;

6) получить мотивированное решение, если ему отказано в участии в следственных действиях, проводимых по его ходатайству или ходатайству защитника;

7) знакомиться с заключением экспертизы, если экспертиза проводилась по его ходатайству;

8) в предусмотренных УПЗ Латвии случаях и в установленном законом порядке подавать жалобы на действия должностного лица, уполномоченного вести процесс;

9) обжаловать процессуальные решения в предусмотренных законом случаях и в установленном законом порядке;

10) дать показания или отказаться от дачи показаний;

11) помириться с потерпевшим;

³⁸ Так, статьями 329—332 УПЗ Латвии регламентировано содержание повестки представителю юридического лица, порядок и сроки её доставки.

³⁹ Это право конкретизировано в других статьях УПЗ Латвии, в том числе регламентирующих производство отдельных следственных действий.

12) подать заявление о прекращении производства по делу;

13) выразить желание сотрудничать с должностными лицами, осуществляющими процесс;

14) по окончании досудебного производства получить по своему заявлению копии передаваемых в суд материалов уголовного дела, относящихся к конкретному юридическому лицу, если копии не были выданы ранее, или с согласия прокурора;

15) отзывать жалобы защитника;

16) выражать согласие или несогласие с завершением производства по делу о применении меры принуждения по предписанию прокурора.

Представитель юридического лица в суде имеет те же права, что и обвиняемый.

6.4. Применение мер принудительного характера к юридическому лицу

Подробно применение к юридическим лицам мер принудительного характера регламентировано в главе 39 УПЗ Латвии «Особенности досудебного производства по делам при применении принудительных мер к юридическому лицу» (ст. 439—441.8).

Согласно ст. 440 УПЗ Латвии при досудебном производстве по делу о применении принудительных мер к юридическому лицу подлежат выяснению следующие обстоятельства:

1) обстоятельства совершения преступного деяния;

2) статус в юридическом лице совершившего преступное деяние физического лица;

3) фактические действия юридического лица;

4) характер деятельности юридического лица и ее последствия;

5) меры, принятые юридическим лицом для предотвращения совершения преступного деяния;

6) размер, род занятий и финансовое положение юридического лица.

На юридическое лицо, к которому применена мера принуждения, может быть возложена обязанность по выплате компенсации (ст. 353 УПЗ Латвии), а также в целях обеспечения взыскания процессуальных расходов и возможной конфискации имущества может быть наложен арест на имущество юридического лица (ст. 381 УПЗ Латвии).

Следователь с согласия прокурора или прокурор могут принять решение о прекращении досудебного производства по применению мер принудительного характера к юридическому

лицу, если не было доказано, что преступление совершено в интересах юридического лица (ст. 441.3 УПЗ Латвии).

В решении о прекращении досудебного производства о применении меры принуждения к юридическому лицу, согласно ст. 441.4, указываются: 1) основание для инициирования процесса; 2) когда и в связи с чем начат процесс; 3) причина и основание прекращения процесса; 4) отмена ареста на имущество; 5) определение судьбы изъятых вещей и ценностей; 6) порядок обжалования решения.

Копия постановления о прекращении производства направляется (или выдается) потерпевшему и юридическому лицу.

Согласно ст. 441 УПЗ Латвии по окончании досудебного производства и принятии решения о передаче уголовного дела в суд прокурор рассматривает основания для применения принудительных мер к юридическому лицу. При этом если производство по делу о отношении юридического лица выделено из уголовного дела, прокурор принимает решение о передаче в суд производства по делу о применении меры принудительного характера к юридическому лицу отдельно от уголовного дела.

Согласно ст. 39 УПЗ Латвии прокурор при производстве по делу о применении меры принуждения к юридическому лицу вправе завершить производство, применив предписание прокурора о применении меры принуждения.

Так, в случаях, если было совершено менее тяжкое или тяжкое преступление, наказуемое лишением свободы на срок до пяти лет, и представитель юридического лица признает совершение преступного деяния, возмещает ущерб и соглашается на прекращение производства, прокурор может завершить производство, назначив юридическому лицу меру принудительного характера (ст. 441.1 УПЗ Латвии).

Таким образом, Латвия относится к числу немногих стран (Бельгия, Латвия, Нидерланды, Норвегия), в которых прокурор имеет право на назначение наказания или принятие иных мер уголовно-правового характера по уголовному делу без его направления в суд⁴⁰. У ряда специалистов вызывает сомнение допустимость привле-

⁴⁰ См.: Щерба С.П., Додонов В.Н., Архипова Е.А. Полномочия прокуроров иностранных государств в уголовном судопроизводстве и вне уголовно-правовой сферы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3 (53). С. 99.

чения к уголовной ответственности юридических лиц (применения к ним предусмотренных уголовным законом мер принудительного характера) во внесудебном порядке на основании решения прокурора. Представляется, что в процессе дальнейшего совершенствования латвийского законодательства такая возможность должна быть исключена.

Если прокурор принимает решение о передаче в суд производства по делу о применении меры принудительного характера к юридическому лицу, им выносятся соответствующее постановление, к которому прилагается список вещественных доказательств и документов, а также список лиц, которые должны быть вызваны в судебное заседание. Копия постановления направляется юридическому лицу и потерпевшему с разъяснением права на получение копий процессуальных материалов.

После выполнения указанных действий прокурор отправляет постановление вместе с материалами производства в суд.

Решение и материалы дела направляются в суд и в случае, если юридическое лицо или потерпевший не выразили желания получить копии материалов дела или ознакомиться с ними.

Производство по делу о применении меры пресечения к юридическому лицу регламентировано главой 51 «Особенности судопроизводства при производстве по делу о применении принудительных мер к юридическому лицу» (ст. 547.1—548.3 УПЗ Латвии).

6.5. Практика применения принудительных мер к юридическим лицам

Имеющаяся законодательная база (УЗ Латвии и УПЗ Латвии) позволяет формировать успешную практику привлечения к уголовной ответственности юридических лиц.

Так, согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в 2010—2013 гг. в Латвии велось уголовное производство в отношении 11 юридических лиц⁴¹.

Из этих дел наиболее значимым является дело турецкой компании «ГАМА Холдинг», занимавшейся строительством объектов электроэнергетики, на которую в 2013 г. прокурор наложил денежное взыскание в размере 1 210 688 евро. Ре-

гиональный представитель этой компании предложил «консультанту» преимущество в размере 3,4 % (примерно 11 млн евро) от общей суммы контракта, чтобы консультант повлиял на должностных лиц принадлежащей государству компании — производителя электроэнергии «Латвэнерго». Используя незаконно полученную внутреннюю информацию, компания «ГАМА Холдинг» разработала под себя условия проведения тендера и выиграла контракт на проведение работ по реконструкции электростанции. Признав вину, компания внесла изменение в договор и снизила цену на 3,4%, а также согласилась с применением к ней денежного взыскания⁴².

По уголовному делу, выделенному из уголовного дела в отношении должностных лиц компании «Латвэнерго», также расследован «испанский» эпизод о коррупции в процессе закупок работ по реконструкции Рижской ТЭЦ-2. За совершение этого преступления на физическое лицо (испанского гражданина) наложен штраф в 24 тыс. евро, на юридическое лицо (предприятие Iberdrola Ingenieria y Construccion S.A.U.) — штраф в размере 1 млн 600 тыс. евро. Указанное решение вступило в силу 12 декабря 2014 г.⁴³

Латвийский опыт установления уголовной ответственности юридических лиц интересен и может быть учтен при критическом его осмыслении в подготовке предложений по совершенствованию российского законодательства, в котором, как было отмечено Н.Ф. Кузнецовой, «пришло время предусмотреть систему мер уголовно-правового характера для юридических лиц»⁴⁴.

Литература

1. *Бастрыкин А.И.* К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // *Время и право.* 2012. № 3. С. 14—19.
2. *Бастрыкин А.И.* К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2013. № 2. С. 3—13.
3. *Бастрыкин А.И.* Правотворческая деятельность Следственного комитета Российской Фе-

⁴² Там же. С. 14—15.

⁴³ *Кудрявцев Н.* Дело Latvenergo: испанское предприятие оштрафовано на 1,6 млн евро. URL: www.kriminal.lv (дата обращения: 24.12.2020); *Кудрявцев Н.* Иностранцы признались в «откатах» при реконструкции рижской ТЭС-2. URL: www.kriminal.lv (дата обращения: 24.12.2020).

⁴⁴ *Кузнецова Н.Ф.* О совершенствовании уголовного закона // *Российская юстиция.* 2009. № 5. С. 15.

⁴¹ *Liability of Legal Persons for Corruption in Eastern Europe and Central Asia / OECD Anti-Corruption Network for Eastern Europe and Central Asia.* OECD, 2015. С. 33.

дерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 4 (14). С. 27–33.

4. *Бастрыкин А.И.* Преступность юридических лиц // *Время и право*. 2014. № 1. С. 2–7.

5. *Бастрыкин А.И.* Следственный комитет Российской Федерации: законодательные инициативы и качество следствия // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2017. № 3 (17). С. 9–13.

6. *Бастрыкин А.И.* Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 6–12.

7. *Блум М.И.* Особенности Уголовного кодекса Латвийской ССР // Особенности уголовных кодексов союзных республик: сборник статей / под ред. *В.Д. Меньшагина*. М.: Юридическая литература, 1963. С. 334–378.

8. *Булгакова И.В.* Уголовное судопроизводство Латвии: история и современность // *Правоприменительная деятельность: история и современность: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти доцента М.В. Геворкяна*. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 272–281.

9. *Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А.* Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. *В.И. Лафитский*. М.: Статут, 2013. 312 с.

10. *Давидовская В.А.* Институт наказания в уголовном законодательстве стран Балтии: сравнительно-правовой анализ // *Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции*. 2018. № 11. С. 121–128.

11. *Додонов В.Н.* Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. ред. *С.П. Щербы*. М.: Юрлитинформ, 2009. 448 с.

12. *Звонарев А.В.* Влияние российского законодательства на развитие уголовного права Латвийской Республики в 1918 — начале 1920-х годов // *Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского (г. Москва, 23 апреля 2020 г.)* / Московский городской педагогический университет. М., 2020. С. 104–108.

13. *Иванов В.Н.* Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. Единство и особенности. М.: Юридическая литература, 1973. 208 с.

14. Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. *Л.А. Окунькова*. М.: Норма, 2001. 840 с.

15. *Крастиньш У.Я.* Исторический аспект института уголовно-правовых мер воздействия на юридических лиц в Латвии // *Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права (30–31 мая 2013 г.)* / отв. ред. *В.С. Комиссаров*. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 571–574.

16. *Крастиньш У.Я.* Коллективный субъект в уголовном праве // *Уголовное право в XXI веке: материалы международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая — 1 июня 2001 г.* М., 2002. С. 44–47.

17. *Крастиньш У.* Новый Уголовный закон Латвии // *Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сборник научных статей* / под ред. *Л.Л. Кругликова, Н.Ф. Кузнецовой*. М.: ЛекЭст, 2002. С. 174–189.

18. *Крастиньш У.Я.* Об уголовно-правовых мерах воздействия на юридических лиц (исторический аспект уголовного законодательства Латвии) // *История развития уголовного права и её значение для современности: материалы 5-й Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 26–27 мая 2005 г.* М., 2006. С. 215–221.

19. *Крастиньш У.Я.* Системность и иные уголовно-правовые меры принудительного воздействия // *Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2007 г.)*. М.: Проспект, 2007. С. 215–218.

20. *Крылова Н.Е.* Уголовная ответственность юридических лиц (корпораций): сравнительно-правовой анализ // *Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учебное пособие* / науч. ред. *Н.Ф. Кузнецова*, отв. ред. *В.С. Комиссаров*. М.: Городец, 2009. С. 75–108.

21. *Кузнецова Н.Ф.* О Первом Всероссийском Конгрессе по уголовному праву // *Российская юстиция*. 2006. № 6. С. 10.

22. *Кузнецова Н.Ф.* О совершенствовании уголовного закона // *Российская юстиция*. 2009. № 5. С. 12–16.

23. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. *И.Т. Голякова*. М.: Юридическая литература, 1953. 464 с.

24. *Смирнов Г.К.* Характеристика проекта закона Следственного комитета Российской Федерации об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). М.: Юрлитинформ, 2013. С. 110–119.

25. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. / под ред. *Н.А. Лопашенко*. Т. 7: Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. 1: Субъект преступления. М.: Юрлитинформ, 2016. 536 с.

26. Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступ. ст.: *А.И. Лукашов, Э.А. Саркисова*; пер. с латышского *А.И. Лукашова*. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. 313 с.

27. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. *В.И. Самарина, В.В. Луцка*. М.: Проспект, 2018. 752 с.

28. *Федоров А.В.* Латвийское законодательство об уголовной ответственности юридических лиц // Российский следователь. 2020. № 11. С. 73–80.

29. *Федоров А.В.* О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 13–21.

30. *Федоров А.В.* Регламентация вопросов уголовной ответственности юридических лиц в актах Европейского союза // Расследование пре-

ступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1 (23). С. 15–24.

31. *Федоров А.В.* Участие Следственного комитета Российской Федерации в правотворческой деятельности как составляющая обеспечения национальной безопасности (на примере совершенствования нормативно-правового регулирования ответственности юридических лиц) // Следственный комитет Российской Федерации: место и роль в обеспечении национальной безопасности государства: Общероссийская научно-практическая конференция (Москва, 17 февраля 2016 г.): сборник статей. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2016. С. 82–86.

32. *Хитрова О.В.* Начало уголовного судопроизводства: современное состояние и перспективы развития // Современные проблемы развития уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов конференции (Москва, 22 июля 2013 г.). М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. С. 93–104.

33. *Щерба С.П., Додонов В.Н., Архипова Е.А.* Полномочия прокуроров иностранных государств в уголовном судопроизводстве и вне уголовно-правовой сферы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3 (53). С. 94–102.

34. Liability of Legal Persons for Corruption in Eastern Europe and Central Asia / OECD Anti-Corruption Network for Eastern Europe and Central Asia. OECD, 2015. 86 с.

УДК 340.11
ББК 67.02

Леонид Викторович ГОЛОСКОКОВ,

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета Российской
Федерации, доктор юридических наук, доцент
E-mail: l.v.goloskokov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

СЛЕДСТВИЕ И ВРЕМЯ¹

Аннотация. В статье рассмотрен процесс функционирования института следствия в потоке времени. Данный процесс не регламентирован законами, поэтому незаметен, накапливает негативные тенденции, которые при кризисах общества проявляются в масштабных разрушениях институтов права и государства. Предложены общие подходы к решению проблемы.

Ключевые слова: время, сроки, следствие, правоохранительные органы, наука.

Leonid V. GOLOSKOKOV,

Leading Researcher of the Research Department
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: l.v.goloskokov@mail.ru

INVESTIGATION AND TIME

Abstract. The article deals with the process of functioning of the institution of investigation in the flow of time. Laws do not regulate this process, therefore it is imperceptible, accumulates negative tendencies, which manifest themselves in large-scale destruction of the institutions of law and state during the crises of society. The author proposes general approaches to problem solving.

Keywords: time, terms, investigation, law enforcement agencies, science.

В литературном памятнике древнекитайской научной мысли «Гуань-цзы» (I в. до н.э.) сказано о времени: «Устанавливая принципы и создавая своё учение, следует положить в их основу [идею] о покое, рассматривать время как драгоценность, а справедливость — как закон»².

Знает ли следствие, что такое время? Скорее всего, нет. В российском праве мало процессуальных кодексов, то есть тех законов, в которых

целенаправленно регламентирован процесс деятельности лиц во времени, и это Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Вообще-то в поток времени погружены все законы.

Рассмотрим УПК РФ. Слово «срок» в нём встречается 419 раз, слово «время» — 132 раза. Если сроки чаще всего имеют смысловой оттенок императивности, они в основном конкретны (есть исключения — «разумный срок»), часто прямо указаны в кодексе в виде числового значения, то слово «время» чаще имеет смысловой оттенок информативности. Время в УПК РФ используется отчасти и как синоним слова «срок», например, в ст. 5 УПК РФ «ночное вре-

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

² Гуань-цзы. Глава 38: Чистое сердце // Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 34.

мя — промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени», где речь идёт о небольшом промежутке времени; в словосочетаниях «длительное время», «достаточное время» так или иначе имеется в виду небольшой промежуток времени.

Ещё более наглядная картина в УК РФ, в котором слово «срок» встречается 2898 раз, а «время» только 44 раза. Следствие активно применяет эти два закона.

Законы не используют категорию *tempus continuum* — непрерывно текущее время как фило-софскую категорию, в них всецело властвуют мизерные отрезки времени — сроки, а время как длительная категория, в рамках которой происходит появление и уход самих законов, стран, империй, цивилизаций, — эту часть категории времени законы не знают. Это не плохо и не хорошо. Так удобно для текущей деятельности правоохранителей, потому что их жизнь, как и жизнь подозреваемых, свидетелей, потерпевших и преступников, конечна и коротка, и нужно уложиться в сроки, иначе не удастся получить правовой результат, и об этом знало ещё римское право, утверждавшее, что *mora reprobatur in lege* (закон не одобряет промедления).

За пределами же правовых процессов, регламентированных кодексами, отражение сроков, как правило, выпадает из видения обывателя. Так, в художественных фильмах о следователях, оперативниках, прокурорах обычно показан сотрудник в одном деле, которым он занимается весь художественный фильм. То есть в общественном представлении правовых процессов сроки как бы исчезают из вида вместе с десятками дел следователя, которые лежат у него на столе, часто просроченные, и это характерно не только для России, но и для множества других стран. Так, известно, что следствие и суды Италии точно так же завалены просроченными делами, и никто ничего с этим сделать не может десятки лет.

Ничего не могут сделать со сроками в странах, где имеется такое состояние дел, потому что везде зациклились на сроках, погрязли в расследовании мелкой преступности, создающей фон огромного количества преступлений, которые завалили следствие и суд и парализовали их работу. Короткие интервалы времени, названные сроками в кодексах, оказались важнее бесконечного времени.

Между тем в обществе и государстве протекают разные процессы, и проблема в том, что они

искусственно разобщены и текут в разном времени. Если следствие как процесс и процедура протекает в формальной оболочке коротких сроков, то политические процессы в том же государстве текут в историческом времени, которое измеряется десятками, сотнями или тысячами лет. Время можно увидеть не только как линейный однонаправленный процесс, но и в виде циклов с возвращением на круги своя через спиралевидное движение. Это метафора, но продуктивная. Внутри государства действующие лица погружены в процессуальные сроки гражданского права и процесса, уголовного права и процесса, а исторические и политические процессы текут поверх мелкой суеты сроков. Например, множество разных правовых процессов, имевших место в Древнем Риме в течение сотен лет, быстро проходили, о них забывали, далее начинались новые процессы. В это же время накапливались ошибки государственного управления за счёт несовершенства законов, их расхождения с моралью, отсутствия обратной связи и других факторов. Римляне и не заметили, как их империя подошла к своему закату и в какой-то момент, краткий с позиций истории, исчезла.

Ей не помогли многочисленные законы с их массой деталей, раскрывавших, как и что нужно делать в том или ином случае и в какие сроки исполнять те или иные предписания, а самое солидное наследство Римской империи — это, пожалуй, именно римское право. Объёмное, детально разработанное во всех аспектах, включая аспекты сроков. Сроки, вероятно, как-то соблюдались, как это происходит сегодня и в российской практике, но фактор исторического времени — глобального, всеобъемлющего, уничтожил Римскую империю. При всей правильности (как это казалось жившим в те времена) законов римского права, время как глобальная категория не пощадило могущественную империю, которая не учла в своём видении хозяйства на микроуровне и видении своего государства во внешнем мироустройстве наличия времени как глобальной категории, которая, в отличие от сроков, неподвластна сенату и императору.

Современные институты следствия, парламента, правительства и др. не оперируют понятием времени, они забыли про него. Но время не забыло про них, и они находятся под его воздействием. Время безжалостно к тем, кто не хочет его замечать. Правовые примеры этого известны. Так, последний русский царь, если мы условимся привести к единому знаменателю под совре-

менное понимание терминологию столетней давности и современную терминологию, мог бы считать В. Ленина и всех, кто за ним стоял на момент революции, экстремистами. Прошло не так уж много исторического времени (но не сроков!), и экстремистом в понимании В. Ленина и большевиков оказался сам царь, заплативший жизнью своей и своей семьи за непонимание глобальных процессов, в которых время иногда переворачивает понятия на противоположные.

Было ли в законодательстве царской России достаточно правовых средств, включая процессуальные, чтобы предъявить обвинение экстремистам, доказать его и привести в исполнение приговоры в отношении всех тех, кого можно в современной терминологии назвать экстремистами? Скорее всего, всех средств было достаточно, а если чего-то и не хватало, никто не мешал ввести необходимые правовые средства и реализовать их. Государственная машина, работающая, как и сейчас, в рамках парадигмы сроков, не успела ничего сделать под напором стремительного времени, меняющего (по нашим субъективным ощущениям) свою скорость в периоды кризисов и переводящего накопленные частные и мелкие ошибки в некое новое и неожиданное качество — изменение всего мироустройства, а не только права.

Итак, мы наблюдаем этот процесс на протяжении весьма длительного времени (веков) — углубление права (по скручивающейся внутрь спирали), пытающегося добраться до всё большего числа мелочей и деталей. Этот процесс мы взяли показать на сроках (поскольку их легко считать в законах), которые также являются частью того, что называется временем. Последнее такое длительное явление мы наблюдали с момента введения в действие УК РСФСР 1964 года, который содержал 801 упоминание о сроках, до нынешнего состояния УК РФ, когда их стало 2898. Надо полагать, что и право царской России в целом развивалось количественно со дня рождения В. Ленина до дня расстрела русского царя.

Увязнув в мелких деталях, российское царское право упустило своё государство, подобно Римской империи. Гибель государства — цена нежелания думать о явлениях глобальных и всеобъемлющих.

Китайский урок давностью 2000 лет — «рассматривать время как драгоценность» — юристы, которые взяли руководить государствами посредством принятия законов (что Римской империей, что Российской империей), не усвои-

ли. Им легко оправдаться: римляне не много знали о Китае, русские были ироничны — «китайская грамота». Конечно, это частный урок, выделенный нами во всём массиве права на примере пары «время — сроки».

Перейдём к рассмотрению времени и его действия на других примерах.

Время разрушает жизнь человека, права, государства, вечных империй — всего, к чему оно прикасается. Следствие тоже находится в потоке времени, которое является для следствия внешним фактором, видимо почти неподвластным никаким управленцам: юристам, экономистам, законодателям, президентам. Так, 2898 упоминаний сроков в УК РФ и 419 упоминаний сроков в УПК РФ означают, что никакой следователь, прокурор, судья не может помнить и соблюдать все установленные сроки, и количество ошибок с их соблюдением накапливается. Время накапливает наши ошибки и в один момент предъявляет любой системе свой счёт.

В экономической науке есть направление, именуемое «анализ рисков и экономическая безопасность». Наука говорит, что риски (как энергия) никуда не исчезают, и, если они накапливаются на микроуровне по той причине, что не разрешаются на этом уровне, они могут, накопившись, проявиться на макроуровне. Это означает, что они сработают, возможно, все вместе, показав синергетический эффект их сложения на уровне большой системы, а в нашем случае этой системой может стать уже всё право в целом и всё государство в целом, как это мы показали на примерах Римской империи и Российской империи.

Почему мы думаем, что такое не может повториться? Потому что это случается не часто, потому что мы не верим в плохое. Однако оно происходит очень болезненно, и лучше бы нам, зная об этом, готовиться заранее.

Рассмотрим ещё один пример, в котором следствие задействовано во времени, встроено в него, но не знает об этом, потому что по закону имеет дела только со сроками.

Сто и более лет назад преступник угонял коней. И тогда хозяин лошади мог бежать за скачущим конокрадом, но не догонял. Пятьдесят лет назад преступник угонял машину, и тогда хозяин совсем ничего не мог сделать, а автоинспектор часто тоже, потому что его техника была не такая быстроходная, как у преступника. Сегодня в нашем цифровом мире у гражданина «угоняют» с его электронного счёта деньги, испол-

зую новейшие технологии сферы IT вместе с манипулятивными технологиями разного рода.

Специалисты МВД пишут, что, «по данным МВД России, за 2019 г. в стране было совершено почти 300 тыс. так называемых IT-преступлений (в 2018 г. кибермошенничеств было совершено на 68,5 % меньше). Такая ситуация наблюдается практически в каждом регионе Российской Федерации»³.

С.А. Филимонов приводит конкретный пример выявления хищения денег из Сбербанка и соглашается «с М.В. Старичковым, который называет уровни латентности порядка 99,7 % по ст. 272 УК РФ и 99,8 % по ст. 273 УК РФ как для преступлений в сфере компьютерной информации, так и для преступлений, совершенных посредством Интернета, хотя отмечает, что полученные данные вряд ли могут претендовать на абсолютную достоверность»⁴. Всё это говорит о латентности, которую время быстро подтягивает к значению почти 100 %.

Но вот дело всё же попало к следователю. Тогда наше видение показанного процесса с позиций времени показывает: время идёт, технологии угона, кражи, хищения электронных денег становятся более сложными, а ситуация, в которой оказывается среднестатистический следователь и среднестатистический пострадавший гражданин, одинаковая. Суть этой ситуации в каждом технологическом витке (цикле) времени: гражданин лишился денег или собственности, время упущено, следы потеряны (замаскированы), расследовать трудно, преступник не найден. Технологии другие, они усложнились, а ситуация осталась как будто законсервирована во времени. Именно *как будто* — на самом деле время делает своё дело и приводит ситуацию в качественно новое состояние. И здесь мы рассуждаем не про кражу коня, угон машины или кражу с электронного счёта, и даже не про время. Время — это лишь удобная метафора в нашем исследовании. За мас-

кой времени скрыта позиция государства, законодателя, конкретного органа, а в нашем случае — следствия. Позиция нежелания знать, понимать, принимать какие-то меры реагирования. Оправдание для такой позиции абсолютно непоколебимое: это не сфера нашей компетенции, и мы не обязаны заходить в неё по закону.

Мы же рассматриваем явление во всей его широте: при том, что технологии в каждом показанном цикле развития уходили вперёд неизмеримо, следовательно пребывает всё в той же ситуации. Оставим далее в нашем рассмотрении без внимания оперативников, прокуроров, судей — у них та же ситуация с поправкой на специфику их работы.

Что можно увидеть в этой ситуации ещё: время как бы застыло, и вот эта законсервированная его форма на протяжении десятилетий проявляется в сфере следствия в формулировке «противодействие преступности», употребляемой при рассмотрении вопросов борьбы с преступностью (конечно, эта формулировка используется и другими правоохранительными органами). Сразу скажем, что от противодействия преступности никогда не удастся избавиться, им придётся заниматься всегда. Но заниматься только лишь противодействием преступности мало, и время нам показывает, что с этой формулой у нас на каждом новом этапе (временном цикле) развития технологий латентность растёт, а это означает всё меньшую эффективность работы правоохранителей, включая следователей. Действовать только вдогонку событиям — это, с одной стороны, императив закона для следователя, с другой стороны, длительно действующее время приводит к тому, что на следующем витке технологий раскрываться будут уже не десятки, а тысячные доли процента совершаемых преступлений, что поставит вопрос о том, зачем тогда вообще нужны правоохранительные органы и следствие. Время такой вопрос поставит, но не перед следствием, а перед обществом и государством, а они сделают свои выводы.

В показанном процессе происходит то же самое, что в показанной нами картине накопления рисков, это просто разные грани (объяснения) одного и того же процесса. Неразрешённые риски копятся на одном уровне, переходят на более высокий уровень и проявят своё совокупное действие на другом объекте — государстве, которое показало неспособность бороться с новыми видами преступности. Показало цифрами их латентности. И неважно,

³ Костенко Н.С., Семенов Г.М., Пшеничкин А.А. Основные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на современном этапе // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 193.

⁴ См.: Старичков М.В. Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 109—112. Цит. по: Филимонов С.А. Проблемы борьбы с компьютерным мошенничеством как потенциальной угрозой информационному сообществу // Современное право. 2014. № 9. С. 126.

официальная это статистика, научные данные или версии специалистов, которые могут отражать ситуацию точнее всего.

Итак, риски проявят своё синергетическое действие на другом объекте — государстве, но государство перенесёт всю ответственность вниз, на уровень своих структур, отвечающих за состояние преступности, в числе которых — следствие. И вот тут встанет вопрос, почему об этом никто не думал раньше, и ответ всех органов (а формально они будут правы) о том, что в федеральных законах об этих органах никак не прописана их обязанность заниматься научным анализом описанного процесса (и подобных процессов), не прописано предлагать идеи для минимизации или устранения будущих опасностей, — такой ответ принят не будет. Да, законы об этом молчат, но оправдания приняты не будут, и скорее обществом, чем государством. А государство под давлением общества сделает свои выводы, которые оно обычно принимает в таких случаях: ликвидирует одни органы и создаёт на их месте другие, сливает, соединяет, разъединяет, меняет название, увольняет, назначает. Против приведённых нами процессов и их последствий эти меры в конечном итоге не дадут ничего, ибо они не решают проблемы, а создают имитацию её решения внешними действиями (перестановками фигур и сменой вывесок). Ассортимент мер реагирования государства примитивен, и об этом тоже нужно бы заранее подумать, но некому: в законах не прописано об этом думать. А время идёт.

Последствия. Они будут такими же, как последствия, наблюдаемые тысячи лет с круговоротом денег: накачка страны фиатными (бумажными) деньгами, их обесценение, инфляция, накопление долга, кризис, откат государства назад.

Такие циклы совершались сотни раз в мире в разных государствах, и время никого и ничему не научило. В этом сложность нашего положения внутри изучаемого объекта, который называется следствием, в котором происходят те же процессы, что и везде, наступают те же последствия, но объект, который мы рассматриваем, в масштабе государства невелик, не является определяющим, самым важным, ключевым, и это действительно так в иерархии государственных структур. Но если никакой орган государства не уполномочен законом, никто не думает, не просчитывает последствия, то, может быть, следствию заняться этим вопросом? Это могла бы сделать наука, но она немногочисленна, а поэтому плохо приспособлена для решения столь глобальных задач, в которых даже постановка задачи с правильной формулировкой представляет собой достаточно большую сложность.

Следствие всегда имеет взгляд во времени, направленный назад, поскольку так установлено законом, и после совершения преступления и получения уголовного дела следователь разматывает цепочку событий прошлого, но никогда не смотрит в будущее. Мы тоже, глядя назад, в глубь десятилетий и веков, рассмотрели циклические круги ловушек времени, в которые мы периодически попадаем. Но пора смотреть и далеко вперёд. Поверх всех сроков в дальнее время.

Мы привели всего несколько случаев попадания следствия в замкнутый порочный круг — ловушку времени. Методом перехода от частного к общему можно распространить наши рассуждения на все сферы, в которых работает следствие, и учесть их для составления полной картины проблем, связанных с фактором времени, чтобы приступить к научной работе по решению этих проблем в их совокупности.

УДК 347
ББК 67.404

Лариса Евгеньевна ГИВЕЛЬ,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, кандидат юридических наук
E-mail: larisagivel@mail.ru

Научная специальность: 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО И ЭПИДЕМИЯ COVID-19

Аннотация. Статья посвящена влиянию чрезвычайных обстоятельств на гражданско-правовое нормотворчество. Исследуются некоторые недостатки и проблемы применения существующих норм, рассчитанных на действие в чрезвычайных условиях. В статье на основе анализа гражданско-правового регулирования в период эпидемии COVID-19 выявлены три группы норм, регулирующих гражданско-правовые отношения в указанный период. Выявлена также специфика гражданско-правового регулирования, в том числе нехарактерное использование принципа единства и дифференциации в отношении субъектов гражданских правоотношений.

Ключевые слова: гражданское право, нормотворчество, субъекты гражданского права, единство и дифференциация, гражданско-правовое регулирование, COVID-19.

Larisa Evgenievna GIVEL,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Candidate of Law
E-mail: larisagivel@mail.ru

CIVIL LAW RULEMAKING AND THE COVID-19 EPIDEMIC

Abstract. The article examines the influence of extraordinary circumstances on civil law rulemaking, and the shortcomings and problems of applying existing norms designed for emergency conditions. Based on the analysis of civil law regulation during the COVID-19 epidemic, the article identifies three groups of norms regulating civil law relations during this period. The article also reveals the specifics of civil law regulation, including the uncharacteristic use of the principle of unity and differentiation in relation to subjects of civil legal relations.

Keywords: civil law, lawmaking, subjects of civil law, unity and differentiation, civil law regulation, COVID-19.

Любая правовая система имеет «запас прочности» — комплекс правовых норм, рассчитанный на применение в чрезвычайных обстоятельствах. Базовым нормативным правовым актом в этой сфере является Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее — Закон о ЧС)¹.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 1994. № 35. Ст. 3648 (ред. от 08.12.2020).

Являясь по своей природе комплексным актом, указанный закон определяет чрезвычайную ситуацию как обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. Таким образом, к граж-

данско-правовым признакам чрезвычайной ситуации, с учетом специфики предмета правового регулирования данной отрасли права, могут быть отнесены значительные материальные потери. Следовательно, меры по снижению материальных потерь относятся к мероприятиям по ликвидации чрезвычайной ситуации.

На гражданско-правовые отношения прямо воздействует, в частности, подп. «в» п. 10 ст. 4.1 Закона о ЧС, который к числу мер по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций относит определение порядка использования транспортных средств, средств связи и оповещения, а также иного имущества органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций.

При этом в качестве порядка использования имущества субъектов гражданского права может применяться механизм реквизиции имущества. В соответствии с п. 1 ст. 242 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)² в случае стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество в интересах общества по решению государственных органов может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества (реквизиция).

Механизм реквизиции в настоящее время урегулирован в том числе Сводным законом РСФСР «О реквизиции и конфискации имущества» от 28 марта 1927 г.³ Представляется, что с учетом опыта последних месяцев, связанного с эпидемией COVID-19, законодатель может обратиться к правовому регулированию порядка осуществления реквизиции в целях разработки современного механизма ее осуществления.

Потенциал применения в чрезвычайных обстоятельствах имеет и ст. 16.1 ГК РФ, предусматривающая компенсацию субъектам гражданского права ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. Однако для применения данных правил необходимо соответствующее указание в законе. Важно, что данная норма использует термин «ущерб», а не «убытки». Это означает, что участники гражданско-правовых от-

ношений не вправе предъявлять по указанному основанию требования, связанные с возмещением упущенной выгоды, в частности неполученных доходов.

Статья 11.1 Закона о ЧС предусматривает наряду с бюджетными ассигнованиями гражданско-правовой механизм возмещения причиненного чрезвычайной ситуацией жилым помещениям граждан ущерба — посредством дополнительного страхования.

Статья 18 анализируемого закона устанавливает право на возмещение ущерба, причиненного здоровью и имуществу граждан вследствие чрезвычайных ситуаций (абз. 6 п. 1). Примечательно, что в данном случае гарантируются права на возмещение вреда, причиненного имуществу именно граждан Российской Федерации. При этом по общему правилу ГК РФ отождествляет термин «граждане» с термином «физические лица», не придавая гражданству как правовой связи индивида и государства особого значения.

Несмотря на наличие массива гражданско-правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений в чрезвычайных ситуациях, эпидемия COVID-19 выявила необходимость принятия значительного количества новых правил, регулирующих гражданско-правовые отношения. Это связано с тем, что нормы, предназначенные для работы в чрезвычайных условиях, во многом «теоретические», имеют зачастую абстрактный характер, что объясняется относительно нечастыми, к счастью, глобальными чрезвычайными ситуациями. Кроме того, универсальная норма не в состоянии охватить нюансы правового воздействия на общественные отношения при каждой конкретной чрезвычайной ситуации во всем их многообразии.

Примером новеллы в гражданско-правовом регулировании является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в статьи 17 и 54 Федерального закона „О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“»⁴. Указанный закон устанавливает, что при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части решения общего собрания членов товарищества могут быть приняты путем проведения заочного голосования по вопросам, относящимся к ис-

² СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (ред. от 08.12.2020).

³ Сводный закон РСФСР «О реквизиции и конфискации имущества» от 28 марта 1927 г. (ред. от 16 декабря 1964 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 38. Ст. 248.

⁴ СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1. Ст. 5066.

ключительной компетенции общего собрания членов садоводческого или огороднического некоммерческого товарищества, независимо от наличия в уставе товарищества порядка заочного голосования. Аналогичное правило предусмотрено для принятия решений, относящихся к исключительной компетенции общего собрания членов товарищества, в 2020 году.

Подобный подход законодателя вполне объясним, ведь наличие чрезвычайной ситуации не приостанавливает гражданско-правовые отношения, однако требует адекватных ситуации механизмов их реализации.

Чрезвычайные обстоятельства не только усложняют привычное течение общественных отношений. Как показала практика, они способны привести к необходимости прямого государственного вмешательства в регулируемые нормы гражданского законодательства экономические отношения. Как известно, исходя из ст. 2 ГК РФ, предметом гражданского права являются общественные отношения, основанные на равенстве (юридическом, разумеется), автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Однако весной 2020 года на фоне пандемии COVID-19 и приостановления работы торговых объектов непродовольственного сектора выяснилось, что арендодатели помещений таких объектов совершенно не намерены идти навстречу представителям торгового бизнеса в части корректировки арендных ставок, хотя арендуемые помещения не используются в силу установленных ограничений.

Из существующего массива гражданско-правовых норм к ситуации применима, представляется, ст. 451 ГК РФ, устанавливающая возможность изменения или расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Объясняется это в первую очередь таким дисбалансом имущественных интересов сторон, когда у одной стороны (у арендодателя) имеется стабильная прибыль без затрат и без текущего износа имущества, а у другой стороны (у арендатора) — затраты на арендную плату при невозможности получить прибыль. Однако массовость такого дисбаланса имущественных интересов участников гражданского оборота привела к тому, что государство взяло на себя решение вопроса о защите интересов участников гражданских правоотношений, оказавшихся в крайне невыгодном положении.

Оперативная реакция законодателя на особенности развития гражданских правоотноше-

ний выразилась в принятии 8 июня 2020 г. Федерального закона № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращения последствий распространения коронавирусной инфекции»⁵.

Указанный нормативный акт (п. 4 ст. 23) предоставил арендаторам недвижимого имущества, являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства и осуществляющим деятельность в наиболее пострадавших от распространения COVID-19 отраслях, следующие правомочия:

- потребовать от арендодателя уменьшения арендной платы сроком до одного года;
- не позднее 01.10.2020 отказаться от договора аренды недвижимого имущества, заключенного на определенный срок (при недостижении сторонами договора аренды соглашения об уменьшении арендной платы в течение 14 рабочих дней с момента соответствующего обращения).

Дополнительно установлено, что в указанном случае не подлежат возмещению арендатором арендодателю убытки в виде упущенной выгоды, убытки при прекращении договора, предусмотренные статьей 393.1 ГК РФ, связанные исключительно с досрочным расторжением договора аренды, а также суммы, подлежащие взысканию по договору с арендатора в пользу арендодателя в связи с досрочным односторонним расторжением договора по его инициативе. При этом за арендодателем сохраняется полученный от арендатора обеспечительный платеж, если он был предусмотрен договором аренды недвижимого имущества.

Таким образом законодатель через право творчество реализовал идею единства и дифференциации в правовом регулировании общественных отношений, когда предоставление преимуществ одному из субъектов гражданского права нивелирует его невыгодное положение относительно другого субъекта. При этом дарованные преимущества не абсолютны, распространяются не на всех арендаторов и уравниваются сохранением за арендодателем имущественного предоставления от арендатора (обеспечительного платежа).

Сама идея дифференциации в гражданско-правовом регулировании не является новой или

⁵ СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3740.

уникальной. Дифференциация гражданско-правового регулирования по субъектному составу имеет давнюю историю⁶. Такая дифференциация признается также в наличии общих и специальных норм⁷.

В данном же случае имеет место особый случай дифференциации, когда стороне в существующем договоре предоставляются преимущества на фоне ущемления ее имущественных интересов. Поддержку получила более слабая сторона. Такой подход, на первый взгляд, категорически не характерен для гражданско-правового регулирования, основанного в силу п. 1 ст. 1 ГК РФ на признании равенства участников регулируемых отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Принцип равенства субъектов — это не только базовый принцип правового регулирования гражданско-правовых отношений, но и определяющее свойство частноправовых общественных отношений, одна из основ дифференциации права на публичное и частное, далее на отрасли, подотрасли и институты⁸.

Одной из характеристик предпринимательской деятельности, в свою очередь, является ее осуществление субъектом гражданского права на свой риск (п. 1 ст. 2 ГК РФ), что также корректируется вышеуказанными законодательными положениями.

Проявлением дифференциации, которая в данном случае проведена в зависимости от вида субъекта предпринимательской деятельности, является и то, что преимущества арендатора в договоре аренды недвижимого имущества установлены только для представителей малого и среднего бизнеса и не затрагивают крупный бизнес. Таким образом дифференциация по субъектному составу в данном случае стремится обес-

печить «дисбаланс» прав ради обеспечения баланса имущественных интересов. Являясь относительно новой в гражданско-правовом регулировании, идея единства и дифференциации, используемая в целях поддержки слабой стороны, характерна для трудового права и права социального обеспечения⁹, в которых такая дифференциация связана с личными качествами субъекта права — физического лица.

Подобное нормотворчество законодателя представляется вполне оправданным в обстоятельствах, имеющих чрезвычайный характер, которые существенно отличаются от нормального течения общественных отношений. Это в конечном итоге в большей степени соответствует принципу равенства субъектов гражданских правоотношений, чем сохранение сделок, закрепляющих дисбаланс имущественных интересов сторон, так как никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Анализ правотворчества в период COVID-19 позволяет выделить три группы гражданско-правовых норм, действующих в чрезвычайных обстоятельствах.

К первой группе относятся нормы постоянно действующие, которые существовали к моменту чрезвычайных обстоятельств и которые разработаны в том числе и на этот случай. Как показала практика, таких норм может быть недостаточно, гражданско-правовое регулирование оказалось неготовым к пандемии и ее последствиям. Помимо упомянутых выше норм к такому текущему законодательству относится и ст. 401 ГК РФ, предусматривающая освобождение от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств в предпринимательской деятельности в связи с непреодолимой силой.

Ко второй группе относятся упомянутые ранее нормы чрезвычайного правотворчества, специально принятые в целях правового регулирования гражданских отношений в период пандемии в целях корректировки ее негативных последствий.

К третьей группе можно отнести акты нормативного толкования права, исходящие от высших судебных инстанций. Их создание также обусловлено вариативностью толкования существующих

⁶ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. 3-е изд., стер. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2011. С. 117.

⁷ См.: Васильев В.В. Единство и дифференциация гражданско-правовых норм // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. Вып. 34. С. 27.

⁸ Попондопуло В.Ф. Система общественных отношений и их правовые формы (к вопросу о системе права) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 4. С. 78—101.

⁹ См.: Антипова Н.В. Единство и дифференциация в праве социального обеспечения: монография. М.: Проспект, 2016. 238 с.

норм и необходимостью единообразного подхода к разрешению спорных ситуаций. Примером является Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21.04.2020)¹⁰. Указанным судебным актом разъяснено, в частности, что сама эпидемия и связанные с ней ограничения не являются

безусловным основанием для изменения срока исполнения обязательства и предусмотренного ст. 401 ГК РФ освобождения от ответственности в предпринимательской деятельности в связи с наличием обстоятельств непреодолимой силы. С учетом конкретных фактических обстоятельств дела решаются также и вопросы приостановления течения срока исковой давности¹¹ по основанию наличия непреодолимой силы, доводы о наличии которой исследуются исключительно по заявлению ответчика или третьего лица.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Криминология: Учеб. пособие. 5-е изд. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований / Под ред. С.В. Иванцова, Е.А. Антояна [Я.Л. Алиев и др.]

ISBN: 978-5-238-03433-1

Рассматриваются преступность как социально-правовое явление, причины и условия ее возникновения, особенности личности преступника, а также механизмы совершения конкретных преступлений.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, подробно изложены криминологические особенности и меры предупреждения корыстной, насильственной, организованной, рецидивной, профессиональной, неосторожной преступности, преступности в сфере экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин.

Пособие в значительной степени может облегчить процесс усвоения основополагающих знаний по дисциплине. В предельно сжатые сроки студенты могут проверить свои знания по наиболее важным учебным вопросам благодаря тесту, представленному в конце пособия, и, воспользовавшись словарем криминологических терминов и понятий, расширить свой собственный криминологический тезаурус.

¹⁰ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 5. С. 39—48.

¹¹ О проблемах применения норм ГК РФ об исковой давности см.: *Фиошин А.В.* Исковая давность: некоторые особенности теории и практики // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2. С. 145—149.

УДК 343.3/.7
ББК 67.408.1

Валерий Филиппович АНИСИМОВ,
исполняющий обязанности заведующего
кафедрой правоохранительной деятельности и адвокатуры
Югорского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: anisimov.vf@gmail.com

Людмила Леонидовна БЛАШКОВА,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и уголовного процесса
Югорского государственного университета
E-mail: blashkovaugra@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

КОРРУПЦИОННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация. Работа посвящена исследованию вопроса об определении коррупционного преступления в российском праве. Анализ различных нормативных актов российского антикоррупционного законодательства позволил констатировать отсутствие качественного определения указанной дефиниции, соответствующего требованиям правил законодательной техники. Предложены юридически значимые признаки коррупционных посягательств и перечислены виды деяний, которые формируют группу коррупционных преступлений.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, законодательная техника, юридически значимые признаки, национальное антикоррупционное законодательство.

Valery Filippovich ANISIMOV,
Acting Head of the Department of Law Enforcement
and Advocacy of the Yugra State University,
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: anisimov.vf@gmail.com

Lyudmila Leonidovna BLASHKOVA,
Senior Lecturer of the Department
of Criminal Law and Criminal Procedure
of the Yugra State University
E-mail: blashkovaugra@yandex.ru

CORRUPTION CRIME AS A CATEGORY OF MODERN RUSSIAN LAW

Abstract. The work is devoted to the study of the issue of the definition of a corruption crime in Russian law. The analysis of various normative acts of the Russian anti-corruption legislation made it possible to state the absence of a qualitative definition of this term that meets the requirements of the rules of legislative technology. The authors propose the legally significant signs of corruption encroachments, and list the types of acts that form a group of corruption crimes.

Keywords: corruption, corruption offense, legislative technique, legally significant signs, national anti-corruption legislation.

С учётом развития современной теории права значимость дефиниций и юридической терминологии, используемой при формулировании нормативных предписаний, сомнений не вызывает. Качественно сформулированное определение является основой для надлежащего формирования и последующей реализации соответствующих институтов права.

Определения коррупции и коррупционного преступления, бесспорно, составляют правовую основу современного российского антикоррупционного законодательства, которое стало претендовать на некоторую обособленность в системе национального права с принятием федерального закона «О противодействии коррупции». В ст. 1 данного закона понятие коррупции сводится к открытому перечню преступлений, от совершения которых в основном страдают интересы государственной службы, службы в органах местного самоуправления (ст. 285, 290, 291 УК РФ), а также интересы службы в коммерческих и иных организациях (ст. 201, 204 УК РФ). Кроме перечисленных видов преступлений понятием «коррупция» охватывается любое незаконное использование должностным лицом своего служебного положения, что, с одной стороны, причиняет вред перечисленным объектам, обеспеченным уголовно-правовой охраной, а с другой — обеспечивает незаконное приобретение злоумышленником и (или) третьими лицами, в том числе организациями, прямой или косвенной материальной выгоды¹.

Представленное выше легальное определение коррупции вряд ли может быть признано удачным с позиции анализа качества законодательной техники: классический прием, выработанный в теории права относительно формулирования официального определения юридической категории (понятие — совокупность юридически значимых признаков, раскрывающих его сущность), в данном случае полностью проигнорирован. В связи с этим сложно даже раскрыть содержание понятия коррупции, представленное в ст. 1 Федерального закона № 273: либо это собирательное обозначение отдельных видов преступлений, либо родовое наименование незаконных действий, объединенных единством вредных последствий и целей осуществления, либо социаль-

но-негативное явление, правовая специфика которого раскрывается через установление тех или иных перечисленных в п. «а» и (или) «б» юридически значимых признаков.

Но даже если это определение представляет собой перечень видов коррупционных преступлений (что нельзя признать удачным технико-юридическим решением), то и тогда оно не будет безупречным. Так, в определении «коррупция» отсутствуют некоторые виды преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, которые уже были известны к моменту принятия закона: нецелевое расходование бюджетных денежных средств и средств государственных внебюджетных фондов, превышение должностных полномочий, осуществление предпринимательской деятельности лицом, состоящим на государственной или муниципальной службе. В настоящее же время данный список мог бы быть дополнен составами о мелком взяточничестве или коммерческом подкупе², посредничестве в совершении данных преступлений и др. Поэтому в данной части можно констатировать неполноту перечисления видов преступлений, которые можно определить в качестве коррупционных.

Значение понятия коррупционного преступления выходит далеко за пределы сугубо теоретического интереса: точное установление его юридически значимых признаков позволит сформировать систему объективного статистического учёта степени распространения коррупции в обществе и выработать эффективные меры антикоррупционного воздействия³.

Современная научная литература располагает значительным количеством разнообразных определений коррупционного преступления, в основу которых положено понимание сущности коррупции. Достаточно качественный научный обзор был предложен Н.А. Егоровой, которая обобщила значительную часть ранее высказанных мнений об определении коррупционного преступления, а также предложила собственное решение данной проблемы⁴. По этой причине мы

² См.: Загрядская Е.А. К вопросу о малозначительности коррупционного преступного деяния // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1. С. 86—88.

³ См.: Бастрыкин А.И. Основные направления деятельности Следственного комитета Российской Федерации в 2019 году // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 12.

¹ См.: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 30 дек.

не будем дублировать материалы исследований как Н.А. Егоровой, так и иных авторов⁵, поскольку все предложения основаны на убеждении авторов в необходимости широкого или узкого подхода к пониманию коррупции, основу которого составляют определяемые виды уголовно наказуемых деяний.

Несоизмеримо большей актуальностью обладает анализ положений современных нормативных актов России о коррупционных преступлениях. В условиях стремительного развития антикоррупционного законодательства в системе российского права несколько парадоксальным является факт отсутствия официального определения коррупционного преступления. При этом наблюдается достаточно свободное использование в различных нормативных актах рассматриваемой категории. Например, словосочетание «коррупционное преступление» используется в п. 46 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, который, к сожалению, не содержит указания на общие признаки данных преступлений, равно как и на виды данных общественно опасных деяний, но указывает, что в современном российском обществе «повышается уровень ответственности за коррупционные преступления»⁶. Аналогичным образом «коррупционное преступление» используется в нормах Национальной стратегии противодействия коррупции (подп. «б» п. 7)⁷.

Конкретизация видов рассматриваемых преступлений дана Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 09.07.2013 № 24. Здесь содержится закрытый перечень уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за «взяточничество» (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) и «иные коррупционные преступления» (ст. 159, 160, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 292, 304)⁸.

⁴ См.: Егорова Н.А. Коррупционные преступления: понятие, виды, проблемы квалификации // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 286—326.

⁵ См.: Бугаевская Н.В. Коррупционные преступления: виды и особенности субъекта: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 28—46.

⁶ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. 2. Ст. 212.

⁷ См.: Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы» // Российская газета. 2010. 15 апр.

⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 17 июля.

Бесспорная ценность приведённых положений заключается в отражении официальной позиции Верховного Суда РФ относительно предельного количества видов коррупционных преступлений, однако рассматривать данный перечень в качестве нормативно установленного нельзя, поскольку постановления Пленума Верховного Суда РФ не включаются в систему источников российского права, а являются только актами официального толкования отдельных его положений, то есть не могут выполнять ни регулятивную, ни охранительную функцию.

Единственным нормативным актом, в котором определяются рассматриваемые нами преступления, в настоящее время можно признать только совместное указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ от 24.01.2020 №35/11/1, которым утверждены перечни различных преступлений, сформированные для составления отчёта о состоянии преступности по итогам 2020 года⁹ (далее — Указание). Перечень № 23 содержит нормы УК РФ, которые устанавливают ответственность за преступления, определяемые как «преступления коррупционной направленности». Без анализа содержания перечня № 23 можно констатировать как минимум два правотворческих недостатка применительно к Указанию:

а) Имеет место нарушение правила о единообразном использовании юридической терминологии. Формально перечень № 23 не содержит виды «коррупционных преступлений», а предлагает иную правовую категорию — «преступления коррупционной направленности». Подобный подход к использованию официальных терминов в различных нормативных актах является неоправданным и может свидетельствовать только о нарушении одного из правил законодательной техники, сформулированных ещё в теории советского права: «один термин — одно понятие»¹⁰.

б) Содержание коррупционных преступлений, с учётом императивных положений ч. 1 ст. 1 УК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 4 Федерального закона

⁹ См.: Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24.01.2020 №35/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчётности» [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/documents/35111.docx> (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁰ Савицкий В.М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии / под ред. А.Я. Сухарева. М., 1987. С. 24. См. также: Тарасевич И.Б. Адекватность языка закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 12.

от 25.12.2008 № 273-ФЗ, должно раскрываться в нормативном акте, имеющем юридическую силу федерального закона, в идеале включаемом в состав УК РФ. Поэтому определение видов изучаемых нами преступлений на уровне подзаконного акта ведомственного значения, ежегодно переиздаваемого и обеспечивающего систематизацию показателей статистической отчётности, не может удовлетворять требования о балансе юридической формы и содержания нормативных актов, отличающихся друг от друга по степени юридической силы¹¹.

Примечательно, что в перечне № 23 не только перечисляются виды преступлений, которые отнесены к группе уголовно наказуемых деяний коррупционной направленности, но и обозначаются их юридически значимые признаки. Благодаря этому приёму сочетание «преступления коррупционной направленности» формально может быть признано юридическим термином, имеющим родовое значение для всех видов общественно опасных деяний, которые обладают следующими признаками:

а) наличие специального субъекта — должностного лица, признаки которого предусмотрены в примечании к ст. 285 УК РФ, либо управомоченного лица, выполняющего схожие с должностным лицом функции, но в коммерческой или иной негосударственной организации (примечание к ст. 201 УК РФ);

б) совершение общественно опасного деяния сопряжено с использованием служебного положения субъекта, в процессе чего имеет место нарушение специально возлагаемых на него должностных обязанностей;

в) лицо совершает общественно опасное деяние, руководствуясь при этом корыстными побуждениями, это проявляется в перспективном получении материальных благ и (или) выгод как для себя лично, так и для своих близких;

г) лицо, совершая общественно опасное деяние, может действовать только с прямым умыслом.

Предложенные признаки преступлений коррупционной направленности уже имеют важное значение для понимания сущности рассматриваемых уголовно наказуемых деяний и для последующего разграничения преступлений, составляющих основу коррупции, и иных общественно

опасных посягательств, запрещённых уголовным законом. Однако подобный подход к формированию дефиниции коррупционного преступления (преступления коррупционной направленности) не лишён дискуссионности по ряду существенных причин.

Во-первых, мы уже отмечали, что исследуемое Указание представляет собой разновидность подзаконного акта ведомственного (межведомственного) значения. Поэтому формулирование определений для юридических терминов, предусмотренных нормами федеральных законов, явно превышающих по юридической силе Указание, может рассматриваться как выход за пределы правовой компетенции, которой наделены Генеральная прокуратура и МВД России.

Во-вторых, избранный подход формирования совокупности юридически значимых признаков термина «преступления коррупционной направленности» страдает техническим недостатком. В п. 1 перечня № 23 указывается, что к рассматриваемой группе преступлений могут быть отнесены и иные виды запрещённых уголовным законом деяний, которые не обладают перечисленными признаками, но:

а) признаются преступлениями коррупционной направленности в соответствии с международными нормативными актами, которые ратифицированы Российской Федерацией;

б) связаны с подготовкой условий для незаконного получения должностным лицом, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой и иной организации, государственным или муниципальным служащим имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера, иных материальных выгод.

Использование подобного законодательного приёма значительно понижает значимость выделенных выше четырёх признаков преступления коррупционной направленности и гипотетически позволяет включить в данную группу неоправданно большое количество деяний, ответственность за которые установлена нормами Особенной части УК РФ.

Опасения относительно низкого качества техники формулирования термина «преступления коррупционного характера» находят своё подтверждение при анализе уголовно-правовых норм, указанных в перечне № 23. По малопонятной причине включение видов преступлений в группу «коррупционной направленности» осуществляется по нескольким основаниям. Так, п. 2 перечня № 23 предусматривает уголовно-право-

¹¹ См.: Белоусов С.А. Баланс и дисбаланс в российском законодательстве сквозь призму техники его специализации и унификации // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 337, 340.

вые нормы о преступлениях, имеющих «коррупционный характер», без предъявления к ним дополнительных условий. Выбор таких «безусловно коррупционных» преступлений бесспорным не является: наряду со взяточничеством (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) в этот список включена норма о нарушении правил финансирования избирательной кампании (ст. 141.1 УК РФ), различные виды контрабанды (п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1 УК РФ), в том числе п. «б» ч. 3 ст. 188 УК РФ, утратившей силу в соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ, а также иные нормы Особенной части УК РФ — ст. 184, 200.5, 201.1, 204, 204.1, 204.2, 289 УК РФ.

Некоторые преступления в соответствии с п. 3 перечня № 23 могут быть отнесены к указанной группе при выполнении специальных условий. Общим требованием для всех нижеперечисленных групп преступлений является «наличие специальной отметки в статистической карточке», что указывает на принадлежность одного из совершённых преступлений к разновидности коррупционных. Иные условия перечисляются в пп. 3.1—3.7 перечня № 23:

- а) признание преступления коррупционным в соответствии с международными актами;
- б) совершение преступления с корыстным мотивом;
- в) совершение преступления должностным или иным управомоченным лицом;
- г) зависимость от времени и места совершения преступления;
- д) использование служебного положения.

В общей сложности перечень № 23 включает в себя 67 статей российского уголовного закона, которые обозначаются в официальных документах статистической отчётности как преступления коррупционной направленности.

Мы полагаем, что представленный подход к определению изучаемой группы преступлений достаточно спорен. Даже при оставлении без внимания вышеописанных недостатков формального характера весьма трудно согласиться с признанием коррупционными деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена примерно 1/5 от общего количества норм Особенной части УК РФ. Негативно может быть охарактеризовано отсутствие строго определённого перечня признаков установления «коррупционного характера» преступления, а особенно — зависимость сущности коррупционного преступления не от его социально значимых характеристик, а от «отметки в статистической карточке». Все перечисленные просчёты материального оп-

ределения термина «преступления коррупционной направленности» не позволяют удовлетворить потребность в точном определении сущности коррупционного преступления. Создание реальной возможности отнесения к коррупционным видам неоправданно большого количества преступлений в действительности искажает объективность представления о коррупции в российском обществе, поскольку формируемые подобным образом данные статистической отчётности не могут аккумулировать действительные количественные и качественные показатели указанного социально опасного явления.

Учитывая изложенное, мы полагаем, что в настоящее время имеются основания для констатации отсутствия в действующем законодательстве термина «коррупционное преступление», который включал бы в себя виды запрещённых уголовным законом деяний, безусловно относящиеся к указанной группе преступлений. Поэтому определение юридического содержания коррупционных преступлений необходимо формировать на основе выделенных в научной литературе признаков коррупции как социально опасного явления. В этом случае к видам коррупционных преступлений безоговорочно можно отнести только деяния, ответственность за которые предусмотрена следующими нормами гл. 30 УК РФ: ст. 285, 285.4, 290, 291.1, 292 УК РФ, а также ст. 291.2 в части получения взятки, размер которой не превышает десять тысяч рублей (мелкое взяточничество).

Отдельного внимания заслуживает юридическая оценка составов преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ и ст. 291.2 УК РФ в части дачи взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей (мелкое взяточничество). Мы полагаем, что преступления, предусмотренные указанными уголовно-правовыми нормами, не могут включаться в группу коррупционных преступлений, поскольку совершаются они лицом, не имеющим специального правового статуса. Вследствие этого и причинить вред интересам государственной или муниципальной службы данные лица могут только в случае получения согласия подкупаемого должностного лица на совершение коррупционных действий. Поэтому признание указанных деяний разновидностью коррупционного преступления:

- а) не соответствует признанному доктринальному подходу к определению сущности коррупции;

б) неоправданно расширяет границы юридической категории «коррупционное преступление»;

в) создаёт предпосылки для ошибочного представления о результативности антикоррупционной деятельности, осуществляемой представителями органов государственной власти — Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и др.;

г) не позволяет выработать специальные превентивные меры, направленные на предупреждение и профилактику коррупции в российском обществе.

Термин «преступления коррупционной направленности» мы считаем недопустимым для характеристики коррупции, в том числе использования в качестве основания для формирования статистических показателей о состоянии преступности в России. Эта дефиниция может включать в себя значительное количество видов деяний, запрещённых уголовным законом, если они сопряжены с использованием служебного положения и (или) совершаются с корыстным мотивом, и (или) независимо от социально-правовых характеристик определены в качестве коррупционных нормами международного права. Также следует обратить внимание на то, что «коррупционная направленность» не может отождествляться с сущностью коррупции и коррупционного преступления, в связи с чем данный термин можно признать юридически некорректным.

Как нам представляется, практическую значимость термин «преступления коррупционной направленности» может иметь только в случаях обозначения круга наказаний и других мер государственного принуждения, которые следует применять к осуждённым за корыстные преступления, совершённые с использованием должностных полномочий.

Подводя итоги проведённого исследования, мы предлагаем в качестве полученных результатов теоретико-практического значения следующие выводы.

Во-первых, понятие коррупционного преступления следует формировать на основании выделяемых в научной литературе и получивших закрепление в нормах международного и национального права признаков коррупции как социально опасного явления:

а) общественные отношения, в рамках которых имеет место коррупция, носят публичный характер и основаны на принципе *власти и подчинения*;

б) специальный статус лица, выступающего управомоченной стороной в публичных правоотношениях, который характеризуется совокупностью полномочий государственного или муниципального служащего;

в) коррупционное отношение представляет собой неформальный договор между управомоченной и неуправомоченной стороной, предметом которого являются полномочия должностного лица, неправомерно использующиеся в интересах неуправомоченной стороны, вследствие чего каждая сторона получает имущественную или иную материальную выгоду;

г) вина в любом коррупционном деянии может характеризоваться только прямым умыслом;

д) деяние может быть отнесено к разновидности коррупционных только в случаях, если его совершение обусловлено корыстной мотивацией.

Во-вторых, на основании совокупности обозначенных признаков коррупции как социально опасного явления выделяются виды коррупционных преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 285, 285.4, 290, 291.1, 292 УК РФ, а также ст. 291.2 в части получения взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей (мелкое взяточничество).

В-третьих, термин «преступления коррупционной направленности» недопустимо использовать для характеристики коррупции, в том числе в качестве основания для формирования статистических показателей о состоянии преступности в России, ввиду некорректности его юридического содержания. Он может объединять в себе значительное количество видов деяний, запрещённых уголовным законом, которые сопряжены с использованием служебного положения и (или) совершаются с корыстным мотивом, и (или) независимо от социально-правовых характеристик определены в качестве коррупционных нормами международного права. В то же время «коррупционная направленность» не может отождествляться с сущностью коррупции и коррупционного преступления.

Создание реальной возможности отнесения к коррупционным неоправданно большого количества видов преступлений приводит к искажению объективности представления о степени распространённости коррупции в обществе. Формируемые на этом основании данные статистической отчётности не могут аккумулировать действительные количественные и качественные показатели социально опасного явления, а система государственных органов оказывается неспособной к выработке эффективных мер предупреждения коррупционных преступлений.

УДК 343.97
ББК 67.51

Андрей Викторович БОРИСОВ,
заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс
и криминалистика» Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ),
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: av-borisov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОТДЕЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье на базе анализа основных нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере обеспечения транспортной безопасности, определены значимые проблемы такой деятельности. Они связываются как с несовершенством базовых нормативно закрепленных понятий обеспечения транспортной безопасности, так и с отдельными законодательными положениями, касающимися субъектного состава обеспечения транспортной безопасности и ее объектов, а также имеющимися пробелами правового регулирования.

Ключевые слова: транспортная безопасность, обеспечение транспортной безопасности, законодательство, нормативный правовой акт, проблемы правового регулирования.

Andrey Viktorovich BORISOV,
Head of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute
of the Russian University of Transport (MIIT),
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: av-borisov@mail.ru

LEGAL REGULATION OF TRANSPORT SECURITY IN CERTAIN LEGISLATIVE ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Based on the analysis of the main regulatory legal acts regulating public relations in the field of transport security, the article identifies significant problems of such activities. They are associated both with the imperfection of the basic normative concepts of ensuring transport security, and with certain legislative provisions concerning the subject composition of ensuring transport security and its objects, as well as the existing gaps in legal regulation.

Keywords: transport security, ensuring transport security, legislation, regulatory legal act, problems of legal regulation.

Термин «транспортная безопасность» в российском законодательстве впервые появился с принятием 9 февраля 2007 года Федерального закона № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»¹, который определил основные

вехи юридической практики в рассматриваемой сфере и потребовал уточнения и переработки иных действующих здесь нормативных правовых актов, а также определил междисциплинарный подход к законодательному регулированию обеспечения транспортной безопасности.

В частности, федеральный закон позволил решать следующие организационно-управлен-

¹ Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О транспортной безопасности» // Парламентская газета. 2007. 16 февраля (№ 25).

ческие вопросы обеспечения транспортной безопасности:

- реализации системы управления;
- регламентации взаимодействия между государственными и негосударственными субъектами;
- ресурсного обеспечения транспортной безопасности (финансирования, подготовки квалифицированных кадров, внедрения научно-технических разработок и др.);
- информационного обеспечения;
- гармонизации российского законодательства и правоприменительной практики с международными нормами и стандартами, которые Российская Федерация должна соблюдать в силу взятых на себя обязательств².

Со времени принятия указанного закона прошел достаточный период времени, позволяющий оценить состояние и выявить проблемы правового регулирования в сфере обеспечения транспортной безопасности. Прежде всего, следует отметить некоторую правовую неопределенность самого понятия «обеспечение транспортной безопасности». Так, в соответствии с п. 4 ст. 1 федерального закона «О транспортной безопасности», обеспечение транспортной безопасности означает реализацию определяемой государством системы «правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства».

Помимо актов незаконного вмешательства транспортный комплекс подвергается и другим угрозам, оставшимся неохваченными в представленном определении. Например, не учтено влияние неосторожного причинения вреда транспортным средствам и транспортной инфраструктуре, обеспечивающим функционирование экономики страны и регионов³. Таким образом, рамки существующего понятия отражают только часть явления транспортной безопасности, причем не самую большую. Хотя категория «акты незаконного вмешательства» при ее трактовке в широком смысле позволяет включать в себя не только террористические акты, сам подход зако-

нодателя к обеспечению транспортной безопасности во многом связывается с мерами противодействия терроризму.

В то же время в Федеральном законе от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» представлено более широкое определение схожего понятия — «обеспечение безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта», которое подразумевает систему «экономических, организационно-правовых, технических и иных мер, предпринимаемых органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями железнодорожного транспорта, иными юридическими лицами, а также физическими лицами и направленными на предотвращение транспортных происшествий и снижение риска причинения вреда жизни или здоровью граждан, вреда окружающей среде, имуществу физических или юридических лиц»⁴.

Уточнение основного понятия представляется необходимым, поскольку категория «безопасность» не абсолютна, а относительна и приобретает смысловое значение в связи с конкретными объектами или сферой жизнедеятельности⁵. Упор на антитеррористическую составляющую обеспечения транспортной безопасности искусственно «разделяет» объем правового регулирования рассматриваемого понятия на отдельные сегменты, связанные с термином «безопасность» (например, безопасность движения как техническая составляющая транспортного комплекса, защищенность от преступных посягательств на транспорте и пр.)⁶.

По нашему мнению, применяемый в рассматриваемом аспекте термин «безопасность» должен быть комплексным и отражать весь спектр вопросов, ее характеризующих, тем более что в законодательных актах прошлого рассматриваемое понятие было более содержательным. Так, в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.⁷

² *Плугарь Д.М.* Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов об антитеррористической защищенности объектов железнодорожного транспорта // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 38—42.

³ *Зюзин В.Л., Митяков С.Н.* Концептуальные основы транспортной безопасности региона // Мир современной науки. 2016. № 6 (40). С. 24—31.

⁴ Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ *Лушина С.* Безопасность личности как составляющая национальной безопасности // Национальная безопасность и геополитика России. 2001. № 4—5 (21—22). С. 135—136.

⁶ *Кокорев И.Г.* О Законе «О транспортной безопасности» // Транспортная безопасность и технологии. 2006. № 1. С. 13.

⁷ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

безопасность на транспорте обеспечивалась от четырех видов угроз:

- нормальному функционированию транспортной сети (например, ст. 63 «Противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта, в целях совершения деяний, предусмотренных ст. 57 (экономическая контрреволюция)», ст. 110 «Злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти и халатное отношение к служебным обязанностям, в результате которых последовало полное расстройство и развал в деятельности руководящих центральных и местных аппаратов управления или таких же хозяйственных государственных аппаратов производства, снабжения и распределения или транспорта», ст. 218 «Неисполнение или нарушение правил, установленных законом или обязательным постановлением для охраны порядка и безопасности движения по сухопутным, водным и воздушным путям сообщения»);
- террористических (ст. 65 «Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений»);
- исходящих со стороны нарушителей правил общественного порядка (ст. 75 «Участие в массовых беспорядках всякого рода, как-то: погромах, разрушении путей и средств сообщения, освобождении арестованных, поджогах и т.п.»);
- сохранности имущества на транспорте (ст. 76 «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения жел.-дор. путей, безразлично, сопровождалась ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась», ст. 180а «Хищение из государственных и общественных складов, вагонов, судов и других хранилищ, производившееся систематически, как путем краж, так равно и путем учинения подлогов, составления неправильных актов и т.п. преступных действий

или совершенное ответственным должностным лицом или при особо крупных размерах похищенного» и др.).

Представляются несовершеннолетними и другие положения федерального закона «О транспортной безопасности»:

- В п. 3 ст. 1 к компетентным органам в области обеспечения транспортной безопасности отнесены «федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные Правительством Российской Федерации осуществлять функции по оказанию государственных услуг в области обеспечения транспортной безопасности». В их число входят федеральные агентства, предприятия и учреждения, находящиеся в ведении Минтранса России, других федеральных министерств или непосредственно Правительства РФ. Соответственно, ФСБ России, МВД России и МЧС России, несмотря на их предназначение, формально исключены из субъектов обеспечения транспортной безопасности.
- Среди объектов транспортной инфраструктуры, перечисленных в п. 5 ст. 1, отсутствует указание на трубопроводный транспорт, который также следует считать элементом транспортного комплекса⁸.
- Пунктом 7 ч. 2 ст. 2 среди задач обеспечения транспортной безопасности предусмотрены «подготовка и аттестация сил обеспечения транспортной безопасности», роль и значение которых неоднократно отмечались исследователями⁹. Сохранение и повышение уровня транспортной безопасности предполагает отсутствие дефицита квалифицированных профессиональных кадров, то есть лиц, ответственных за обеспечение транспортной безопасности, включая обслуживающий персонал и сотрудников подразделений транспортной безопасности, а также непрерывное совершенствование их профессиональных знаний, навыков и умений с учетом изменений правовой базы,

⁸ Степаненко Ю.В., Басыров Л.А. Законодательное обеспечение транспортной безопасности // Административное право и процесс. 2007. № 2. С. 21—25.

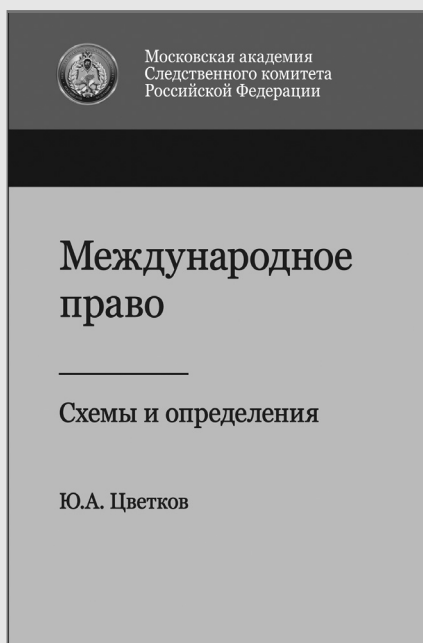
⁹ См., например: Землин А.И. Организационные и правовые проблемы подготовки кадров для системы обеспечения транспортной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2019. № 4 (32). С. 65—74; Балдина А.С. Организационно-правовые аспекты подготовки кадров федеральных органов исполнительной власти, реализующих контрольно-надзорные полномочия // Административное право и процесс. 2018. № 4. С. 71—75 и др.

цифровизации, транспортной логистики и развития социальных процессов. Однако процесс совершенствования профессионализма, переподготовки и повышения квалификации соответствующих кадров не поставлен должным образом. Система подготовки (переподготовки) необходимых кадров в соответствующей сфере деятельности до настоящего времени сформирована недостаточно, в том числе по причине несовершенного нормативного правового регулирования в рассматриваемом сегменте. По отдельным направлениям такое регулирование находится в стадии зарождения, например при обеспечении безопасности беспилотного транспорта, сейчас активно развивающегося и уже эксплуатируемого в тестовом режиме.

- Статья 10 «Ограничения при выполнении работ, непосредственно связанных с обеспечением транспортной безопасности» в числе иных ограничений предусматривает, что работы, непосредственно связанные с обеспечением транспортной безопасности, не вправе выполнять лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость за со-

вершение умышленного преступления. Вместе с тем часть преступлений, посягающих на безопасность движения и эксплуатации транспорта, совершаются по неосторожности (ст. 263—264.1, 266—268 УК РФ и др.). Таким образом, препятствий для лиц, имеющих судимость за подобные деяния, но желающих получить работу, непосредственно связанную с обеспечением транспортной безопасности, не существует, что представляется не только неверным, но и небезопасным.

Кроме того, практической реализации положений рассматриваемого федерального закона препятствуют не разрешенные до настоящего времени проблемы, связанные с отсутствием необходимых нормативных правовых актов, определяющих функции компетентных органов (федеральных агентств) в области обеспечения транспортной безопасности, а также с незавершенным формированием Единой государственной системы обеспечения транспортной безопасности, требующие разработки обоснованных предложений по совершенствованию и развитию законодательства в рассматриваемом сегменте.

Цветков Ю.А. Международное право. Схемы и определения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки Юриспруденция», «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность» / Ю.А. Цветков. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 167 с.

ISBN 978-5-238-03325-9

В учебном пособии в схематическом виде представлены все основные разделы учебной дисциплины «Международное (публичное) право», даны определения основных институтов и понятий.

Для студентов юридических вузов.

УДК 343.43
ББК 67.408.112

Андрей Львович ИВАНОВ,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ivanov5466@rambler.ru

Ярослав Николаевич ЕРМОЛОВИЧ,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, доктор юридических наук
E-mail: Yaroslaverm@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 126, 127, 127.1, 127.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, предлагаются пути решения выявленных противоречий действующего законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность; уголовное право; преступления против свободы, чести и достоинства; похищение человека; незаконное лишение свободы; торговля людьми; использование рабского труда.

Andrey L. IVANOV,
Head of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: ivanov5466@rambler.ru

Yaroslav N. ERMOLOVICH,
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Doctor of Law
E-mail: Yaroslaverm@mail.ru

CONTROVERSIAL ISSUES RELATED TO QUALIFICATION OF KIDNAPPING, ILLEGAL IMPRISONMENT AND TRAFFICKING

Abstract. The article discusses the problematic issues of qualification of crimes under Art. 126, 127, 127.1, 127.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors propose ways to solve the revealed contradictions of the current legislation and the practice of its application.

Keywords: criminal liability; criminal law; crimes against freedom, honor and dignity; kidnapping; unlawful deprivation of liberty; trafficking in persons; use of slave labor.

24 декабря 2019 г. Пленум Верховного Суда РФ издал постановление № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», в котором впервые разъясняется практика применения

ст. 126, 127, 127.1, 127.2 УК РФ, однако вновь изданное постановление не разрешило всех проблем квалификации деяний, сопряженных с похищением человека, незаконным лишением свободы, а также торговлей людьми.

Согласно статистике Верховного Суда Российской Федерации, в своей совокупности все случаи похищений, незаконного лишения свободы, торговли людьми составляют менее 1 % от общего числа осужденных и от общего количества совершенных преступлений, а динамика указанных преступлений не выходит за рамки статистической погрешности¹. Тем не менее в следственной практике квалификация рассматриваемой группы преступлений вызывает много спорных вопросов, связанных с применением и толкованием уголовного закона².

Пленум Верховного Суда РФ правильно указал, что незаконное лишение свободы, в процессе похищения лица или совершенное после похищения человека, полностью охватывается составом преступления, предусмотренным ст. 126 УК РФ, и не требует дополнительной квалификации по ст. 127 УК РФ, однако высшая судебная инстанция не учла, что похищения часто совершаются группой лиц, одни из которых участвуют в незаконном захвате и перемещении потерпевшего, в то время как другие — только в незаконном удержании потерпевшего.

Так, например, Т. и К., предполагая, что С. и К. причастны к похищению автомобиля Т., избили их, поместили в багажник автомобиля и увезли из кафе в дом Т. В доме поместили потерпевших в подвальное помещение. Т. сообщил своему сыну Т.Е. и сторожу Е. о цели и причине нахождения С. и К. в его доме. Впоследствии Е. вместе с Т. принимал участие в избиении потерпевших, в результате чего от полученных телесных повреждений С. скончался. Т.Е. и Е. по указанию Т. погрузили труп С. в багажник автомашины и посадили в автомашину потерпевшего К. В пути следования Т. вывел потерпевшего К. из автомашины и выстрелил ему в грудь и голову. После этого преступники спрятали трупы.

Судом действия Т.Е. были квалифицированы по пп. «а», «ж» ч. 2 ст. 126 УК РФ, а Е. — по п. «в»

ч. 3 ст. 126 и ч. 4 ст. 111 УК РФ. В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора РФ поставил вопрос о переквалификации действий Т.Е. и Е. на ст. 127 УК РФ, поскольку они не принимали участия в похищении. Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил надзорное представление в этой части, отметив, что действия осужденных квалифицированы как похищение человека, совершенное группой лиц по предварительному сговору в отношении двух лиц, необоснованно, поскольку они не принимали непосредственного участия в захвате потерпевших в кафе и перемещении их в дом Т. и о совершении преступления узнали после того, как потерпевшие были привезены в дом. Т.Е. и Е. в сговоре на похищение С. и К. не состояли и участия в их похищении не принимали, а потому не могут нести ответственность за похищение указанных лиц. Действия осужденных, которые только удерживали потерпевших, ранее похищенных другими лицами, были переквалифицированы на пп. «а», «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ³.

Таким образом, лица, которые хотя и участвовали в выполнении части объективной стороны похищения — незаконном удержании похищенного, но не вступали в преступный сговор на похищение и не знали о ранее совершенном преступлении, нести уголовную ответственность за преступление, предусмотренное ст. 126 УК РФ, не могут, но могут нести ответственность за незаконное лишение свободы по ст. 127 УК РФ. Если же эти лица изначально вступили в преступный сговор для совершения похищения, то они признаются соисполнителями, поскольку на основании ч. 2 ст. 33 УК РФ соисполнителем признается лицо, которое участвовало в выполнении хотя бы части объективной стороны преступления. Это правило квалификации преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, частично отражено в п. 7 комментируемого постановления Пленума.

В п. 10 постановления Пленума разъясняются вопросы квалификации похищения человека и убийства. В случаях, когда захват и перемещение человека были направлены не на удержание потерпевшего в другом месте, а на его убийство, содеянное квалифицируется по соответствующей части ст. 105 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 126 УК РФ не требует. Если же умысел на убийство возник в ходе перемещения или удержания потерпевшего, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 126 и 105 УК РФ, разъясняет Верховный Суд РФ.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2004 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.01.2021).

² См., напр.: *Бастрыкин А.И.* Основные направления деятельности Следственного комитета Российской Федерации в 2018 году // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2018. № 4. С. 9—12. См. также: *Волков К.А.* Торговля людьми и новое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ // *Российский судья.* 2020. № 6. С. 36—40; *Смирнов А.М.* Характеристика уголовно-правового реагирования на реализацию народных обычаев в России и его совершенствование // *Российский следователь.* 2020. № 3. С. 43—47.

Однако в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.), напротив, разъясняется, что убийство, сопряженное с похищением человека (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), должно квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 126 или ст. 206 УК РФ. При этом возможно умышленное причинение смерти как самому похищенному, так и другим лицам в процессе похищения или в связи с похищением человека.

Таким образом, разъяснения, которые даются в разных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, не совсем согласуются между собой. В теории уголовного права выделяется правило квалификации преступлений, согласно которому, если совершение одного преступления является способом совершения другого преступления, то идеальная совокупность преступлений отсутствует. В этом случае содеянное квалифицируется как одно преступление по направленности умысла виновного. При этом способ совершения преступления не может быть более общественно опасным, чем преступление, по статье о котором квалифицировано деяние. Однако на практике сам Верховный Суд РФ часто отступает от этого правила, предписывая квалифицировать по совокупности некоторые сопряженные преступления, в случае если одно из них являлось способом совершения другого. Например, такая позиция отражается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г. № 14 (пп. 17, 31); в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о контрабанде» от 27 апреля 2017 г. № 12 (п. 12); в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. № 5 (пп. 17, 18.1).

Занимая спорную правовую позицию по квалификации похищения и убийства, Пленум Верховного Суда РФ, скорее всего, опирался на Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2010 г. № 66-О10-191, в котором указывается, что суд излишне квалифицировал помещение потерпевших в подвал как незаконное лишение свободы, поскольку эти действия были составной частью реализации умысла, направленного на убийство. Эти действия создавали условия для достижения цели причинения по-

терпевшим смерти, поскольку, пока потерпевшие находились в подвале, виновный закрыл двери дома именно для того, чтобы продолжить совершение убийства. При таких обстоятельствах Верховный Суд РФ исключил квалификацию действий осужденного по п. «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ из приговора как излишнюю.

Однако в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» отмечается, что похищение осуществляется в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют, и является окончанным преступлением с момента захвата и начала перемещения потерпевшего. Таким образом, все иные преступные действия, находящиеся за рамками объективной стороны похищения человека, по смыслу закона и толкования должны получать самостоятельную уголовно-правовую оценку. Тем не менее Верховный Суд РФ исключил из этого правила похищения людей, связанные с убийствами, и в современных условиях мы приходим к трем вариантам квалификации таких деяний:

1) умысел виновного изначально был направлен на убийство, а похищение являлось частью реализации умысла на убийство, при этом квалификация по ст. 126 УК РФ не требуется;

2) умысел на убийство внезапно возник в процессе совершения преступления, а само убийство как похищаемого, так и других лиц было совершено во время похищения (по смыслу закона во время нападения и захвата), такие действия следует квалифицировать по совокупности п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и, по всей видимости, п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ (как похищение человека, повлекшее иные тяжкие последствия);

3) умысел на убийство возникает в ходе перемещения или удержания потерпевшего и, по смыслу толкования, реализуется после похищения, но только в отношении самого похищенного, а не других лиц, такие действия следует квалифицировать по совокупности ч. 1 ст. 105 УК РФ и, по всей видимости, п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ (как похищение человека, повлекшее иные тяжкие последствия).

Такое разграничение квалификации похищения человека и убийства неизбежно вызовет проблемы в правоприменительной практике. Более того, возникает коллизия между п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ (похищение человека, повлекшее иные тяжкие последствия в виде умышленного причинения смерти) и п. «в» ч. 2 этой же статьи (похищение с применением насилия, опасного для

жизни) в совокупности со ст. 105 УК РФ. Поскольку в обоих случаях используются оценочные категории, требующие толкования правоприменителя, неизбежно возникновение проблем при квалификации подобных деяний.

Продолжая анализировать вопросы квалификации похищения человека в совокупности с другими составами преступлений, следует отметить, что до издания рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда РФ следственная практика шла по пути исключения квалификации по ст. 126 УК РФ, если похищение человека было сопряжено с другими преступлениями. Мотивировалось это тем, что умысел виновного не был направлен только на лишение или ограничение свободы потерпевшего, его захват и незаконное перемещение, а само похищение признавалось способом совершения или составной частью объективной стороны иного преступления. В таких случаях в возбуждении уголовных дел по ст. 126 УК РФ отказывалось или уголовное дело прекращалось в этой части. Поэтому большинство таких решений находилось вне информационного поля судебной системы. Исключение составляли случаи, когда похищение человека было сопряжено с последующим требованием выкупа за похищенного, в таких случаях содеянное квалифицировалось по п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ (при отсутствии других отягчающих признаков), то есть вымогательство с применением насилия, поскольку лишение или ограничение свободы можно также признать формой насилия. Однако такие решения принимались не всегда, а такой вариант квалификации считался спорным. Думается, что Верховный Суд РФ поставил точку в этом вопросе, однако спорными выглядят указания в п. 9 на одновременность требований передачи чужого имущества с похищением человека и указание на наличие иных оснований для такой квалификации.

В других случаях практика шла по иному пути. Так, например, в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 г. № 16 отмечалось, что под насилием в ст. 131 и 132 УК РФ следует понимать и совершение иных насильственных действий, связанных с ограничением свободы потерпевшей (потерпевшего). Таким образом, похищение и последующее изнасилование потерпевшей либо незаконное лишение свободы и последующее изнасилование (например, заталкивание в машину для дальнейшей доставки к

месту совершения преступления, запираение в квартире, машине и т.п.) расценивались как применение насилия в виде ограничения или лишения свободы потерпевшей (потерпевшего), то есть в качестве части объективной стороны изнасилования или насильственных действий сексуального характера, при этом дополнительная квалификация по ст. 126, 127 УК РФ исключалась. В свете новых разъяснений Верховного Суда РФ о том, что похищение является окончанным с момента захвата и начала перемещения потерпевшего, должна измениться и судебная практика в этой части.

Верховный Суд РФ, давая разъяснения по поводу применения примечания к ст. 126 УК РФ, правильно указал, что понимается под добровольным освобождением похищенного человека, однако не учел некоторых выводов из судебной практики. Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрела в судебном заседании кассационную жалобу осужденного за совершение в составе организованной группы 5 похищений человека (2 эпизода в отношении троих потерпевших и 3 эпизода в отношении одного потерпевшего в каждом случае) и других преступлений. Осужденный и 5 членов организованной преступной группы заранее объединились и договорились о нападении, захвате и похищении с применением оружия потерпевших, которые прибывали в аэропорт для приобретения в этом городе автомобилей японского производства, с целью завладения денежными средствами указанных граждан. В каждом случае преступники под обманом предложением, представившись таксистами или родственниками потерпевших, отвозили их в условленное место, где водитель под обманом предложением поломки транспортного средства останавливал машину. После чего члены группы с применением физического насилия, угрожая оружием, совершали нападение и захват потерпевших. После захвата, под условием сохранения жизни и благополучного возвращения домой, перед потерпевшими выдвигались требования о перечислении денежных средств преступникам. Выдвижение требований сопровождалось побоями, высказыванием угроз лишения жизни, потерпевшие вывозились в лес, к голове приставлялся пистолет. После выполнения требований о перечислении денежных сумм преступникам потерпевшие освобождались. Судом было установлено, что, поскольку потерпевшие были захвачены, помимо их воли перевезены в место, где незаконно удерживались, а освобождение потерпевших происходило только

после того, как цель их похищения была достигнута, при таких обстоятельствах на действия осужденных не распространяются положения примечания к ст. 126 УК РФ⁴. Таким образом, на наш взгляд, правильнее было бы указать как основание добровольного отказа от преступления не только осознание виновным реальной возможности удерживать потерпевшего, но и недостижение цели преступления, поскольку если цель похищения преступниками достигнута, то и уголовно-правовое значение добровольного освобождения должно устраняться.

В следственной практике имеются случаи, когда потерпевших насильно захватывали, незаконно удерживали, например, в автомобиле, зачастую сопровождая это побоями, причинением физической боли, оскорблениями и угрозами, перемещали в другое место, используя транспортное средство, а затем отпускали. В данном случае похищение человека использовалось как способ или средство психического насилия над потерпевшим. Когда цель запугать, унижить честь и достоинство потерпевшего была достигнута, он освобождался. При этом преступники во многих случаях были информированы о содержании примечания к ст. 126 УК РФ. В таких случаях, как правило, выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 126 УК РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» отсутствуют разъяснения по применению п. «а» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, п. «в» ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 127.2 УК РФ, то есть тех случаев, когда указанные преступления совершаются организованной группой. Однако в других постановлениях Пленума Верховного Суда РФ разъясняется, что в случае признания преступления совершенным организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать как соисполнительство по соответствующей статье или части статьи Особенной части УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ. Такая позиция отражена в п. 15 постановления «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29, п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября

⁴ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12 сентября 2007 г. № 64-006-53сп.

2017 г. № 48 и п. 14 постановления «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» от 17 декабря 2015 г. № 56. На наш взгляд, это же правило должно применяться и при квалификации рассматриваемых преступлений. При признании похищения человека, незаконного лишения свободы, торговли людьми, использования рабского труда совершенными организованной преступной группой действия всех соучастников должны квалифицироваться как соисполнительство вне зависимости от характера и степени фактического участия каждого в совершении преступления.

Согласно примечанию 2 к ст. 127.1 УК РФ под эксплуатацией человека понимается в том числе использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации. В этой связи возникает вопрос о разграничении квалификации деяний, предусмотренных ст. 127.1, 127.2 УК РФ, когда они совершаются в виде вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения лица, и преступлений, предусмотренных ст. 240 и 241 УК РФ, поскольку вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией подразумевают в том числе и совершение тех же действий. Следует ли преступления, сопряженные с сексуальной эксплуатацией человека, квалифицировать по совокупности со статьями о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности, или же составы этих преступлений охватывают только деяния, которые не относятся к объективной стороне преступлений, предусмотренных ст. 127.1, 127.2 УК РФ? Во вновь изданном постановлении Пленума Верховного Суда РФ эти вопросы никак не разрешаются.

В анализируемом постановлении Пленума не рассматриваются также вопросы квалификации похищений несовершеннолетних детей, совершаемых их родителями или другими родственниками, в том числе не проживающими совместно с детьми⁵, а также вопросы разграничения квалификации похищения человека и захвата заложника, когда он совершен в целях понуждения гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения как условия освобождения заложника⁶.

⁵ См., напр.: *Иванова Е.В.* Перспективы привлечения родителей и иных близких родственников к уголовной ответственности за похищение собственных детей // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11. С. 104—112.

⁶ См., напр.: *Говоров И.Г.* Похищение человека и захват заложника: проблема разграничения // Уголовное право. 2019. № 4. С. 28—35.

УДК 343.24
ББК 67.408.06

Андрей Сергеевич КЛИМОВ,
доцент кафедры «Уголовное право, процесс и криминалистика»
Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
кандидат юридических наук, доцент

Сергей Николаевич ХОРЬЯКОВ,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: horser1@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ: ОСОБЕННОСТИ, ОШИБКИ И ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей учета при назначении наказания несовершеннолетним различных данных, характеризующих личность несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания. Выявлены типичные ошибки, свойственные современной судебной практике при назначении наказания несовершеннолетним, а также установлен ряд существующих проблем.

Ключевые слова: наказание, дополнительное наказание, личность несовершеннолетнего, назначение наказания, лишение свободы, ограничение свободы, осужденный, преступление, судебная практика.

Andrey Sergeevich KLIMOV,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Process and Criminalistics
of the Lipetsk branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Candidate of Law, Associate Professor

Sergey Nikolaevich KHORYAKOV,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: horser1@yandex.ru

PURPOSE OF PUNISHMENT IN MINOR: FEATURES, ERRORS AND PROBLEMS OF JUDICIAL PRACTICE

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of accounting for the assignment of punishment to minors of various data characterizing the personality of a minor, the conditions of his life and upbringing. The authors identify typical mistakes inherent in modern judicial practice when sentencing minors, and establish a number of existing problems.

Keywords: punishment, additional punishment, personality of a minor, sentencing, deprivation of liberty, restriction of liberty, convicted person, crime, judicial practice.

По данным статистики, на 1 января 2020 года общее количество лиц, осужденных за совершение преступлений, составляло около 1 млн человек, из них отбывающих лишение свободы в России — 630 тысяч, в числе которых 1,7 тысяч несовершеннолетних. Вместе с тем на учете в уголовно-исполнительных инспекциях состоит более 503 тыс. человек, приговоренных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Уровень рецидивной преступности среди подростков порядка 67 %¹. В целом, несмотря на снижение уровня преступности несовершеннолетних (так, в 2015 г. несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, было выявлено 55 993, в 2016 — 48 589, в 2017 — 42 504, в 2018 — 40 860, в 2019 — 37 953, в 2020 — 33 575²), вопросы, связанные с эффективным применением уголовного законодательства при назначении им наказания, остаются достаточно актуальными.

Однако следует сказать, что российские суды досконально изучают материалы судебной практики, в той или иной степени касающиеся специфичных вопросов назначения наказания несовершеннолетним, прежде всего в контексте углубленного акцентирования внимания на личности несовершеннолетнего. В постановлениях Пленума Верховного Суда, в том числе касающихся особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних, неоднократно указывалось на необходимость индивидуального подхода при изучении обстоятельств совершенного деяния и соразмерности применяемых мер воздействия с особенностями личности. Также много говорится о необходимости предупреждения противозаконных действий (в том числе экстремистской направленности) и преступлений в среде несовершеннолетних, немаловажными остаются и ресоциализационные задачи³.

В 2015 году Пензенский областной суд предоставил широкой общественности справку по

результатам изучения практики рассмотрения судами в 2013—2014 гг. уголовных дел в отношении несовершеннолетних, где обозначил, что зачастую в процесс сбора сведений, представляющих собой характеристику несовершеннолетнего, включаются действия по получению сведений о несовершеннолетнем прежде всего справочного характера (сведения специальных учетов), а также общей характеристики несовершеннолетнего по месту его учебы и жительства. Таким образом, информация, предоставляемая в таких документах, должна давать характеристику такого рода, как:

1) процесс становления личности, а именно обстановка, которая в той или иной мере оказывала воздействие на процессы личностного становления (прежде всего, семья и близкое окружение);

2) характеристика условий формирования нравственной стороны личности несовершеннолетнего, что включает в себя следующее: а) бытовые условия, материальное положение семьи; б) отношение родителей или иных законных представителей к воспитанию несовершеннолетнего, сведения о характере выполняемых ими воспитательных обязанностей, взаимоотношений с несовершеннолетним, характере влияния на его поведение; в) сведения об определенных неблагоприятных склонностях несовершеннолетнего, например склонности к употреблению наркотических средств; г) сведения, характеризующие взаимоотношения несовершеннолетнего со сверстниками или старшими, его интересы и модели поведения;

3) в случаях, когда несовершеннолетний находится на учете в органах внутренних дел, необходимым является получение сведений о привлечении несовершеннолетнего к административной или уголовной ответственности. Немаловажной при этом является информация о мерах воздействия на него, указывается, какие меры были применены и кем. Также следует учитывать и реакцию несовершеннолетнего на применяемые в отношении него со стороны компетентных органов меры.

В справке также указано, что наиболее распространенными видами наказания, применяемыми к несовершеннолетнему, являются лишение свободы условно, обязательные работы и штраф. Случаев же назначения наказания в виде

¹ Мисливская Г. Чтобы не возвращались. Александр Коновалов: Общие колонии не для осужденных подростков — надо искать другие виды исполнения наказания // Российская газета: федер. выпуск. 2017. 13 июля (№ 152).

² См.: Состояние преступности в России за январь—декабрь 2015 года / МВД России, Главный информационно-аналитический центр. М., 2016 и другие статистические сборники МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М.: Проспект, 2021. С. 171.

лишения права заниматься определенной деятельностью установлено не было⁴.

Если обратиться к практике применения уголовного законодательства при назначении наказания несовершеннолетним, можно обнаружить ряд наиболее типичных ошибок:

1. Назначение несовершеннолетним ограничения свободы в качестве дополнительного наказания.

Так, суд признал П. и Х. виновными в совершении убийства Ч. группой лиц по предварительному сговору и назначил несовершеннолетнему Х. наряду с основным наказанием дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год⁵. Однако в данном случае суд не учел правила назначения наказания в виде ограничения свободы, согласно которому такое наказание, как ограничение свободы, в отношении несовершеннолетних назначается исключительно как основное. В таком случае Х. не мог быть привлечен дополнительно к ограничению свободы, поскольку является несовершеннолетним и на него распространяется данное правило.

2. Назначение наказания в виде лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима лицам, достигшим к моменту вынесения приговора совершеннолетия.

Так, Псковский областной суд в приговоре от 13 июня 2013 г. осудил И. к лишению свободы по ч. 4 ст. 111 УК РФ, а также п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения наказаний окончательно назначено 9 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Но высшая судебная инстанция приговор в конечном итоге отменила, поскольку было выяснено, что суд допустил ошибку при назначении наказания. Согласно ч. 3 ст. 58 УК РФ и ст. 140 УИК РФ, при достижении несовершеннолетним совершеннолетия к моменту постановления приговора наказание, назначенное в виде лишения свободы, должно отбываться в исправительной колонии общего режима, что не соотносится с приговором суда, назначившим отбывание наказания в исправительной колонии строгого режима⁶.

⁴ Справка по результатам изучения практики рассмотрения судами в 2013—2014 гг. уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Пензенский областной суд: [официальный сайт]. URL: <http://oblsud.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=69> (дата обращения: 03.06.2020).

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.07.2016 № 18-АПУ16-14 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.12.2013 № 91-УД13-1 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Назначение несовершеннолетнему наказания с учетом ст. 64 УК РФ, но без учета положения, предусмотренного ч. 6.1 ст. 88 УК РФ.

Так в определении Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2011 г. № 11-Д11-27 указано, что по приговору Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 25 января 2006 г. Х. был осужден за преступление, совершенное в возрасте несовершеннолетия (ч. 2 ст. 162 УК РФ), с учетом совокупности смягчающих обстоятельств суд назначил наказание с применением правила ст. 64 УК РФ на срок 4 года.

Однако, анализируя положение ч. 6.1 ст. 88 УК РФ, можно обнаружить правило, согласно которому при назначении наказания в виде лишения свободы ниже низшего предела низший предел, применительно к преступлениям тяжкой и особо тяжкой степени, сокращается наполовину. На основании этого можно сказать, что суд первой инстанции допустил ошибку, назначая наказание в виде 4 лет лишения свободы. По действующей на тот момент редакции Уголовного кодекса срок, соответствующий требованиям статьи 88 УК РФ, должен был составлять 2 года и 6 месяцев лишения свободы, что и было справедливо отмечено Верховным Судом⁷.

Немаловажными являются и проблемы, вытекающие из практики назначения наказания в виде лишения свободы. Частью 6 ст. 88 Уголовного кодекса РФ устанавливается запрет назначения лишения свободы применительно к несовершеннолетним в возрасте до 16 лет, в случае если преступления имеют небольшую или среднюю степень тяжести и совершены впервые. Однако в ряде специфических случаев, например, когда необходимо назначить наказание по совокупности, в части сложения, к примеру, исправительных работ за преступления, подпадающие под описанную выше категорию, и лишения свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление, данное правило становится неприменимым.

По нашему мнению, в данном случае, поскольку наказание не может быть назначено в случае единичного преступления, оно не должно назначаться и при применении правил о назначении наказания по совокупности. Иначе принцип ограничения наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним в описываемом контексте не будет реализован.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2011 г. № 11-Д11-27 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно справедливо отметить необходимость как всестороннего и тщательного изучения нормативных оснований назначения наказаний несовершеннолетним, так и получения общих характеристик личности несовершеннолетнего и его окружения в целях назначения справедливой уголовной ответственности.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.07.2016 № 18-АПУ16-14.
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.11.2011 № 46-О11-77СП.
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.12.2013 № 91-УД13-1.
4. Определение Верховного Суда РФ от 15.09.2011 № 11-Д11-27.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4. С. 10.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и

наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

7. Справка по результатам изучения практики рассмотрения судами в 2013—2014 гг. уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Пензенский областной суд: [офиц. сайт]. URL: http://oblsud.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=69 (дата обращения: 03.06.2020).

8. Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 01.03.2021).

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. *Д.Н. Кожухарика*. М.: Проспект, 2021. 1520 с.

10. *Мисливская Г.* Чтобы не возвращались. Александр Коновалов: Общие колонии не для осужденных подростков — надо искать другие виды исполнения наказания // Российская газета: федер. выпуск. 2017. 13 июля (№ 152).

11. *Разумов С.А.* Практика назначения наказания: учебно-практическое пособие. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2001. 76 с.

12. *Тарбагаев А.Н.* Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. 120 с.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. и науч. ред. *А.В. Гриненко*. М.: Проспект, 2021. 1288 с.

УДК 343.341
ББК 67.408.131.11

Петр Николаевич КОБЕЦ,
главный научный сотрудник Всероссийского
научно-исследовательского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: pkobets37@rambler.ru

Дмитрий Анатольевич БРАЖНИКОВ,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российской таможенной академии,
доцент кафедры цифровой криминалистики
МГТУ им. Н.Э. Баумана,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Dbrazh@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БИОЛОГИЧЕСКОМУ ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация. Террористические организации при совершении преступлений могут использовать биологическое оружие, которое имеет ряд опасных характеристик, отличающих его от иных видов вооружения. В статье предпринята попытка исследования уголовно-правовых и криминологических проблем борьбы с биологическим терроризмом.

Ключевые слова: террористическая угроза, акт биотерроризма, биообъекты, эпидемиологическое состояние, международный терроризм, борьба с биотерроризмом, патогены, биологические агенты, международные конвенции, биоинженерия, национальная безопасность, борьба с преступностью.

Peter Nikolaevich KOBETS,
Chief Researcher at the All-Russian Research
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor
E-mail: pkobets37@rambler.ru

Dmitry Anatolyevich BRAZHNIKOV,
Associate Professor of Criminal and Legal Disciplines
at the Russian Customs Academy,
Associate Professor of the Department of Digital Criminalistics
of the Bauman Moscow State Technical University,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: Dbrazh@yandex.ru

CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF COUNTERING BIOLOGICAL TERRORISM

Abstract. Terrorist organizations may use biological weapons in the commission of crimes, which have a number of dangerous characteristics that distinguish them from other types of weapons. The article examines the criminal legal and criminological problems of combating biological terrorism.

Keywords: terrorist threat, act of bioterrorism, biological objects, epidemiological state, international terrorism, combating bioterrorism, pathogens, biological agents, international conventions, bioengineering, national security, combating crime.

Методы и приемы ведения биологической войны, несмотря на серьезные технологические исследования в сфере бактериологии, эпидемиологии, вакцин, химии токсинов и лекарственных средств, не изучались уже долгие годы. Все больше специалистов указывают на наличие данных об участившихся попытках использования террористическими организациями биологического оружия, что не может не представлять огромную угрозу безопасности всего человечества, поскольку применение рассматриваемого оружия влечет за собой огромные человеческие жертвы¹.

Согласно данным Федерального бюро расследований США, в 1997 г. возбуждалось 74 уголовных дела, которые были связаны с угрозами использования биологического оружия. В 1998 г. количество подобных дел возросло до 121. В 1999 г. было возбуждено 267 уголовных дел. В 2000 г. подобных расследований было 257².

Биологические формы воздействия, используемые в военных целях, разработанные современными генетиками, являются одним из самых серьезных способов уничтожения живых организмов³. При этом если обычные виды вооружения подлежат полному контролю, то биологическое оружие контролировать значительно сложнее, а осуществлять фиксацию распространения биологических поражающих агентов практически невозможно, так же как и прогнозировать наступление последствий применения данного вида вооружения.

По этим причинам, а также вследствие неуправляемости и наличия деструктивного и агрессивного потенциала у биологического вооружения все возрастает его привлекательность для международных террористических организаций. Нужно констатировать, что в настоящее время существует реальная угроза использования биологического оружия в целях шантажа властных структур и запугивания населения⁴.

¹ Максимова И.В., Егорова А.Ю., Червинец Ю.В. Биотерроризм — одна из угроз мировому обществу // Тверской медицинский журнал. 2016. № 4. С. 53.

² Варющенко С.Б., Косырев С.В., Свитнев И.В. Основы обеспечения ядерной, радиационной и химической безопасности: учебное пособие. СПб: ВКА им. А.Ф. Можайского, 2006. С. 42.

³ Столяр В.П., Фесенко В.В. Информационное обеспечение в условиях возрастания угрозы биотеррактов // Совершенствование гражданской обороны в Российской Федерации: материалы V Научно-практической конференции / МЧС России. М., 2008. С. 180—182.

⁴ Севастьянов В. Терроризм на... самоокупаемости // Военно-промышленный курьер. 2007. № 10 (176). С. 2.

Кроме того, в новом тысячелетии только в США произошел ряд случаев, в которых фигурировали особо опасные патогены⁵.

По мнению ряда исследователей, на сегодняшний день не существует таких препятствий, которые бы могли помешать хорошо финансируемой экстремистской группировке в лабораторных условиях с использованием генной инженерии подготовить биологические агенты для проведения террористического акта, поскольку постоянно развивающиеся биотехнологии делают возможным создание искусственных генетических конструкций, вызывающих не только заболевание, но и гибель живых существ. Ряд исследователей также полагают, что в ближайшем будущем атаки биотеррористов, использующих вирусное оружие под видом экологических катастроф, вполне возможны⁶. Безусловно, последствия, которые возникнут от использования биологического оружия, будут намного серьезнее, чем от применения химического или ядерного оружия⁷.

В нашей стране и за рубежом все чаще появляются научные исследования по проблемам биологических угроз и биотерроризма. Во многом реальная опасность биологического террора обусловлена ростом числа специалистов в сфере биотехнологий⁸.

Российские военные эксперты уверены в том, что эффект использования различных средств и методов воздействия, таких как идеологические, экономические, информационные и др., в отдельных случаях сопоставим с последствиями традиционных методов войны, а также может их превосходить⁹.

Основными целями и задачами биотерроризма являются политическое и экономическое вли-

⁵ Суранова Т.Г. Состояние нормативной правовой базы по классификации биологических угроз // Медицина катастроф. 2016. № 3 (95). С. 45.

⁶ Неробеев В.Д. Реальная опасность биотерроризма в международном аспекте при проведении научных исследований двойного назначения // Новости медицины и фармации. 2014. № 15 (509). С. 16.

⁷ Биобезопасность: стратегические аспекты: доклад [Международной рабочей группы: пер. с англ.] / Российская акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 15.

⁸ Проблемы противодействия биологическому терроризму на современном этапе / Онищенко Г.Г., Топорков А.В., Липницкий А.В., Викторов Д.В. // Инфекционные болезни. Новости. Мнения. Обучение. 2016. № 1 (14). С. 30.

⁹ Микрюков В.Ю. Новое лицо войны. Наука о вооруженном противоборстве требует корректировки // Независимое военное обозрение. 2017. № 2 (933). С. 2.

яние, инструментами данной разновидности терроризма служат биологические агенты — возбудители опасных заболеваний. По сути, изменяются лишь формы и масштабы, а сущность терроризма не меняется¹⁰. При этом эксперты полагают, что такое оружие может быть использовано не только для проведения крупномасштабных террористических актов, но и индивидуально членами террористических организаций или криминальных структур¹¹.

Считаем, что биотерроризм можно определить как применение различных биологических агентов либо биологических компонентов, используемых при производстве биологического оружия, для причинения ущерба жизни, здоровью граждан и общественной безопасности в политических или идеологических целях.

Как явление особого значения, биотерроризм выступает в качестве специфического, преднамеренного действия, направленного на активное распространение биологических поражающих агентов в целях причинения вреда всей биологической системе. В результате возникает опасность, связанная с нарушениями стабильного положения общества. В этой связи, по мнению многих отечественных правоведов, проявления биологического терроризма должны квалифицироваться в виде угрозы совершения рассматриваемых деяний, в том числе как соучастие в указанных действиях в качестве организатора, соисполнителя, подстрекателя или пособника¹².

Объектом преступления биологического терроризма являются не только общественная безопасность, жизнь и здоровье граждан, но также и нормальное функционирование органов государственной власти и управления. Поскольку атаки биотеррористов могут иметь глобальные последствия для мирового сообщества, в качестве его объекта может выступать международная безопасность, а также безопасность различных стран, основные права и свободы их граждан.

В качестве предмета биологического терроризма выступают люди, животные, флора и фауна. Субъектами биотерроризма могут быть фи-

зические лица, группы лиц либо террористические группы и организации.

В соответствии с высокой опасностью последствий актов биотерроризма, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года определяет, что обеспечению национальных интересов нашей страны будут мешать угрозы распространения оружия массового уничтожения и возможное его попадание к террористам. Среди основных источников угроз национальной безопасности названа деятельность террористических организаций, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти, уничтожение военных и промышленных объектов, предприятий и учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность общества, устрашение населения, в том числе путем применения ядерного и химического оружия либо опасных радиоактивных, химических и биологических веществ. Наличие указанного положения свидетельствует о важности исследования аспектов биотерроризма, различных его проявлений, а также противодействия рассматриваемой угрозе.

Сегодня объемы информационных материалов, поступающих потребителю из сети Интернет, огромны. Зачастую в недостаточной мере контролируемая информация из Всемирной паутины может иметь подстрекательский характер¹³. Так, например, ни для кого не является секретом, что в сети Интернет находится информация, раскрывающая особенности выделения возбудителей различных болезней из инфицированной крови больных животных. Вполне возможно, что такой информацией могут воспользоваться представители различных террористических организаций для совершения террористических атак. Обозначенные вопросы вызывают крайнее беспокойство в связи со сложностями в обеспечении биологической безопасности государства.

Проблемы первоочередных задач по гарантированию безопасности и выработке результативных и более совершенных способов недопущения актов биологического терроризма необходи-

¹⁰ Кобец П.Н. Противодействие терроризму в авиационной сфере: положительный опыт и проблемы // Российский следователь. 2018. № 9. С. 55.

¹¹ Пальцев М.А. Биологическое оружие — проблема национальной безопасности России // Национальная безопасность. 2002. № 1-2. С. 46—49.

¹² Симонова А.Е. Международно-правовые аспекты борьбы с биотерроризмом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2007. С. 15.

¹³ Кобец П.Н. Противодействие полицейскими силами Нидерландов детской порнографии, распространяемой в сети Интернет: международные стандарты и зарубежный опыт // Полицейская и следственная деятельность. 2017. № 1. С. 72. DOI: 10.7256/2409-7810.2017.1.21673.

мо обсуждать не только в контексте обеспечения национальной безопасности, но и в ходе совершенствования международного сотрудничества, поскольку только на такой основе возможен комплексный подход и решение рассматриваемого вопроса.

Несмотря на относительно хорошо развитую систему мониторинга инфекционных заболеваний в Российской Федерации, авторы полагают, что следует согласиться с мнением различных экспертов относительно необходимости создания единого центра мониторинга инфекционных заболеваний¹⁴.

Ведущие отечественные правоведы отмечают необходимость разработки дополнительного протокола о незаконном использовании и распространении биотехнологий к Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г.¹⁵

Среди основных направлений международного сотрудничества в рассматриваемой области

можно отметить следующие: борьба с незаконным распространением биопатогенных агентов, оказание помощи по ликвидации последствий биотеррористических атак и др. И самое главное, создание специализированной международной организации, которая занималась бы проблемами, связанными с распространением биологического оружия, контролем по исполнению положений Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, вступившей в силу в марте 1975 года¹⁶.

Неоднократно указывалось на отсутствие надлежащих мер по эффективному контролю за соблюдением положений данной конвенции. Существуют многочисленные журналистские расследования, подтверждающие, что незаконная деятельность по исследованию и созданию биологического оружия рядом организаций продолжается.

¹⁴ Ткаченко Н.Н., Ищенко Д.П. К вопросу о понятии и мерах по борьбе с биологическим терроризмом // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4 (91). С. 85.

¹⁵ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 09.12.2020).

¹⁶ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении: одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1971 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 09.12.2020).

УДК 343.85
ББК 67.515

Некруз Абдунабиевич КУДРАТОВ,
заведующий кафедрой экономического права
Таджикского государственного университета коммерции (ТГУК),
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: nek-kudratov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. В статье рассмотрена роль образования в системе предупреждения экстремизма. Эффективная реализация образовательной политики является гарантией того, что образовательные организации не станут питательной средой для насильственного экстремизма. Предупреждение экстремизма с помощью образования — это относительно новая в мире концепция, и необходимо опробовать ее в национальных программах и стратегиях.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, предупреждение, ненависть, угроза, национальная безопасность.

Nekruz Abdunabievich KUDRATOV,
Head of the Department of Economic Law
of the Tajik State University of Commerce,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: nek-kudratov@mail.ru

THE ROLE OF EDUCATION IN THE PREVENTION OF EXTREMISM

Abstract. The article considers the role of education in the system of prevention of extremism. Effective implementation of educational policies ensures that educational institutions will not become a breeding ground for violent extremism. Prevention of extremism through education is a relatively new concept in the world, and it is necessary to test it in national programs and strategies.

Keywords: extremism, terrorism, prevention, hatred, threat, national security.

*Идеологии не побеждены оружием,
они побеждены лучшими идеями*

Барак Обама

Предупреждение экстремизма и противодействие ему определенных слоев общества является первоочередной задачей Республики Таджикистан (далее — РТ) в связи с угрозами, которые насильственный экстремизм, радикализм и терроризм представляют для основ конституционного строя и безопасности государства. Экстремизм является одной из главных угроз национальной безопасности РТ.

Образование всегда предлагало мощные средства для увековечения национальных гегемоний и программ и обеспечения граждан желаемым социальным, культурным и символическим капиталом¹. Ценности, которые государственное

¹ Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory of Research for the Sociology of Education / ed. by J. Richardson. Westport: Greenwood Press, 1986. P. 241—258.

образование использует для продвижения, формируют и воспроизводят понимание социального сообщества и роли человека в этом сообществе. Поэтому, чтобы обсудить и установить роль образования в предупреждении экстремизма, необходимо понять фундаментальные элементы национального образования в стране.

Образование не может помешать человеку совершить насильственный акт во имя насильственной экстремистской идеологии, но предоставление соответствующего качественного образования может создать условия, которые затрудняют распространение насильственной экстремистской идеологии. Точнее говоря, образовательная политика может гарантировать, что образовательные организации не станут питательной средой для насильственного экстремизма. Она также может обеспечить ситуацию, при которой содержание образования и подходы к обучению будут способствовать повышению устойчивости учащихся к насильственному экстремизму. Следовательно, роль образования заключается не в том, чтобы перехватывать насильственных экстремистов или выявлять лиц, которые могут стать насильственными экстремистами, а в том, чтобы создавать условия, защищающие учащихся от насильственного экстремизма и укрепляющие их приверженность ненасилию и миру².

Преступления экстремистского характера среди преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства занимают особое место. В последние годы преступления, предусмотренные статьями 307¹, 307², 307³, 307⁴ Уголовного кодекса РТ (далее — УК РТ), и по количественным, и по качественным показателям имеют высокий рост. Например, если в 2010 г. по вышеперечисленным статьям было зарегистрировано 10 преступлений, то в 2011 г. — уже 28, в 2012 — 18, в 2013 — 38, в 2014 — 116, в 2015 — 345, в 2016 — 617, в 2017 — 506, в 2018 — 259 эпизодов³. Конечно, приведенные данные значительно ниже реальных цифр, потому что многие преступления экстремистского характера являются высоколатентными.

В Таджикистане 1,97 млн детей и подростков получают среднее образование и 210 тыс. студентов — высшее профессиональное образование

² Мельшина К.Ю. Международно-правовые средства борьбы с экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 96—97.

³ Кудратов Н.А. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие. Душанбе: Бахманруд, 2020. С. 45.

(2019 г.)⁴, и возможность их привлечения в ряды экстремистских группировок велика. Многочисленные факторы формируют насилие в школах и то, как с ним справляется педагогический персонал: домашняя жизнь учащегося, внешняя среда школы, культурные представления общества о насилии, социально-экономические факторы, гендерная динамика, различия между культурами, обществами и их правовыми системами в определении того, что представляет собой акт насилия⁵. Указанные действия могут быть совершены учителями, учениками и другими людьми, связанными со школой.

Роль образования в предупреждении экстремизма зависит от следующих обстоятельств.

1. Ненавистническая речь, или «язык вражды или ненависти» (*hate speech*), представляет собой самую серьезную угрозу для учащихся и условий обучения. Она должна быть однозначно осуждена и удалена из всех учебных и методических материалов. Ненавистническая речь охватывает все формы выражения, которые распространяют, подстрекают, поощряют или оправдывают расовую ненависть, ксенофобию, антисемитизм или другие формы ненависти, основанные на нетерпимости, включая нетерпимость, выраженную агрессивным национализмом и этноцентризмом, дискриминацию и враждебность по отношению к меньшинствам, мигрантам и людям иммигрантского происхождения⁶.

Антониу Гутерриш, Генеральный секретарь ООН, пишет, что «как в либеральных демократиях, так и в странах с авторитарными режимами ненависть становится повседневностью в жизни людей, омрачая существование всего человечества». Он считает ненавистническую риторику (речь) «посягательством на идеалы терпимости, инклюзивности и многообразия и на саму суть наших норм и принципов в области прав человека. В широком смысле она подрывает сплоченность общества, расшатывает общие устои и может создать почву для насилия и тем самым перечеркнуть то, что было достигнуто в деле упрочения мира и укрепления стабильности».

⁴ Общеобразовательные учреждения, 1991—2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.tj/ru/database-socio-demographic-sector> (дата обращения: 28.06.2020).

⁵ *Stopping Violence in Schools: A Guide for Teachers / UNESCO. 2009.* URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001841/184162e.pdf> (дата обращения: 14.06.2020).

⁶ Определение, данное Советом Европы. URL: <http://www.nohatespeechmovement.org/hate-speechwatch> (дата обращения: 14.06.2020).

ти, устойчивого развития и защиты человеческого достоинства»⁷.

Объектом для ненависти, агрессии и дискриминации обычно избирается лицо или группа лиц, которые подходят под определение «другой», — другой расы, этнической принадлежности, религии, партии, ориентации, меньшинства и т.д. Корпус «риторики ненависти» большой и размытый, это не обязательно должен быть прямой призыв к насилию или четкое указание на убийство. Часто высказывания имеют косвенный характер, где за ироничной формой целенаправленно формируется стереотипный образ другого, а на тщательно подготовленном негативном фоне создается уже свой собственный пример — привлекательный и правильный. Единственное определение, которое всегда четко прослеживается, — это связь: противопоставление «я и другой» или «мы и другие»⁸.

Понятие «язык вражды или ненависти» (ненавистническая речь), по А. Вебер, охватывает, прежде всего, разжигание расовой ненависти, или, иначе говоря, ненависти, направленной против лиц или групп лиц по мотивам их расовой принадлежности; разжигание ненависти по религиозным соображениям, к которому может быть приравнено разжигание вражды на основании различий между верующими и неверующими; разжигание других видов ненависти, вызванных нетерпимостью, которые проявляются в форме агрессивного национализма и этноцентризма⁹. Эти четыре случая (по признакам религии, расы, национальности, этнической принадлежности) не исчерпывают форм ненависти и нетерпимости, но представляют мотивы, встречающиеся чаще всего.

«Учителя и разработчики учебных программ должны быть осведомлены о возможном влиянии упущений и/или вводящих в заблуждение примеров на восприятие учащимися других (в пределах своего общества и за их пределами) и должны иметь соответствующие руководящие ука-

зания для содействия пониманию и уважению разнообразия. Это может произойти благодаря сотрудничеству с культурными учреждениями, такими как музеи и культурные центры, которые предоставляют альтернативные возможности для молодежи, чтобы узнать о своей и других культурах. Такое сотрудничество способно также помочь распознать и понять различные интерпретации исторических событий, особенно когда они являются причиной глубоких споров и обид между группами и общинами»¹⁰.

Министерство образования и науки РФ в сотрудничестве с экспертами из других министерств, ведомств и специалистами (Государственного комитета национальной безопасности, Генеральной прокуратуры, Министерства культуры, видными деятелями науки), отвечающими за культурные, молодежные и социальные вопросы, должно изучать существующие и новые учебники, учебные программы, учебные пособия, монографии в свете национальной политики по недопущению идеологии экстремистской направленности. Бесспорно, в некоторых учебных материалах встречается выражение идеологии, которое направлено на решение политических, общественных, социальных, национальных, расовых, региональных и религиозных вопросов насильственным путем, путем противоправных действий. Исходя из этого, проведение реформы или пересмотр учебных материалов могут стать идеальной возможностью для устранения вредных представлений и продвижения ценностей, которые способствуют чувству принадлежности к общему человеческому наследию. Кроме того, установление минимальных академических и других государственных стандартов в сфере образования, а также мониторинг и обеспечение их применения тоже могут быть эффективны.

Ненавистническая речь также непосредственно связана с преподавателями. Здесь важную роль играют общекультурные компетенции педагогов как способных работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия, с соблюдением этических и эстетических норм поведения и способных осмыслить социально-политические процессы для формирования политической культуры, развить навыки самостоятельной оценки информации политического характера.

⁷ Гутерриш А. Ненавистническая риторика как стихийный пожар. URL: <https://www.un.org/sg/ru/content/sg/articles/2019-06-18/the-wildfire-of-hate-speech> (дата обращения: 14.06.2020).

⁸ Рускевич К. Риторика ненависти // ЛІВА: інтернет-журнал. URL: <http://liva.com.ua/ritorika-nenavisti.html> (дата обращения: 14.06.2020).

⁹ Veber A. Textbook on Hate speech. Kyiv, 2010. С. 8—9. См. также: Рекомендация № 97(20) Комитета министров Совета Европы «О вопросах разжигания ненависти»: принята 30 октября 1997 г.

¹⁰ Preventing violent extremism through education: A guide for policy-makers. Paris: UNESCO, 2017. P. 30.

К сожалению, следует признать, что учителя могут быть зачинщиками насильственного экстремизма, распространяя сообщения о ненависти и нетерпимости, которые негативно влияют на учащихся и образовательный климат. Например, в 2019 г. в Таджикистане задержано 113 членов террористической и экстремистской организации «Ихвон-ул-муслимин» («Братья-мусульмане»), среди которых 20 членов — профессора, доценты, преподаватели различных вузов и средних школ, трое из них — преподаватели Исламского университета Таджикистана. Указанные люди, бесспорно, реализовывали идеологию (ненавистническую речь) экстремистской организации «Ихвон-ул-муслимин» в процессе обучения. Их ненависть направлена против законного правительства, против руководства страны, нацелена на изменение основ конституционного строя, неприятие других мазхабов и т.д. Создание исламского государства, являющееся их главной целью, оценивается как свержение власти насильственным путем и подпадает под действие ст. 306 УК РТ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», ст. 307 «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РТ» и ст. 307¹ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма».

Ненавистническая речь представляет опасность для национальной безопасности, и поэтому борьба с ней должна быть делом каждого. Противодействие ненавистнической риторике не означает ограничения или запрета свободы слова.

2. Выявление и решение личных проблем учащихся как метод предупреждения и противодействия экстремизму и радикализации. Здесь важную роль играет состав педагогических работников образовательного учреждения, особенно кураторы, деканат и, естественно, непосредственно сами педагоги. Педагогический персонал должен уделять необходимое внимание личным проблемам учащихся, поскольку они пытаются решить вопросы благосостояния, самобытности и смысла и испытывают искушение обратиться к харизматичным лидерам за ответами. Это подразумевает мотивацию, поддержку и оснащение учителей соответствующими навыками и инструментами для понимания их собственных предубеждений и впоследствии выступления защиты против насильственных экстремистских высказываний на уровне отдельных учащихся¹¹.

ремистских высказываний на уровне отдельных учащихся¹¹.

Например, молодые мужчины, которые преобладают среди радикализированных людей, в основном имеют низкий и средний уровень дохода. Как правило, у них среднее образование, но есть и студенты университетов, люди с высшим или незаконченным высшим образованием. Один студент из престижного университета в г. Душанбе отправился со своим другом в Сирию, но был перемещен в Йемен, где и был убит. Три студента из г. Вахдата, которые учились в Душанбе, отправились в Турцию, где один был задержан и возвращен в Таджикистан, а двое других смогли добраться до Сирии. В Турции были задержаны еще два студента из Вахдата, один из которых был титулованным спортсменом¹².

В некоторых странах, например во Франции, образовательные стратегии, направленные на противодействие насильственному экстремизму, стали обязывать педагогов контролировать своих учеников на предмет возможных признаков радикализации. И эти стратегии, основанные на профилировании или мониторинге учеников, подверглись резкой критике за то, что они позволяют делать поспешные и ложные выводы о нахождении обучающихся «в опасности». На практике эти программы привели к чрезмерной реакции, особенно в отношении существования радикального ислама в школах (например, в Великобритании)¹³.

Устойчивость к насильственному экстремизму включает в себя сопротивление упрощенным, одномерным истинам, и сообщениям, которые потворствуют ненависти или даже возбуждают ее, и использованию насилия в качестве средства для решения проблем. Исследования показывают, что определенные когнитивные, социальные и эмоциональные навыки могут помочь учащимся сопротивляться таким узким перспективам¹⁴. Способность критически мыслить и понимать, что существует множество точек зрения, является

¹¹ Preventing violent extremism through education. P. 32.

¹² Матвеева А., Файзуллаев Б. Женщины и насильственный экстремизм в Таджикистане. Алматы, 2017. С. 6.

¹³ Arthur J. Extremism and Neo-Liberal Education Policy: A Contextual Critique of the Trojan Horse Affair in Birmingham Schools // British Journal of Educational Studies. 2015. Vol. 63, No. 3. P. 311—328.

¹⁴ Békés V., Suedfeld P. Integrative Complexity // Encyclopedia of Personality and Individual Differences / editors: V. Zeigler-Hill, T. Shackelford. Cham: Springer. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8_1942-1 (дата обращения: 17.09.2020).

ся одним из таких навыков. Это позволяет студентам видеть вещи более чем с одной точки зрения и искать доказательства мнений, навязываемых другими¹⁵.

В пункте 60 Национальной стратегии по противодействию экстремизму данное обстоятельство задекларировано в следующем виде: «Молодое поколение, не испытавшее на себе ужасы, крайние тяготы и лишения гражданской войны 90-х годов, попадая под усиленное воздействие радикальных элементов, может принять насилие как способ самовыражения, о чем свидетельствует тенденция повышения уровня вовлеченности молодежи в экстремистские и террористические организации»¹⁶.

Пути, ведущие к насильственному поведению, можно отделить от других форм обездоленности. Радикализм — это процесс, который инициируется внешними влияниями и касается главным образом «уязвимых» учеников. Хотя учителя действительно замечают различные признаки радикализма у подростков, они не всегда понимают, как поведение или различные проблемы могут быть связаны с ними, и делают учеников уязвимыми для радикализма.

«...Учителя играют центральную роль в предотвращении насильственного экстремизма — не как агенты наблюдения, а как педагоги. В непосредственном контакте с молодыми людьми они могут быть образцами для подражания, агентами перемен и посредниками, способствуя диалогу и моделируя взаимное уважение. Они также могут быть первыми, кто выявит признаки радикализма, ведущие к насилию, и смягчит их путем изучения спорных вопросов»¹⁷.

Использование педагогического потенциала сферы образования в профилактике радикальной идеологии и воспитания культуры толерантности у несовершеннолетних и молодежи требует и дополнительных мер, таких как экономические, социальные, политические и т.д.

3. Обучение взаимодействию со СМИ и информационная грамотность учащихся как метод предупреждения экстремизма и радикализма необходимы для эффективного противостояния насильственным экстремистским сообщениям, когда все чаще используются сложные механиз-

мы убеждения как в режиме онлайн, так и посредством личного наставничества один на один.

Несмотря на то, что Интернет свободно используется для разработки, передачи, получения и хранения информации экстремистского характера, органы государственной власти не всегда имеют правовые возможности для препятствования экстремистской деятельности в виртуальной среде, а также для своевременного предотвращения использования Интернета для планирования и реализации экстремистских проявлений в реальной жизни. Прежде всего это обусловлено тем, что Интернет является экстерриториальным образованием.

Социальные сети (как и их отсутствие) играют решающую роль в качестве факторов, которые привлекают людей к поддержке насильственных экстремистских идеологий и присоединению к этим движениям. Как отметили J. Droogan, L. Waldek и R. Blackhall¹⁸, социальные сети играют центральную роль в том, как террористические организации в настоящее время осуществляют свою деятельность — от вербовки до коммуникации как внутри своей сети, так и в отношении способов распространения террора среди населения.

Образовательные учреждения не способны остановить массовые коммуникативные усилия, направленные на учащихся, исходящие от лидеров харизматичного воинствующего экстремизма, но они могут помочь учащимся ответственно взаимодействовать со СМИ и информационными системами, а также развить аналитические навыки, позволяющие критически оценивать СМИ и информацию, поступающую из различных источников.

4. Одним из основных условий, определяющих попадание молодежи в сети радикальных организаций, является неправильное понимание молодыми людьми истинных канонов ислама, особенно гуманистических идей ханафитского мазхаба, увлечение идеологией чуждых для народа Таджикистана религиозных течений. В поисках религиозных знаний молодые люди обращаются к подпольно действующим, сомнительным личностям, Интернету и другим информа-

¹⁵ Preventing violent extremism through education. P. 32—33.

¹⁶ Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016—2020 годы. Душанбе, 2016. С. 10.

¹⁷ Preventing violent extremism through education. P. 50.

¹⁸ Droogan J., Waldek L., Blackhall R. Innovation and terror: an analysis of the use of social media by terror-related groups in the Asia Pacific // Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism. 2018. Vol. 13, No. 2. P. 170—184.

ционными ресурсам, где становятся добычей радикальных элементов¹⁹.

Каждый обучающийся имеет право развиваться в полной мере как человек и член общества. Признание роли религии как части идентичности является необходимым. Знание своих и других религий рассматривается в качестве важного элемента в построении идентичности и играет ключевую роль в понимании социального разнообразия и диалога между религиями и мировоззрениями, а также их роли в истории человечества.

О необходимости повышения роли системы образования в обучении основам религии указано в Национальной стратегии по противодействию экстремизму: молодежь должна уметь от-

личить истинный ислам от исламского радикализма²⁰. Но изучение основ религии для разграничения истинного ислама от исламского радикализма является недостаточным. Религиозное образование, т.е. изучение ислама в контексте предметов «Исламоведение» в средних школах и «Правовое обеспечение национальной безопасности» в университетах, должно быть обязательным в Таджикистане.

При разработке учебных программ по предметам «Исламоведение» и «Правовое обеспечение национальной безопасности» особое внимание следует обращать на вопросы противодействия экстремизму и радикализму и их предупреждения.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Нотариат. 6-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Гриф УМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки / Под ред. Г.Б. Мирзоева, Н.Д. Эриашвили, Н.М. Илюшиной.

ISBN: 978-5-238-02629-9

Представлена история становления и организация нотариатов в Российской Федерации; дана характеристика норм права, регулирующих общественные отношения, возникающие при удостоверении нотариусами бесспорных прав и фактов; рассмотрены вопросы свидетельствования документов, выписок из них, оформления наследственных прав, придания документам исполнительной силы и выполнения других предусмотренных законом действий в целях обеспечения защиты прав и интересов граждан и юридических лиц.

Учтены последние изменения в законодательстве о нотариате и проанализированы новые нормативные акты, относящиеся к нотариальной деятельности.

Для студентов и аспирантов юридических вузов, а также руководителей хозяйствующих субъектов.

¹⁹ Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016—2020 годы. С. 10.

²⁰ Там же.

УДК 343.357
ББК 67.408.122

Валерий Александрович ПЕРОВ,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации
E-mail: geck.on@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аннотация. В статье исследуются особенности квалификации действий лиц, совершающих преступления, предусмотренные статьей 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации; особенности юридической конструкции данной нормы и ее практического применения.

Ключевые слова: состав преступления; квалификация деяния; контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; уголовно-правовая норма; диспозиция.

Valery A. PEROV,
Professor of the Department of Criminal Law
and Criminology of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
E-mail: geck.on@yandex.ru

FEATURES OF QUALIFICATION OF ACTIONS OF PERSONS WHO CARRY OUT ABUSES IN THE SPHERE OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES FOR STATE OR MUNICIPAL NEEDS

Abstract. The article examines the features of qualification of actions of persons who commit crimes under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the features of the legal structure of this norm and its practical application.

Keywords: corpus delicti; qualification of the act; contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs; criminal law; disposition.

Созданная в Российской Федерации система обеспечения государственных и муниципальных нужд является важным институтом, призванным обеспечить нормальное функционирование государственных (муниципальных) органов.

При этом необходимо отметить, что осуществление противодействия незаконному поведению некоторых представителей заказчика или иных участников закупки не только является за-

логом соблюдения законности в указанной сфере, но и напрямую влияет на эффективность осуществления закупок. Снижение эффективности закупок, в свою очередь, напрямую влияет на качественные показатели государственных, муниципальных органов и организаций.

Некоторые недобросовестные представители государственных (муниципальных) заказчиков в силу определенного ряда причин, как правило личного характера, могут использовать различ-

ные способы ограничения конкуренции, а также допускают иные нарушения действующего в данной сфере законодательства, что, в свою очередь, нередко приводит к материальному ущербу как для заказчика, так и для иных участников закупки. Мотивом здесь обычно выступает определенная личная, в том числе корыстная, заинтересованность.

Указанная проблема настолько серьезна, что в Уголовный кодекс Российской Федерации законодателем была введена в виде специальной нормы статья 200.4 («Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»).

Вводя в уголовный закон указанную специальную норму, законодатель использует меры уголовно-правового регулирования отношений в данной сфере. Данные меры призваны способствовать упорядочению правоприменительной практики, соблюдению принципов открытости, прозрачности контрактной системы в сфере закупок, недопущению ограничения конкуренции и профессионализма заказчика. Вместе с тем правовая конструкция уголовно-правовой нормы оставляет много вопросов по ее практическому применению.

Итак, диспозиция данной статьи является бланкетной. Для определения элементов состава преступления она отсылает к другим отраслям права, в данном случае к Федеральному закону от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — ФЗ № 44). При этом диспозиция фактически не дает определения конкретного деяния, за которое наступает уголовная ответственность, а предусматривает в качестве такого любое нарушение данного закона, которое совершено умышленно и повлекло определенные последствия в виде крупного ущерба.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления — прямой умысел.

Диспозиция статьи предусматривает наличие специального субъекта, то есть физического лица, которое помимо общих признаков субъекта преступления обладает дополнительными признаками, определенными в данном случае ФЗ № 44.

Таким специальным субъектом рассматриваемой нормы является работник контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии по осуществлению закупок, лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, вы-

полненных работ или оказанных услуг, то есть физическое лицо, наделенное определенными полномочиями, предусмотренными статьей 38 ФЗ № 44. Также субъектом данного преступления является физическое лицо, соответствующим образом уполномоченное заказчиком на осуществление указанных действий, предусмотренных статьей 94 ФЗ № 44, по приемке поставленного заказчику товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, а также отдельных этапов поставки товара, выполнения работы, оказания услуги, предусмотренных условиями заключенного государственного (муниципального) контракта. Таковыми лицами, как правило, являются сотрудники организации-заказчика, уполномоченные ее руководителем на совершение указанных действий, но могут выступать и иные привлеченные заказчиком на договорных условиях лица, имеющие соответствующим образом оформленные полномочия.

При этом диспозиция комментируемой статьи предусматривает, что такое лицо не должно являться должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Данное обстоятельство является существенным при квалификации совершенного деяния и разграничении его по субъекту с другими смежными составами преступления, например главой 30 («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»), где специальным субъектом являются должностные лица, а также статьей 201 («Злоупотребление полномочиями») Уголовного кодекса Российской Федерации, где специальным субъектом является лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Объект преступления — общественные отношения в сфере экономической деятельности, регулируемые законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Объективная сторона — действие либо бездействие, нарушающие законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

То есть специальный субъект совершает действие, которое нарушает действующее в указанной сфере законодательство, что причиняет крупный ущерб.

Под бездействием, нарушающим законодательство Российской Федерации, в этом случае следует понимать умышленное воздержание субъекта данного преступления от действий, обязанность по совершению которых возложена на него требованиями действующего законодательства в данной сфере. Например, умышленное воздержание от действий по размещению в единой информационной системе и на электронной площадке в сроки, установленные ФЗ № 44, проекта контракта, извещения, уведомления при условии наступления общественно опасных последствий в виде крупного ущерба.

Кроме того, диспозиция комментируемой статьи в ныне действующей редакции предусматривает не совершение определенных действий в указанной сфере, а любые действия (бездействие), нарушающие действующее в данной сфере законодательство. При этом диспозиция не указывает на однозначность понимания под законодательством в данном случае ФЗ № 44.

Вследствие этого под понятием «законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» следует понимать всю совокупность (комплекс) законодательных актов, регламентирующих отношения в указанной сфере. Именно об этом говорится в статье 2 ФЗ № 44, предусматривающей, что законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, помимо вышеуказанного закона, основывается на требованиях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Также необходимо отметить, что диспозиция статьи однозначно не указывает, кому конкретно такой ущерб должен быть причинен: организации-заказчику, любому иному участнику закупки либо неопределенному кругу лиц.

Таким образом, для наличия объективной стороны должны быть либо совершены действия, запрещенные законодательством, регулирующим отношения в указанной сфере, либо лицо должно умышленно воздерживаться от совершения действий, которые могло и должно было совершить, исходя из требований действующего законодательства.

Но проблема заключается в том, что однозначно определить в каждом конкретном случае, является ли определенное деяние нарушением закона, иногда является крайне затруднительным.

Так, например, объединение в одну закупку тех или иных товаров, работ, услуг — проблема неоднозначная и, к сожалению, четко не регламентированная действующим законодательством. По общему правилу, можно объединять в одну закупку только технологически и функционально связанные между собой товары, работы или услуги и при соблюдении условия недопущения ограничения конкуренции. Если при этом как минимум два потенциальных поставщика, подрядчика или исполнителя могут исполнить соответствующий заказ, то такое объединение может считаться обоснованным и законным, а может и не считаться таковым.

При этом практика той же Федеральной антимонопольной службы по рассмотрению соответствующих жалоб участников закупок крайне неоднозначна.

Таким образом, одно и то же деяние исходя из мнения каждого конкретного правоприменителя может образовывать или не образовывать состава преступления, предусмотренного вышеуказанной нормой.

Фактически можно говорить о некоем расширительном понимании данной уголовно-правовой нормы, предполагающей, что любое умышленное действие (бездействие), совершенное вопреки требованиям законодательства, которое регулирует отношения в указанной сфере, и причинившее крупный ущерб любому потенциально возможному участнику закупки, даже в виде упущенной выгоды, может образовывать состав преступления, предусмотренного данной статьей. Между тем любое расширительное толкование уголовного закона является недопустимым, так как противоречит части 3 статьи 49 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого, а также в силу принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе). Фактически же при такой конструкции уголовно-правовой нормы можно вести речь о том, что любое умышленно совершенное специальным субъектом деяние, нарушающее даже вследствие его неправильного истолкования действующее в Российской Федерации законо-

дательство о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и причинившее крупный ущерб в виде упущенной выгоды фактически для неопределенного круга лиц потенциально возможных участников закупки, образует состав преступления.

Является ли такой правоприменительный подход к использованию указанной уголовно-правовой нормы допустимым? Исходя из вышеизложенного, не является. При квалификации действий специального субъекта, предусмотренного данной статьей, необходимо анализировать, предвидело ли данное лицо реальную возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения крупного ущерба и желало ли наступления таких последствий. Таким образом, исходя из принципа буквального толкования закона в виде конкретной уголовно-правовой нормы, необходимо вести речь о наступлении общественно опасных последствий в виде крупного ущерба только у непосредственных участников закупки.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с

изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021).

3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

5. *Вениаминов А.Г.* Некоторые вопросы расследования преступлений, совершаемых в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // *Российский следователь*. 2020. № 7. С. 9–13.

6. *Кожухарик Д.Н., Савин П.Т.* Понятие и признаки преступности «белых воротничков» // *Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2018. № 2. С. 59–62.

УДК 343.97
ББК 67.511

Армен Жораевич САРКИСЯН,
руководитель редакционно-издательского отдела
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс
и криминалистика» Российского университета транспорта (МИИТ),
кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции
E-mail: 7700153@gmail.com

Георгий Феофилактович КОИМШИДИ,
ведущий научный сотрудник Всероссийского
научно-исследовательского института МВД России,
кандидат технических наук, доцент
E-mail: koim@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БОРЬБЫ С НЕЙ В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье раскрывается общая динамика коэффициента преступности в сфере высоких технологий. Приведена статистика уровня преступности по субъектам страны. Освещена деятельность Следственного комитета Российской Федерации по расследованию данного типа преступлений.

Ключевые слова: преступления, преступность в сфере высоких технологий, преступления в сфере компьютерной информации, компьютерные преступления, динамика, статистика, коэффициент преступности.

Armen Zhoraevich SARKISYAN,
Head of the Editorial and Publishing Department of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Associate Professor of the Criminal Law, Criminal Procedure
and Criminalistics Department of the Russian University of Transport (MIIT),
Candidate of Law, Associate Professor, Major of Justice
E-mail: 7700153@gmail.com

Georgy Feofilaktovich KOIMSHIDI,
Leading Researcher of the All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
E-mail: koim@mail.ru

STATE OF CRIME IN THE SPHERE OF HIGH TECHNOLOGIES AND MODERN TRENDS OF COMBATING IT IN THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article describes the overall dynamics of the crime rate in the sphere of high technologies. The article presents statistics on the level of crime for the subjects of the country. The authors highlight the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation to investigate this type of crime.

Keywords: crimes, crime in the sphere of high technologies, crimes in the sphere of computer information, computer crimes, dynamics, statistics, crime rate.

В юридической литературе, среди ученых и практиков последние несколько лет очень активно ведутся дискуссии по теме компьютерных преступлений. Термин «компьютерные преступления» мы взяли в кавычки: до сих пор вопросы терминологии в данной сфере законодательно нигде не закреплены.

Следует отметить, что речь идет именно о преступлениях, связанных напрямую или косвенно с применением высоких технологий, а не только о главе 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации».

При этом мы не будем заикливаться на данном вопросе и рассмотрим тенденцию борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий в Следственном комитете Российской Федерации. За основу возьмём приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 января 2020 года № 30 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС „Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений“» (с изменениями на 25 января 2021 г.), а именно раздел 9 «Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выявленных и предварительно расследованных субъектами регистрации».

В данный раздел включена 41 норма Уголовного кодекса РФ. На основании п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ почти половина из этих норм относится к подследственности Следственного комитета Российской Федерации.

В 2020 г. в Российской Федерации сотрудниками Следственного комитета было расследовано 11 493 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ) или в сфере компьютерной информации (далее — КИ), что на 30,4 %, или на 2681 преступление, больше, чем в 2019 г. (8812).

Каждое третье (34,4 %) такое преступление совершается в двенадцати субъектах Российской Федерации. В Москве — 404 преступления (3,5 %); в Самарской области — 401 (3,5 %); в Кемеровской области — 387 (3,4 %); в Нижегородской области — 384 (3,3 %); в Челябинской области — 364 (3,2 %); в Республике Башкортостан — 353 (3,1 %); в Свердловской области — 332 (2,9 %); в Республике Удмуртия — 330 (2,9 %); в Красноярском крае — 302 (2,6 %); в Республике Татарстан — 252 (2,2 %); в Краснодарском крае — 242 (2,1 %) и в Пермском крае — 204 (1,8 %).

В СК РФ расследуют всего 12,1 % от всех таких преступлений (в МВД 86,6 %). Однако следует отметить, что индекс тяжести (среднее максимально возможное наказание за преступление, лет) исследуемых преступлений (табл. 1), расследованных сотрудниками СК в течение последних трех лет, наибольший. Исключение — 2020 год, когда индекс тяжести расследованных сотрудниками ФСБ исследуемых преступлений был 10,5 лет (сотрудники ФСБ расследуют в 11 раз меньше преступлений, чем сотрудники СК).

Таблица 1

Динамика индекса тяжести преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ, расследованных разными правоохранительными органами

	Расследовано всего	Расследовано СК РФ	Расследовано ОВД России	Расследовано ФСБ России
2020	9,4	9,8	9,4	10,5
2019	9,2	9,6	9,2	8,9
2018	8,6	8,8	8,6	8,1

Следует отметить, что сотрудники СК выявляют более тяжкие преступления (табл. 2).

Таблица 2

Динамика индекса тяжести преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ, выявленных разными правоохранительными органами

	Зарегистрировано всего	Зарегистрировано СК РФ	Зарегистрировано ОВД России	Зарегистрировано ФСБ России	Зарегистрировано ГП РФ	Зарегистрировано ФСИН России
2020	8,2	10,2	8,2	10,1	7,5	7,5
2019	7,9	9,9	7,9	9,1	6,5	8,7
2018	7,3	10,0	7,2	8,5	6,3	7,3

Индекс тяжести исследуемых преступлений (табл. 1), выявленных сотрудниками СК в течение последних трех лет, наибольший: в 2020 г. максимально возможное наказание за расследованное сотрудниками СК преступление — 10,2 года, сотрудниками ФСБ — на 0,1 года меньше (10,1 года), а сотрудниками ОВД — на два года меньше (8,2 года).

Почти два из трех (65,2 %) исследуемых преступлений, расследованных сотрудниками СК, — тяжкое или особо тяжкое преступление (рис. 1). В структуре преступлений, выявленных сотрудниками ОВД, удельный вес тяжких и особо тяжких составляет 60,1 %. При этом каждое пятое (20,4 %) исследуемое преступление, расследованное сотрудниками СК, — особо тяжкое; сотрудниками ОВД — 18,8 %.

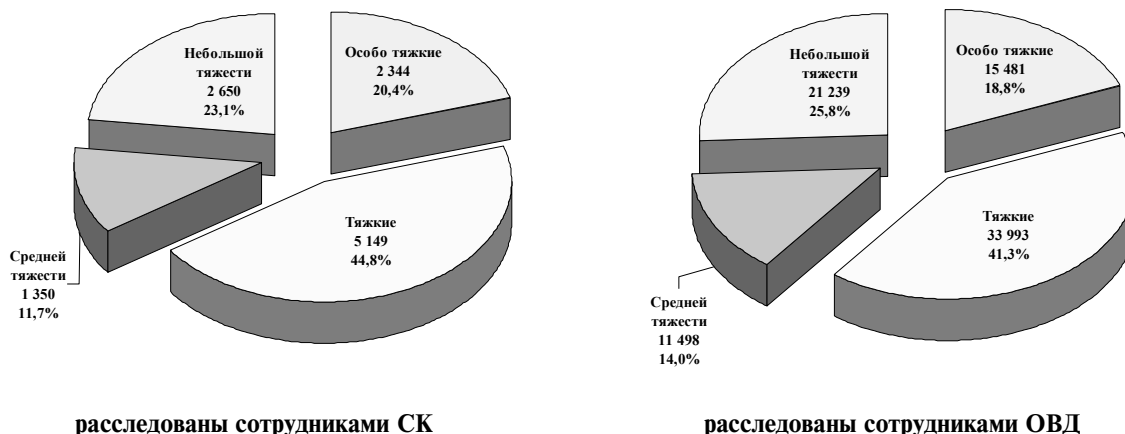

Рис. 1. Структура по степени тяжести преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ. Российская Федерация. 2020 г.

В структуре исследуемых преступлений, расследованных сотрудниками СК, больше всего (более 10 %) преступлений, связанных с неправомерным доступом к информации (82,1 %), с использованием сети Интернет (62,8 %), с использованием компьютеров (28,9 %), с использованием пластиковых карт (23,6 %), краж (18,8 %), преступлений, квалифицируемых по ст. 159.3 и п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (18,4 %), разработка вредоносных программ (17,4 %),

с использованием средств мобильной связи (17,1 %) и незаконное производство наркотиков (10,1 %).

Коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных СК в 2020 г., — 7,83 на 100 тыс. населения. На 1,83 пункта больше, чем в 2019 г. (6,00). Максимальное значение показателя в Псковской области — 29,39; минимальное в Чеченской Республике — 0,95.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения

Соответственно, размах (разброс) значений — 28,44.

Десять процентов населения проживает в регионах с наибольшими значениями показателя:

от 12,61 в Самарской области до 29,39 в Псковской области (табл. 3). Среднее по группе — 16,73.

Таблица 3

Субъекты Российской Федерации, в которых проживает 10 % населения страны и где наибольшие значения коэффициента преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, в 2020 г.

Субъекты Российской Федерации	Коэффициент
Псковская область	29,39
Республика Алтай	25,89
Магаданская область	24,26
Камчатский край	22,04
Республика Удмуртия	21,99
Карачаево-Черкесская Республика	21,70
Республика Мордовия	19,24
Еврейская автономная область	18,95
Архангельская область	17,03
Чувашская Республика	16,18
Курганская область	15,96
Кемеровская область	14,56
Сахалинская область	13,31
Республика Коми	12,92
Республика Хакасия	12,92
Самарская область	12,61
Среднее значение	16,73

Десять процентов населения проживает в регионах с наименьшими значениями показателя:

от 0,95 в Чеченской Республике до 3,19 в Санкт-Петербурге (табл. 4).

Таблица 4

Субъекты Российской Федерации, в которых проживает 10 % населения страны и где наименьшие значения коэффициента преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, в 2020 г.

Субъекты Российской Федерации	Коэффициент
Санкт-Петербург	3,19
Московская область	2,64
Севастополь	2,45
Республика Тыва	1,83
Республика Ингушетия	1,18
Чеченская Республика	0,95
Среднее значение	2,55

Децильный коэффициент (соотношение средних значений исследуемого показателя в этих группах — оценка дифференциации субъектов Российской Федерации по исследуемому показателю) достаточно высок (6,55), но не критичен.

В восьми субъектах Российской Федерации коэффициент преступности значительно отличается от среднего значения по стране. В Псковской области — в 3,8 раза (29,39), в Республике Алтай — в 3,3 раза (25,89), в Магаданской области — в 3,1 раза (24,26), в Кам-

чатском крае — в 2,8 раза (22,04), в Республике Удмуртия — в 2,8 раза (21,99), в Карачаево-Черкесской Республике — в 2,8 раза (21,70), в Республике Мордовия — в 2,5 раза (19,24) и в Еврейской автономной области — в 2,4 раза (18,95) больше. Среднее значение показателя в этих регионах — 22,71. Эти субъекты Российской Федерации по исследуемому показателю нарушают статистическую однородность всех субъектов Российской Федерации. Исследовать преступления, совершенные с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованные сотрудниками СК, в этих регионах следует отдельно.

Остальные 77 субъектов Российской Федерации подразделяются на 5 типологических групп. Средний коэффициент преступности в этой совокупности регионов — 6,75 преступления на 100 тыс. населения, стандартное отклонение — 3,49.

Типология

Группа I (с низким значением коэффициента преступности — меньше среднего значения более чем на два стандартных отклонения) пустая, нет субъектов Российской Федерации

с низким значением коэффициента преступности.

В группу II (со значением коэффициента преступности ниже среднего — меньше среднего более чем на стандартное отклонение) входят семь субъектов Российской Федерации: Чеченская Республика (0,95 преступления на 100 тыс. жителей), Республика Ингушетия (1,18), Республика Тыва (1,83), Севастополь (2,45), Московская область (2,64), Санкт-Петербург (3,19) и Москва (3,19). Среднее значение коэффициента преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, в группе II — 2,86.

В группу III (со средним значением коэффициента преступности — коэффициент преступности в регионе отличается от среднего по всей совокупности исследуемых регионов не более чем на стандартное отклонение) входят 54 субъекта Российской Федерации (табл. 5). От 3,64 преступления на 100 тыс. жителей в Смоленской области до 10,24 — в Республике Бурятия. Среднее значение коэффициента преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, в группе III — 6,31.

Таблица 5

Субъекты Российской Федерации, которые относятся к группе III
(со средним значением коэффициента преступности)

Субъекты Российской Федерации	Коэффициент
Республика Бурятия	10,24
Республика Саха (Якутия)	10,19
Калужская область	10,17
Вологодская область	10,00
Новгородская область	9,39
Забайкальский край	9,25
Амурская область	9,11
Республика Карелия	8,96
Республика Марий Эл	8,83
Тюменская область	8,78
Республика Башкортостан	8,74
Владимирская область	8,69
Томская область	8,52
Астраханская область	8,35
Алтайский край	8,11
Ямало-Ненецкий автономный округ	8,08
Кировская область	8,00

Субъекты Российской Федерации	Коэффициент
Чукотский автономный округ	7,95
Приморский край	7,86
Пермский край	7,85
Курская область	7,79
Пензенская область	7,74
Свердловская область	7,70
Мурманская область	7,69
Тульская область	7,30
Республика Калмыкия	7,01
Волгоградская область	6,82
Ленинградская область	6,66
Республика Крым	6,64
Орловская область	6,54
Республика Татарстан	6,46
Республика Адыгея	6,26
Липецкая область	6,23
Воронежская область	5,81
Белгородская область	5,23
Кабардино-Балкарская Республика	5,18
Хабаровский край	5,17
Иркутская область	4,93
Республика Северная Осетия — Алания	4,74
Тверская область	4,68
Тамбовская область	4,57
Калининградская область	4,54
Ненецкий автономный округ	4,53
Ставропольский край	4,53
Омская область	4,36
Саратовская область	4,34
Рязанская область	4,33
Краснодарский край	4,26
Ярославская область	3,91
Республика Дагестан	3,79
Новосибирская область	3,79
Ростовская область	3,72
Брянская область	3,69
Смоленская область	3,64
Среднее значение	6,31

В группу IV (со значением коэффициента преступности выше среднего — больше среднего значения более чем на стандартное отклонение, но менее чем на два стандартных отклонения) входят 12 субъектов Российской Федерации (табл. 6). От 1,28 преступления на

100 тыс. жителей в Кемеровской области до 1,74 — в Приморском крае. Среднее значение коэффициента преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, в группе IV — 11,43.

Таблица 6

**Субъекты Российской Федерации, которые относятся к группе IV
(со значением коэффициента преступности выше среднего)**

Субъекты Российской Федерации	Коэффициент
Сахалинская область	13,31
Республика Коми	12,92
Республика Хакасия	12,92
Самарская область	12,61
Нижегородская область	11,99
Костромская область	11,68
Ханты-Мансийский автономный округ	11,64
Ивановская область	11,23
Ульяновская область	10,81
Красноярский край	10,54
Челябинская область	10,50
Оренбургская область	10,27
Среднее значение	11,43

В группу V (с высоким значением коэффициента преступности — больше среднего значения более чем на два стандартных отклонения, но менее чем на три стандартных отклонения) входят четыре субъекта Российской Федерации (табл. 7). От 14,56 преступления на

100 тыс. жителей в Кемеровской области до 17,03 в Архангельской области. Среднее значение коэффициента преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, в группе V — 15,56.

Таблица 7

**Субъекты Российской Федерации, которые относятся к группе V
(с высоким значением коэффициента преступности)**

Субъекты Российской Федерации	Коэффициент
Архангельская область	17,03
Чувашская Республика	16,18
Курганская область	15,96
Кемеровская область	14,56
Среднее значение	15,56

Рассмотрим **взаимосвязь** коэффициента преступлений (2020 г), совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, с отдельными социально-экономическими показателями в 2019 г.

Распределение индекса (рост показателя в %) объемов производства в анализируемых типологических группах показано на рис. 2.

Индекс объема промышленного производства.

В тех группах, где коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, выше, там меньше рост объема производства (обратная зависимость). Исключение группа IV (коэффициент преступности выше среднего) — минимальный индекс роста (102,0).

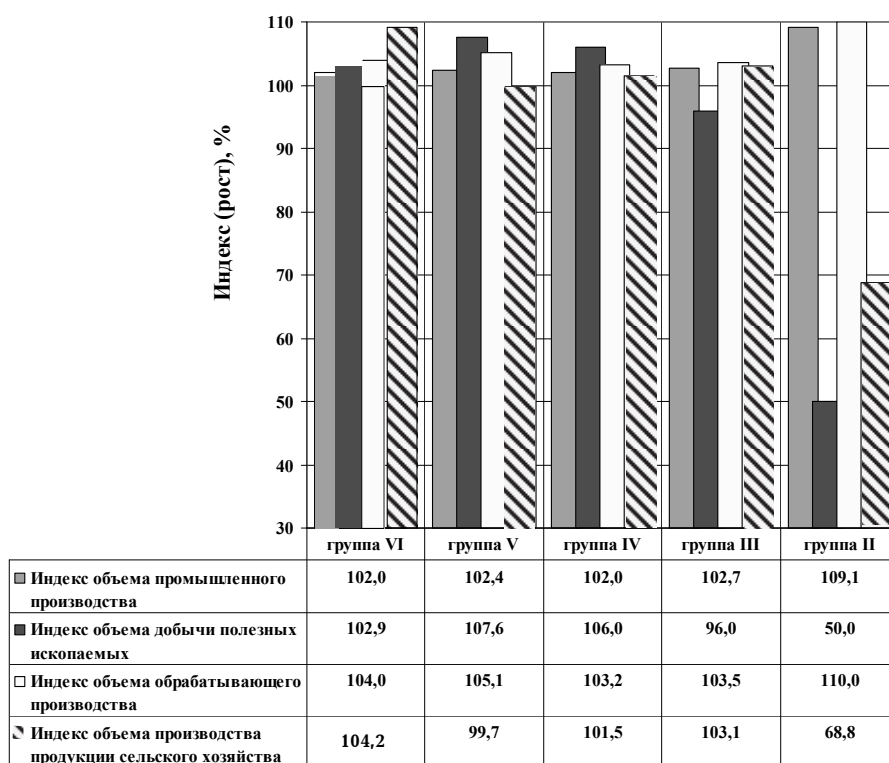

Рис. 2. Распределение индексов объема отдельных видов производства в типологических группах¹ (по значению коэффициента преступности)

Коэффициент парной корреляции между коэффициентом преступности и индексом объема промышленного производства $K = -0,21$. Это соответствует слабой обратной факторной зависимости: в тех субъектах Российской Федерации, где в 2019 г. индекс объема промышленного производства был больше, там в 2020 г. меньше коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК. Индекс объема промышленного производства — *слабый антикриминогенный фактор*.

Рост объема промышленного производства — новые рабочие места, снижение социальной напряженности — слабая, но благоприятная почва для профилактики преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности только

на 21,93 % обусловлено разнообразием рассматриваемого фактора.

Индекс объема добычи полезных ископаемых. В тех группах, где коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, выше, там больше рост объема добычи полезных ископаемых (прямая зависимость).

Коэффициент парной корреляции между коэффициентом преступности и индексом объема добычи полезных ископаемых $K = +0,42$. Это соответствует умеренной прямой факторной зависимости: в тех субъектах Российской Федерации, где в 2019 г. индекс объема добычи полезных ископаемых был больше, там в 2020 г. больше коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК. *Индекс объема добычи полезных ископаемых — умеренный криминогенный фактор.*

¹ В группу VI включены регионы, которые по коэффициенту преступности нарушают статистическую однородность всей совокупности субъектов Российской Федерации и в типологии не участвуют. Приводятся для сравнения.

Рост объема добычи полезных ископаемых — благоприятная почва для преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности на 34,10 % обусловлено разнообразием рассматриваемого фактора.

Индекс объема обрабатывающего производства. В тех группах, где коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, выше, там меньше рост объема обрабатывающего производства (обратная зависимость). Исключение группа IV (коэффициент преступности выше среднего) — минимальный индекс роста (103,2).

Коэффициент парной корреляции между коэффициентом преступности и индексом объема обрабатывающего производства $K = -0,20$. Это соответствует слабой обратной факторной зависимости: в тех субъектах Российской Федерации, где в 2019 г. индекс объема обрабатывающего производства был больше, там в 2020 г. меньше коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК. ***Индекс объема обрабатывающего производства — антикриминогенный фактор.***

Рост объема обрабатывающего производства — новые рабочие места, снижение социальной напряженности — слабая, но благоприятная почва для профилактики преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности всего на 21,38 % обусловлено разнообразием рассматриваемого фактора.

Индекс объема производства продукции сельского хозяйства. Следует обратить внимание на то, что в группу II входят Санкт-Петербург и Москва, суммарный статистический вес которых в группе 63,4 %, а объем производства продукции сельского хозяйства в Санкт-Петербурге отсутствует, а в Москве минимальный. Поэтому группу II в данном случае не следует учитывать.

В тех группах (из III, IV и V), где коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, выше, там больше рост

объема производства продукции сельского хозяйства (прямая зависимость).

Коэффициент парной корреляции между коэффициентом преступности и индексом объема производства продукции сельского хозяйства $K = +0,18$. Это соответствует слабой прямой факторной зависимости: в тех субъектах Российской Федерации, где в 2019 г. индекс объема производства продукции сельского хозяйства был больше, там в 2020 г. больше коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК. ***Индекс объема производства продукции сельского хозяйства — криминогенный фактор.***

Рост объема производства продукции сельского хозяйства — благоприятная почва для преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности на 35,97 % обусловлено разнообразием рассматриваемого фактора.

Распределение стоимостей фиксированного набора потребительских товаров и услуг, а также условного (минимального) набора потребительских товаров и услуг в анализируемых типологических группах показано на рис. 3.

В тех группах, где коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, выше, там меньше стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг (обратная зависимость). Исключение группа IV (коэффициент преступности выше среднего) — минимальная стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг (102,0).

Между уровнем преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, и стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг наблюдается обратная умеренная корреляционная зависимость ($K = -0,35$). В тех субъектах Российской Федерации, где больше стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, там меньше коэффициент исследуемых преступлений. ***Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг — умеренный антикриминогенный фактор.***

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности на

46,91 % обусловлено разнообразием рассматриваемого фактора.

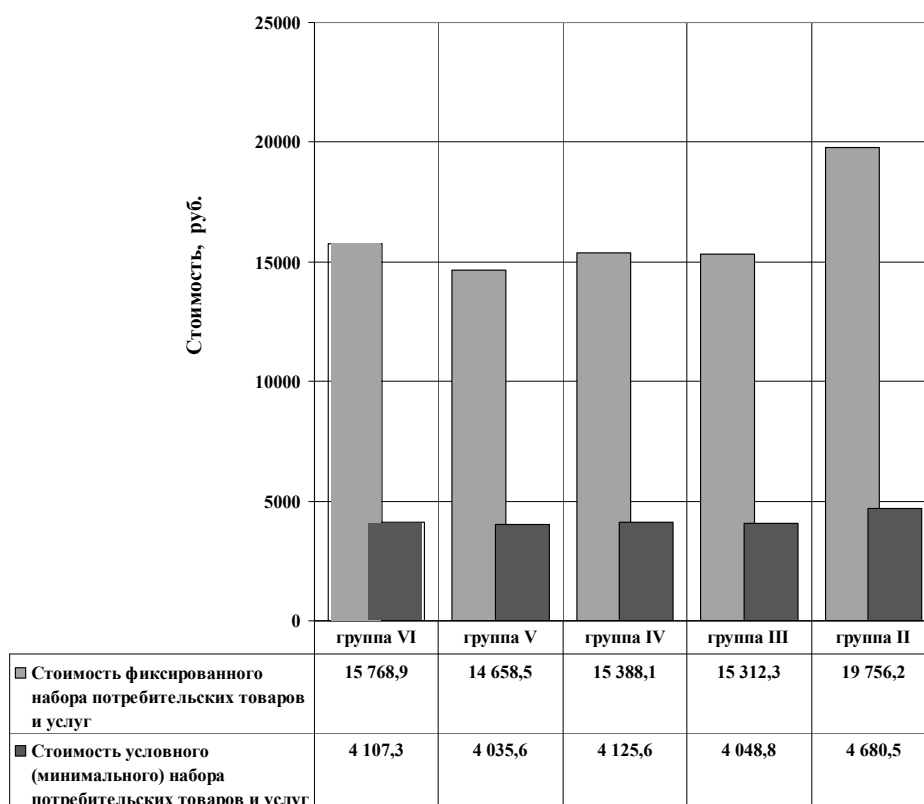

Рис. 3. Распределение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, а также условного (минимального) набора потребительских товаров и услуг в типологических группах

Между уровнем исследуемых преступлений и стоимостью условного (минимального) набора потребительских товаров и услуг наблюдается обратная слабая корреляционная зависимость ($K = -0,14$). В тех субъектах Российской Федерации, где больше стоимость условного (минимального) набора потребительских товаров и услуг, там меньше коэффициент исследуемых преступлений. *Стоимость условного (минимального) набора потребительских товаров и услуг — слабый антикриминогенный фактор.*

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности всего на 15,72 % обусловлено разнообразием рассматриваемого фактора.

Стоимость как фиксированного, так и условного (минимального) набора потребительских товаров и услуг не способствует преступлениям, совершенным с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованным сотрудниками СК.

Распределение индексов стоимости фиксированного, а также условного (минимально-

го) наборов потребительских товаров и услуг в анализируемых типологических группах показано на рис. 4.

В тех группах, где коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, выше, там и индекс стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг больше (прямая зависимость).

Между уровнем преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, и индексом стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг наблюдается прямая слабая корреляционная зависимость ($K = +0,18$). В тех субъектах Российской Федерации, где больше рост стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, там и коэффициент исследуемых преступлений больше. *Рост стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг — слабый криминогенный фактор.*

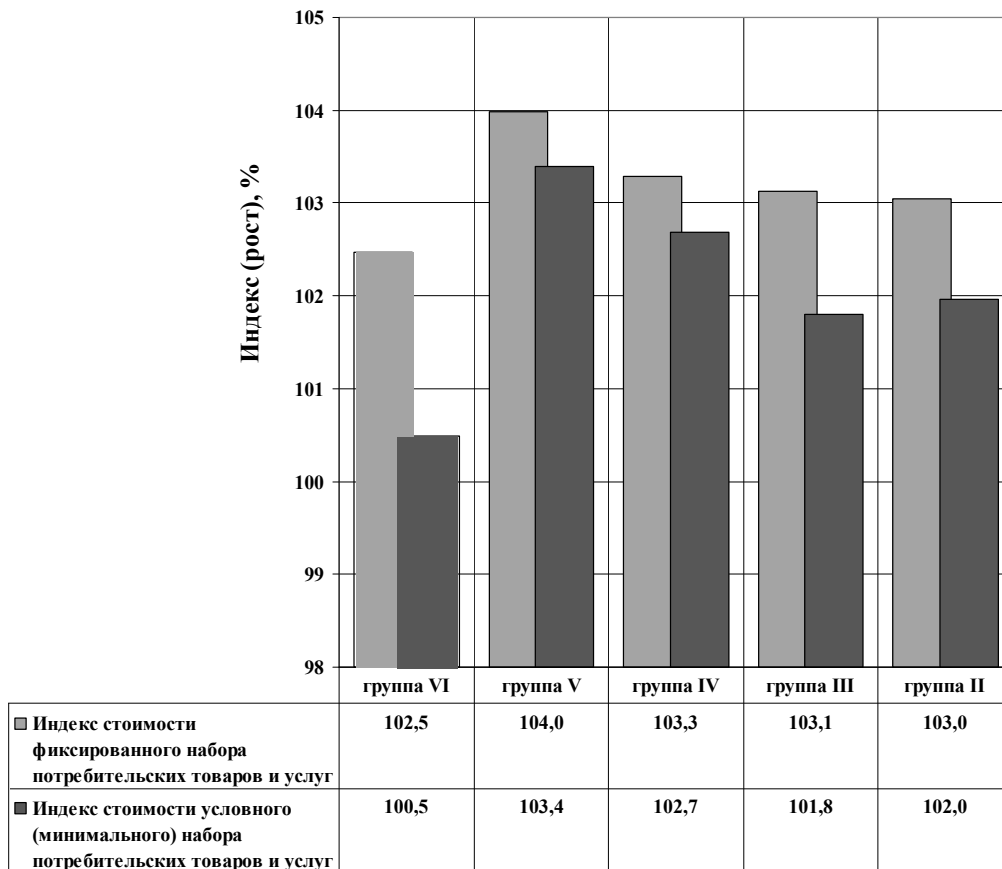

Рис. 4. Распределение индексов стоимости фиксированного, а также условного (минимального) наборов потребительских товаров и услуг в типологических группах

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности всего на 6,19 % обусловлено разнообразием рассматриваемого фактора.

Между уровнем исследуемых преступлений и индексом стоимости условного (минимального) набора потребительских товаров и услуг наблюдается прямая слабая корреляционная зависимость ($K = +0,17$). В тех субъектах Российской Федерации, где больше рост стоимости условного (минимального) набора потребительских товаров и услуг, там и коэффициент исследуемых преступлений больше. *Рост стоимости условного (минимального) набора потребительских товаров и услуг — слабый криминальный фактор.*

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности всего на 5,80 % обусловлено разнообразием рассматриваемого фактора.

Рост стоимости как фиксированного, так и условного (минимального) набора потребительских товаров и услуг — благоприятная почва для преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

Распределение уровней безработных и зарегистрированных безработных в анализируемых типологических группах показано на рис. 5.

В тех группах, где коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и выявленных сотрудниками Следственного комитета, выше, там уровень безработных также выше. Исключение: в группе IV (коэффициент преступности выше среднего) уровни безработных (2252,5) и зарегистрированных безработных (434,7) меньше, чем в группе III (средний коэффициент преступности) — 2611,3 и 453,8 соответственно.

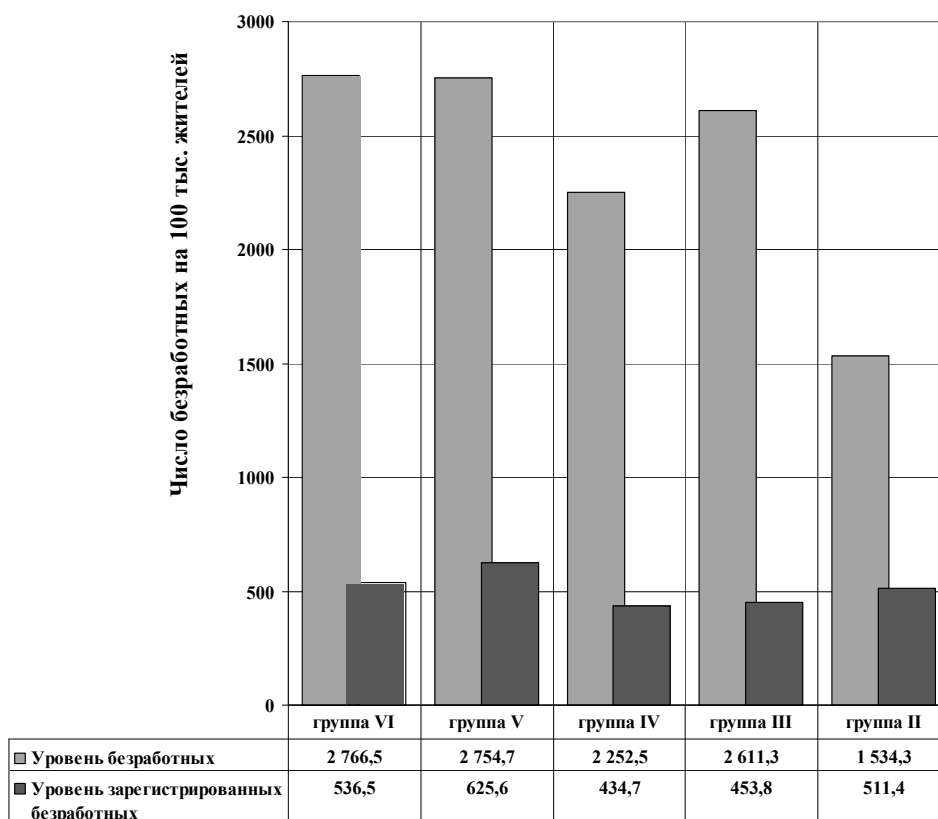

Рис. 5. Распределение уровней безработных и зарегистрированных безработных в типологических группах

Коэффициент парной корреляции между коэффициентом преступности и уровнем безработных $K = +0,42$. Это соответствует умеренной прямой факторной зависимости: в тех субъектах Российской Федерации, где в 2019 г. уровень безработных был больше, там в 2020 г. и коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, больше. *Уровень безработных — умеренный криминогенный фактор.*

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности всего на 11,78 % обусловлено разнообразием уровней безработных.

Коэффициент парной корреляции между коэффициентом преступности и уровнем зарегистрированных безработных $K = +0,37$. Это соответствует умеренной прямой факторной зависимости: в тех субъектах Российской Федерации, где в 2019 г. уровень зарегистрированных безработных был больше, там в 2020 г. и коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, больше. *Уро-*

вень зарегистрированных безработных — умеренный криминогенный фактор, но слабее уровня безработных.

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности на 11,78 % обусловлено разнообразием уровней безработных.

Высокий уровень безработных (в том числе и зарегистрированных) — благоприятная почва для преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

Распределение индексов безработных и зарегистрированных безработных в анализируемых типологических группах показано на рис. 6.

В тех группах, где коэффициент преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, выше, там рост как числа безработных, так и числа зарегистрированных безработных ниже. Исключение: в группе III (средний коэффициент преступности) рост безра-

ботных — 93,6 % и зарегистрированных безработных — 100,1 %, а в группе IV (коэффициент преступности выше среднего) больше рост безработных — 95,2 % и зарегистрированных безработных — 101,4 %.

Между уровнем преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, и индексом безработных наблюдается обратная умеренная корреляционная зависимость ($K = -0,39$). В тех субъектах Российской Федерации, где больше индекс безработных, там коэффициент исследуемых преступлений меньше.

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности только на 34,34 % обусловлено разнообразием индексов безработных.

Между уровнем преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, и индексом зарегистрированных безработных наблюдается обратная умеренная корреляционная зависимость ($K = -0,34$). В тех субъектах Российской Федерации, где больше индекс зарегистрированных безработных, там коэффициент исследуемых преступлений меньше.

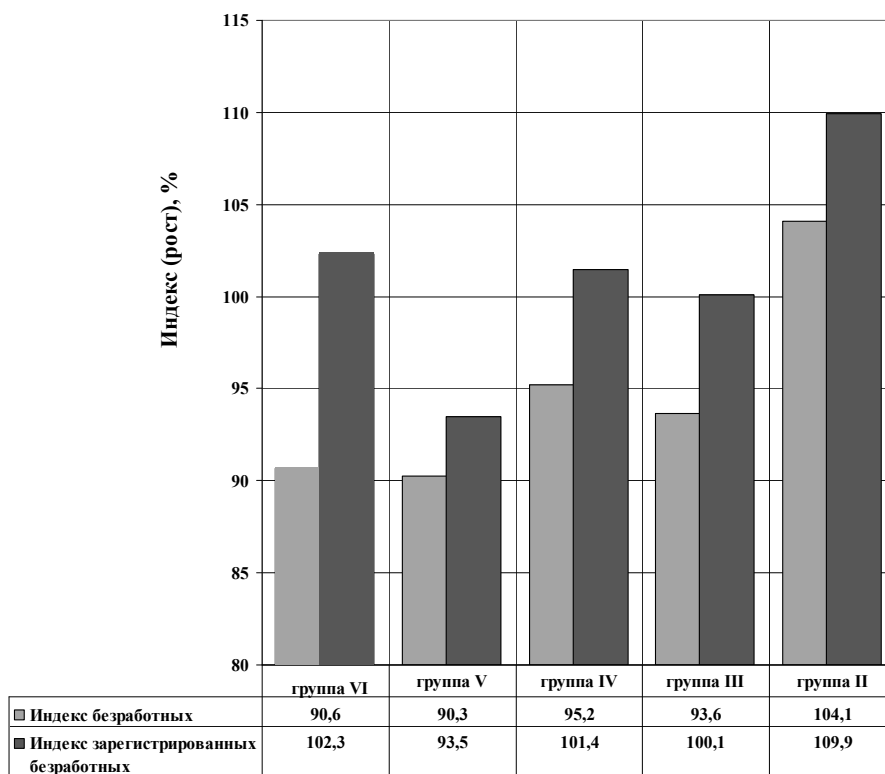

Рис. 6. Распределение индексов безработных и зарегистрированных безработных в типологических группах

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности только на 19,18 % обусловлено разнообразием индексов зарегистрированных безработных.

Снижение уровня безработных (в том числе и зарегистрированных) — благоприятная почва для роста преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

Распределение уровня смертности (на 1000 чел.) в анализируемых типологических группах показано на рис. 7.

В тех группах, где больше коэффициент преступности, там и больше смертность на 1000 чел.

Между уровнем преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, и смертностью в регионе наблюдается прямая умеренная корреляционная зависимость ($K = +0,36$). В тех субъектах Российской Федерации, где больше смертность, там больше и коэффициент исследуемых преступлений.

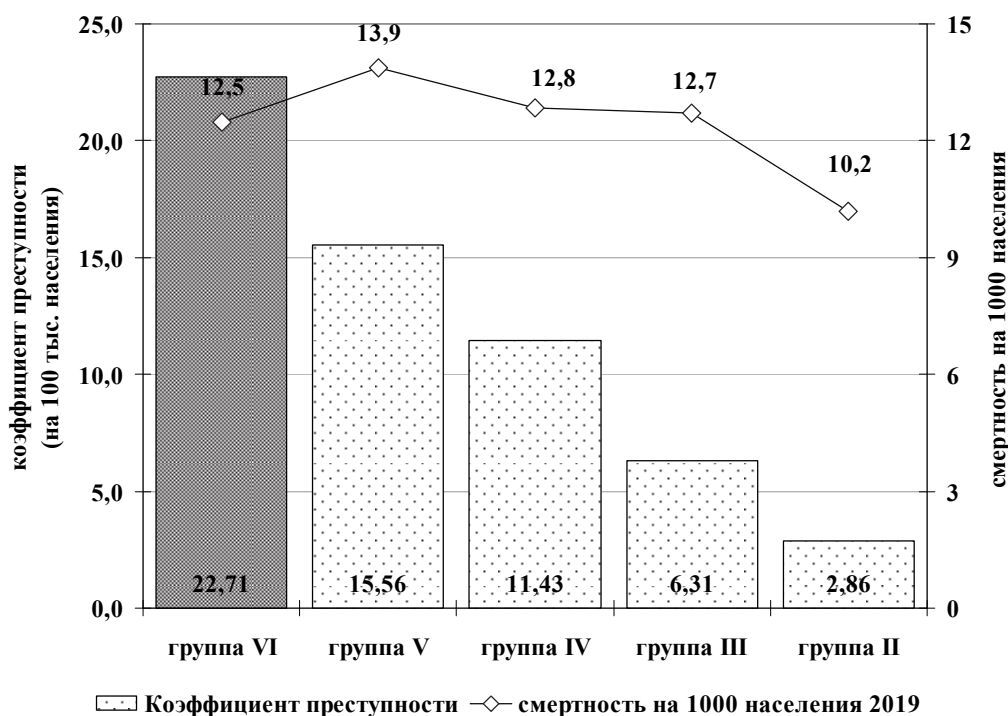

Рис. 7. Распределение уровня смертности в типологических группах

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности только на 19,04 % обусловлено разнообразием уровней смертности в субъектах Российской Федерации.

Высокий уровень смертности — благоприятная почва для преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

Распределение уровня рождаемости (на 1000 чел.) в анализируемых типологических группах показано на рис. 8.

В тех группах, где больше коэффициент преступности, там рождаемость на 1000 чел. меньше.

Обратная слабая корреляционная зависимость ($K = -0,10$) наблюдается между уровнем преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, и рождаемостью в регионе. В тех субъектах Российской Федерации, где больше рождаемость, там коэффициент исследуемых преступлений меньше.

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности всего на 9,04 % обусловлено разнообразием уровней рождаемости в субъектах Российской Федерации.

Низкий уровень рождаемости — благоприятная почва для преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

Распределение уровня прироста/снижения населения (на 1000 чел.) в анализируемых типологических группах показано на рис. 9.

В тех группах, где больше коэффициент преступности, там прирост населения на 1000 чел. меньше.

Между уровнем преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, и приростом/снижением населения в регионе наблюдается обратная умеренная корреляционная зависимость ($K = -0,33$). В тех субъектах Российской Федерации, где больше прирост населения, там коэффициент исследуемых преступлений меньше.

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности только на 15,63 % обусловлено разнообразием уровней прироста населения в субъектах Российской Федерации.

Заметное снижение уровня населения — благоприятная почва для преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

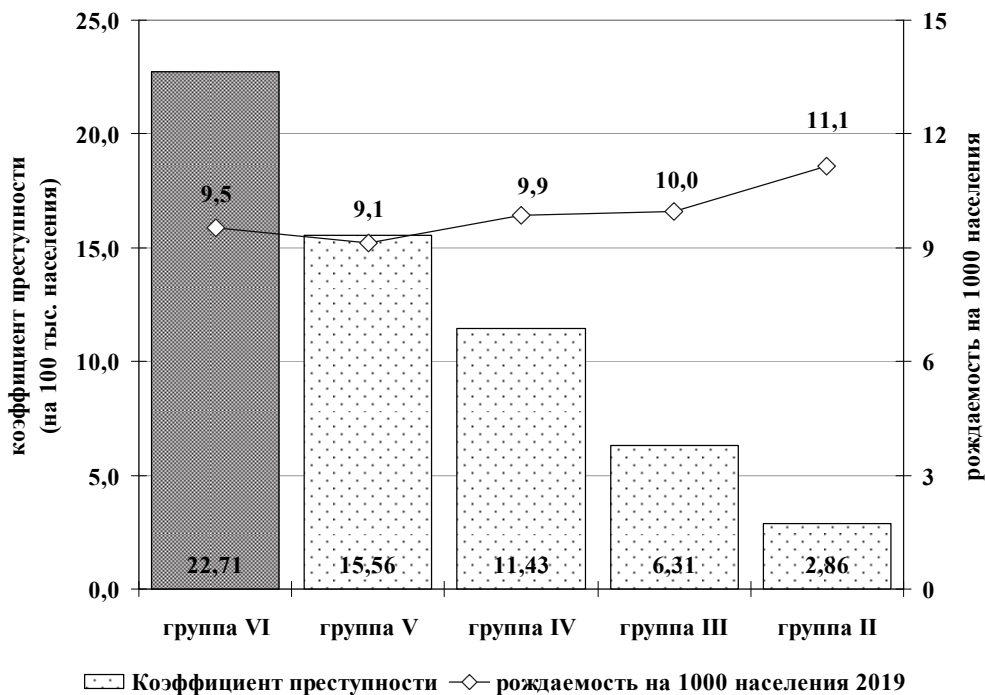

Рис. 8. Распределение уровня рождаемости в типологических группах

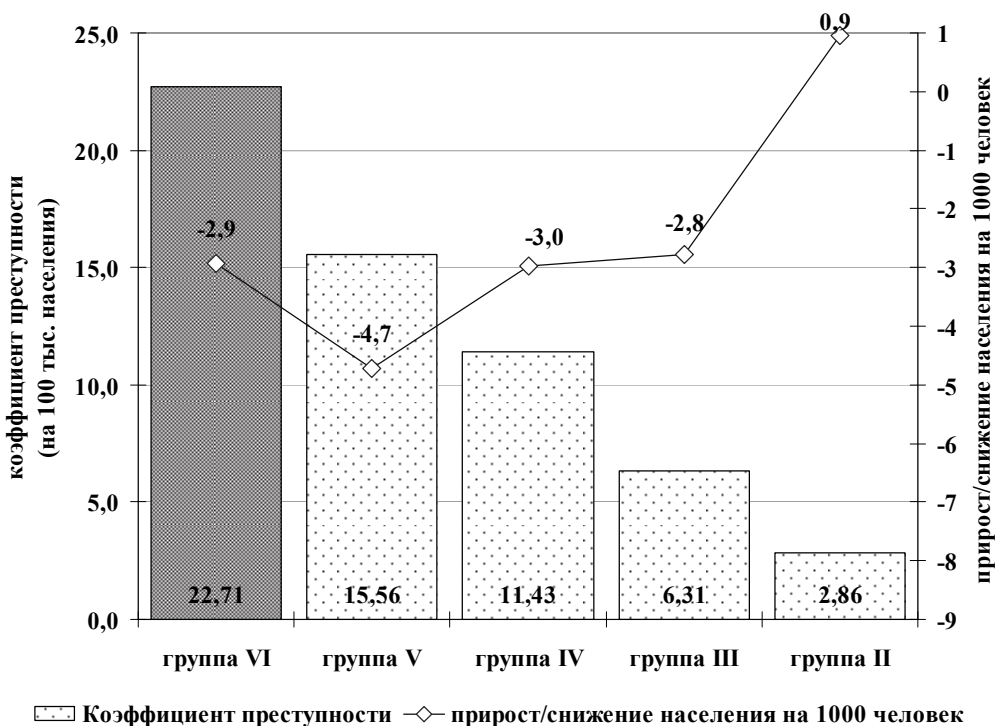

Рис. 9. Распределение уровня прироста/снижения населения в типологических группах

Распределение уровня миграционного прироста/снижения (на 100 тыс. населения) в анализируемых типологических группах показано на рис. 10.

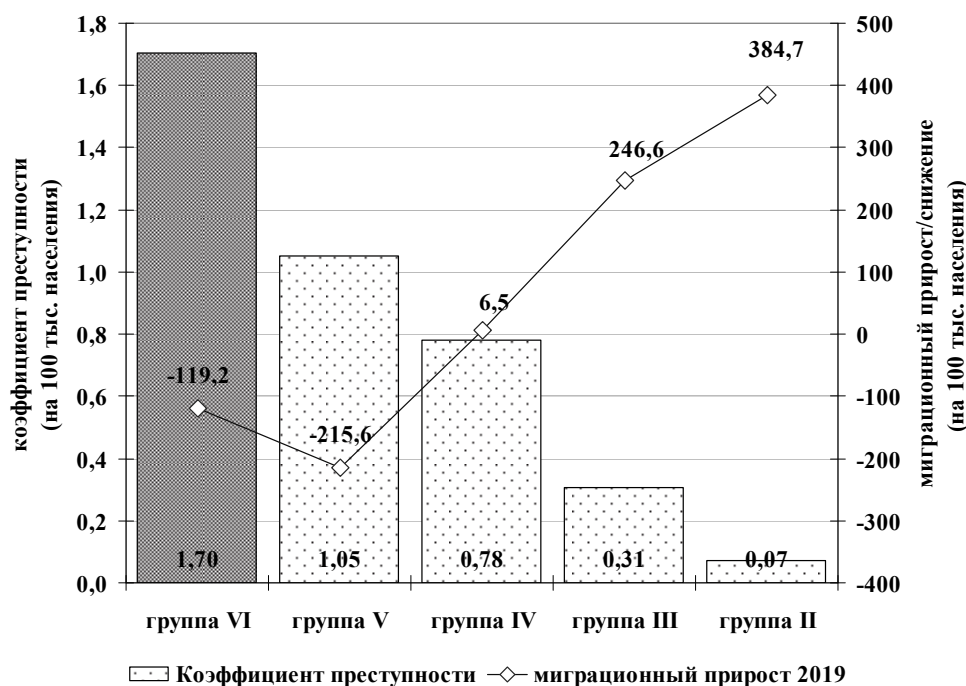

Рис. 10. Распределение уровня миграционного прироста/снижения в типологических группах

В тех группах, где больше коэффициент преступности, там меньше уровень миграционного прироста/снижения на 1000 чел.

Между уровнем преступлений и уровнем миграционного прироста/снижения в регионе наблюдается обратная умеренная корреляционная зависимость ($K = -0,43$). В тех субъектах Российской Федерации, где больше уровень миграционного прироста, там коэффициент исследуемых преступлений меньше.

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности на 20,34 % обусловлено разнообразием коэффициента миграционного прироста в субъектах Российской Федерации.

Заметное снижение уровня миграционного прироста — благоприятная почва для преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК.

Распределение профицита/дефицита бюджета в анализируемых типологических группах показано на рис. 11.

В тех группах, где больше коэффициент преступности, там меньше профицит/дефицит бюджета. Исключение: в группе IV (с коэффи-

циентом преступности выше среднего) профицит бюджета больше (278,8 млн.), чем в группе V (104,7 млн.).

Между уровнем преступлений, совершенных с использованием ИТТ или в сфере КИ и расследованных сотрудниками СК, и профицитом/дефицитом бюджета в регионе наблюдается прямая умеренная корреляционная зависимость ($K = +0,40$). В тех субъектах Российской Федерации, где больше профицит бюджета, там и больше коэффициент исследуемых преступлений.

Дисперсионный анализ показал, что разнообразие коэффициентов преступности на 21,34 % обусловлено разнообразием профицита бюджетов в субъектах Российской Федерации.

Чем больше рост благосостояния субъекта Российской Федерации, тем больше уровень исследуемых преступлений в регионе.

Председатель СК России Александр Бастрыкин подписал приказ о создании в составе Главного следственного управления нового подразделения — это отдел по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий.

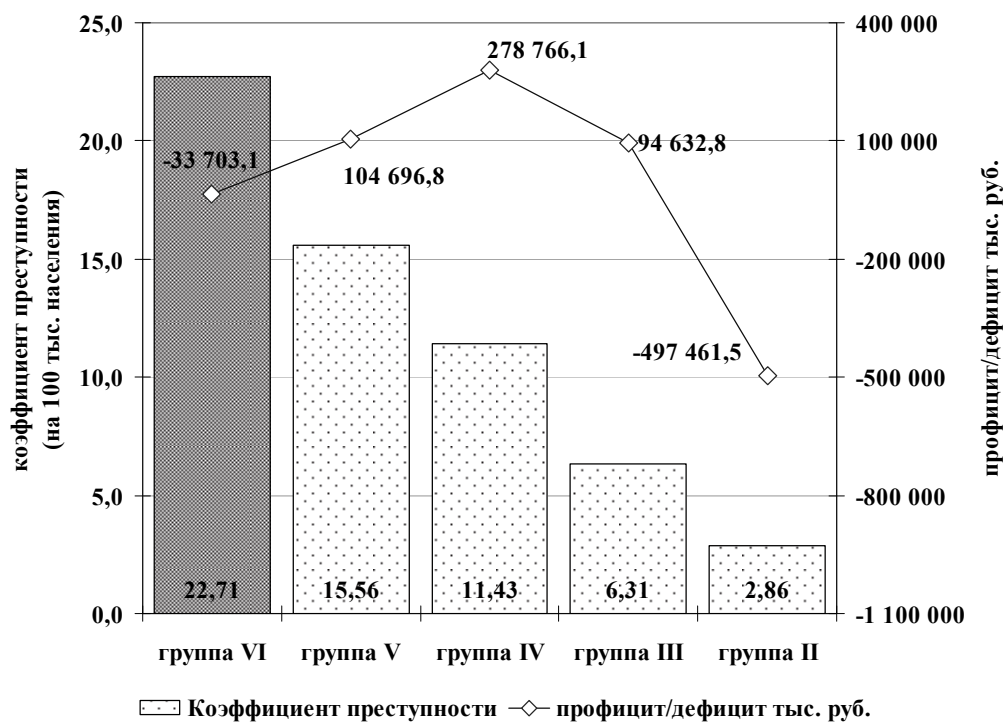

Рис. 11. Распределение профицита/дефицита бюджета в типологических группах

Как показывают вышеприведенные данные, расследование этой категории дел отличается «особой сложностью, связанной с организационными трудностями». «Это обуславливается не только спецификой и неочевидностью киберпреступлений, но и присущим им межрегиональным и международным характером».

Следует отметить, что создание специализированного подразделения по борьбе с киберпреступностью было вызвано объективными причинами: научно-техническим прогрессом, расширением информационной сферы и степени влияния интернета на жизнь практи-

чески любого человека. Новые технологии не только привносят в нашу жизнь комфорт, но и являются источниками новых вызовов².

Исходя из вышеизложенного, а также с учетом технического прогресса, развивающегося не только у нас в стране, но и во всем мире, авторы предлагают расширить данное подразделение, выделить отдельные группы следователей в следственные управления по субъектам, а также организовывать повышение квалификации на базах образовательных учреждений Следственного комитета РФ по программе «Особенности расследования преступлений в сфере высоких технологий».

² Интервью руководителя отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий СК России Константина Комарды ИА «ТАСС». URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1529946> (дата обращения: 15.02.2021).

УДК 343.573
ББК 67.408.115

Алексей Николаевич СУПРУН,
исполняющий обязанности руководителя
следственного отдела по Заводскому району г. Саратов
следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Саратовской области, майор юстиции;
ассистент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
E-mail: aleksei.suprun1987@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ И ПРИВИЛЕГИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье поднята проблема создания системы уголовно-правовых норм по противодействию розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции и предложены пути ее решения посредством насыщения данной системы квалифицирующими и привилегирующими признаками.

Ключевые слова: алкогольная продукция, несовершеннолетние, розничная продажа, дифференциация ответственности, квалифицирующие и привилегирующие признаки, состав преступления.

Alexey Nikolaevich SUPRUN,
Acting Head of the Investigative Department
for the Zavodskoy District of Saratov
of the Investigative Department of the Investigative Committee
of the Russian Federation for the Saratov Region, Major of Justice;
Assistant of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law
of the Saratov State Law Academy
E-mail: aleksei.suprun1987@yandex.ru

QUALIFYING AND PREFERENTIAL FEATURES OF RETAIL SALE OF ALCOHOLIC BEVERAGES TO MINORS: PROBLEM SETTING AND SOLUTIONS

Abstract. The article raises the problem of creating a system of criminal legal norms to counter the retail sale of alcohol to minors and proposes ways to solve it by saturating this system with qualifying and privileging features.

Keywords: alcohol products, minors, retail sales, differentiation of liability, qualifying and privileging features, elements of a crime.

На протяжении многих десятилетий практически во всем мире наблюдается рост алкоголизации населения. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2018 г. на каждого человека старше 15 лет приходилось 6,6 л чистого спирта в год; начиная с

2014 г. этот показатель ежегодно увеличивался на 0,2 %¹.

¹ См.: Рейтинг самых пьющих стран в мире [Электронный ресурс]. URL: <http://bezokov.com/faq/spirtnoe/piyushie-strany-mira> (дата обращения: 21.02.2021).

Для России данная проблема традиционно имеет особую остроту. Среднедушевое потребление спиртного в России из года в год показывает превышение допустимого уровня на несколько литров (в 2018 г. — 16,2 л, в 2019 г. — 11,1 л, в 2020 г. — 11,5 л)².

Особую актуальность приобретают вопросы продажи и потребления спиртного в обстановке пандемии COVID-19. Новые условия быта россиянина (самоизоляция, удаленная работа или ее отсутствие), конечно же, внесли свои коррективы. По данным Минздрава Российской Федерации, в период самоизоляции вырос объем продаж алкоголя, потребление алкогольных напитков россиянами увеличилось на 2—3 %, и в конечном счете стала расти смертность от алкоголя³.

Однако сегодня уголовно-правовое противодействие розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции осуществляется посредством всего лишь одной нормы, нашедшей отражение в ст. 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее по тексту — УК РФ), не знающей ни квалифицирующих, ни привилегированных признаков.

Сложность и емкость обозначенной проблемы требует пересмотра законодательного подхода к данному вопросу. Как представляется, для ее решения необходимо, прежде всего, создать систему норм на базе названной статьи российского уголовного закона. Данная система норм может быть наполнена квалифицирующими и привилегированными признаками, отсутствие которых негативно сказывается, по мнению ряда авторов, на дифференциации уголовной ответ-

ственности⁵, являющейся одним из важнейших направлений современной российской уголовно-правовой политики.

Дифференцированную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции отличается крайней «бедностью». Все возможности дифференцированного подхода исчерпываются лишь текстом санкции, несмотря на то, что, как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, даже при единстве объекта посяательства характер общественной опасности может быть неодинаковым, в зависимости от свойств объективной стороны⁶.

Представляется, что в целях экономии уголовной репрессии, предотвращения искусственного роста преступности и эскалации уголовно-правового воздействия на работников торговли необходимо установить уголовную ответственность за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним в зависимости от наличия крупного размера проданной алкогольной и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, который должен стать конструктивным признаком основного состава преступления, а особо крупный размер — квалифицирующим признаком данного преступления. При этом крупный и особо крупный размеры проданной алкогольной и (или) спиртосодержащей пищевой продукции должны определяться в зависимости от процента содержания этилового спирта в продукции и количества единиц проданной продукции (бутылок или иной потребительской тары).

Видится правильным, что крупным размером проданной алкогольной и (или) спиртосодержащей пищевой продукции должна признаваться розничная продажа двух единиц продукции (бутылок или иной потребительской тары) с содержанием этилового спирта более 0,5 % объема готовой продукции, но менее 1,2 % объема готовой

² См.: Черемисина Н.В., Ивлиев М.И., Талалаев Д.Д. Алкоголизм: глобальная проблема современной России // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9, № 11. С. 164; Самые пьющие страны мира [Электронный ресурс]. URL: <https://visasam.ru/samotur/marshrut/samye-piushie-strany.html> (дата обращения: 21.02.2021); Названы самые пьющие страны мира [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191111/1560786997.html> (дата обращения: 21.02.2021).

³ Минздрав заявил о росте смертности от алкоголя во время карантина в России [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/news/2020/05/13/minzdrav-zayavil-orooste-smertnosti-ot-alkogolya-v-rossii> (дата обращения: 21.02.2021).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г. № 25-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 2021. 26 февраля (№ 41).

⁵ Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 62; Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. С. 12, 13; Верина Г.В. Привилегированные составы преступлений против собственности: модель законодательного концепта // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 100—107.

⁶ Трофимов Н.И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних: учеб. пособие / отв. ред. Г.Б. Виттенберг. Иркутск: ИрГУ им. А.А. Жданова, 1973. С. 37.

продукции и (или) розничная продажа одной единицы продукции (бутылок или иной потребительской тары) с содержанием этилового спирта более 1,2 % объема готовой продукции (за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации).

Думается, что особо крупным размером проданной алкогольной и (или) спиртосодержащей пищевой продукции должна признаваться розничная продажа трех и более единиц продукции (бутылок или иной потребительской тары) с содержанием этилового спирта более 0,5 % объема готовой продукции, но менее 1,2 % объема готовой продукции и (или) розничная продажа двух и более единиц продукции (бутылок или иной потребительской тары) с содержанием этилового спирта более 1,2 % объема готовой продукции (за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации).

При установлении процентного содержания этилового спирта в размере 0,5 % в качестве криминообразующей величины следует исходить из требований Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (в ред. от 22 декабря 2020 г.)⁷, в котором указано, что спиртосодержащая пищевая продукция и алкогольная продукция должны в себе содержать этилового спирта более 0,5 % объема готовой продукции.

При установлении процентного содержания этилового спирта в размере 1,2 % в качестве криминообразующей величины необходимо учитывать требования утвержденных Правительством РФ «Перечня пищевой продукции в соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, не относящейся к алкогольной продукции» и «Перечня пищевой продукции в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, которая произведена с

использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, не относящейся к алкогольной продукции»⁸, где указан максимально допустимый процент (1,2 %, включительно) содержания этилового спирта.

Необходимость установления указанного количества единиц проданной продукции (бутылок или иной потребительской тары) в качестве криминообразующей величины продиктована изучением приговоров судов и постановлений судов по делам об административных правонарушениях различных регионов России. Так установлено, что в основном осужденные лица осуществили продажу одной единицы указанной продукции (пиво — до 5,5 %, коктейли — от 5,9 % до 8 % содержания этилового спирта в объеме готовой продукции), реже — в количестве двух, а также наблюдаются единичные случаи продажи трех и более единиц продукции.

Предлагаемая формулировка «единица продукции (бутылка или иная потребительская тара)» используется в тексте Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», а также предусмотрена приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 19 января 2007 г. № 49 «Об утверждении предупредительной надписи на потребительской таре единицы алкогольной продукции о противопоказаниях к употреблению алкогольной продукции»⁹.

На страницах различных научных изданий обсуждается, что сегодня без внимания законодателя осталась проблема уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции на дому и (или) через сеть Интернет. В частности, высказаны предложения по дополнению ст. 151.1 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как продажа несовершеннолетним алкогольной продукции с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникаци-

⁷ СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553; 2020. № 52, ч. 1. Ст. 8582.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2020 г. № 3650-р // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Российская газета. 2007. 2 февраля (№ 22).

онных сетей (включая сеть Интернет), а также вне стационарной розничной сети¹⁰.

Согласно п. 14 ч. 2 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» розничная продажа алкогольной продукции дистанционным способом запрещена.

Предложение по дополнению ст. 151.1 УК РФ квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет» приобрело особую актуальность и значимость в связи с разработкой Минфином РФ законопроекта, в котором предлагается запустить торговлю алкоголем в Интернете с пива и вина, и только после того, как опыт онлайн-торговли спиртным будет признан успешным, будет разрешено продавать и другие алкогольные напитки¹¹.

В пояснительной записке к тексту законопроекта № 202180-7 (автор — член Совета Федерации А.В. Беляков) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹² указано, что в России существует более 10 тысяч сайтов, под тем или иным предлогом осуществляющих продажу алкогольной продукции дистанционно. Одни компании позиционируют свои сайты не как интернет-магазины, а как каталоги, на которых можно ознакомиться с товарами. При таком способе продажи чеки выдаются курьером и включают стоимость алкоголя в договор на курьерские услуги. Другие магазины предлагают купить зажигалки или другую сувенирную продукцию, к которой в качестве бонуса прилагается алкоголь. Данным законопроектом проектируется новая статья УК РФ «Розничная продажа алкогольной продукции дистанционным способом».

¹⁰ См., напр.: *Купирова Ч.Ш.* Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: закон и проблемы его применения // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2014. № 2 (28). С. 122.

¹¹ См.: Минфин предложил начать продавать через интернет пиво и вино [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2017/05/16/onlinealko_vinorivo (дата обращения: 13.02.2021).

¹² См.: Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=202180-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=202180-7) (дата обращения: 13.02.2021).

С учетом сформировавшейся на уровне российского уголовного закона законодательной техники и необходимости углубления дифференциации уголовной ответственности посредством квалифицирующих признаков представляется целесообразным дополнить ст. 151.1 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как «использование средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет».

Заслуживает поддержки мнение А.С. Урузбиева о том, что общественную опасность деяния усиливает продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции в ночное время либо в запрещенных для этого местах. Поэтому он предлагает дополнить ст. 151.1 УК РФ второй частью, содержащей соответствующий квалифицированный состав преступления¹³.

На сегодня сложились объективные основания дополнения ст. 151.1 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как совершение розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции «в период проведения культурно-массовых мероприятий», ибо при проведении указанных мероприятий обычно присутствует большое количество несовершеннолетних, а потребление алкоголя достаточно популярно у молодежи, и у некоторых это стало традиционным явлением (преследуется цель поддержания увеселительной обстановки и своего настроения). Эта мера должна быть направлена (не говоря о самом факте отрицательного влияния алкоголя на организм человека, а в особенности несовершеннолетнего) на поддержание общественного порядка в местах скопления людей, на уменьшение количества находящихся в состоянии алкогольного опьянения несовершеннолетних в транспорте и на улице, на снижение спонтанной уличной преступности, в частности спонтанной уличной преступности среди несовершеннолетних. Особенно важно, что зачастую преступления несовершеннолетних — это дерзкие, изощренные и циничные преступления, совершаемые с особой жестокостью, сопровождающиеся глумлением и издевательствами над личностью, и большинство таких преступлений связано именно с употреблением алкоголя.

Общеизвестно, что именно употребление алкоголя зачастую оказывает влияние на повыше-

¹³ *Урузбиев А.С.* Проблемные вопросы объективной стороны розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции // *Теория и практика общественного развития.* 2015. № 1. С. 71.

ние уровня криминальной активности несовершеннолетних, так как спиртное воздействует на их организм сильнее и быстрее, чем на организм взрослого человека. В специальной литературе, посвященной вопросам анализа причин подростковой преступности, констатируется, что, как правило, в состоянии алкогольного опьянения подростки иначе, чем взрослые, реагируют на внешние раздражители: значительно быстрее теряют над собой контроль, способность критически оценивать свои поступки, становятся легко-возбудимыми, развязными, агрессивными, злыми, черствыми, склонными к асоциальным, немотивированным поступкам. Поэтому, несомненно, продажа спиртного несовершеннолетним во время проведения массового мероприятия отличается повышенной степенью общественной опасности содеянного.

Предложения по дифференциации уголовной ответственности содержались и в некоторых предшествовавших введению ст. 151.1 УК РФ законопроектах. Так, в проекте № 288543-4 федерального закона¹⁴ предлагалось дифференцировать уголовную ответственность за анализируемое деяние посредством квалифицирующего признака «в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста».

Следует признать оправданной возможность дифференциации уголовной ответственности в зависимости от возраста покупателя алкоголя. Законодатель такой возможностью пока не воспользовался. Соответствующий возраст потребителя должен быть учтен в качестве признака квалифицированного состава исследуемого преступления и определен в уголовном законе в следующей редакции: «в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста».

Есть основания полагать, что применительно к преступлениям против несовершеннолетних градация возраста потерпевших должна производиться именно в зависимости от криминологически обоснованной социальной значимости того или иного конкретного возраста, с которой

связана повышенная общественная опасность деяния. Эта значимость обусловлена происходящими в обществе социальными процессами, тенденциями его развития, особенностями конкретных составов правонарушений.

Общественная опасность преступления повышается при продаже спиртного двум и более лицам, как не достигшим четырнадцатилетнего, так и не достигшим восемнадцатилетнего возраста, следовательно, данное обстоятельство должно быть выделено в качестве квалифицирующего признака преступления, тем более что оно достаточно распространено в практике совершения анализируемого преступления. При этом правоприменитель по-разному квалифицирует деяния лица при продаже спиртного двум несовершеннолетним: в одном случае деяния лица квалифицируются по одному эпизоду преступной деятельности, а в другом случае — по двум¹⁵, что не способствует идее дифференциации уголовной ответственности.

Предлагаемое нормативно-правовое решение соответствует сложившейся в настоящее время тенденции, направленной на решение задач уголовного закона путем конструирования составов преступлений (как основных, так и квалифицированных) с учетом значимости фигуры потерпевшего для системы уголовного права, что, по справедливому замечанию Г.В. Вериной, «демонстрирует процесс осмысления российским законодателем повышенной степени общественной опасности преступлений, в результате которых причиняется вред множественности потерпевших»¹⁶.

В связи с проводимой в настоящее время уголовно-правовой политикой государства, направленной на либерализацию и гуманизацию уголовного законодательства, нельзя игнорировать необходимость дифференциации уголовной ответственности за розничную продажу спиртного

¹⁴ Законопроект № 288543-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об установлении уголовной ответственности за систематический сбыт несовершеннолетним алкогольной и спирто-содержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе)» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=288543-4&11](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=288543-4&11) (дата обращения: 13.02.2021).

¹⁵ Приговор мирового судьи судебного участка № 15 Кировского судебного района г. Самары Самарской области от 28.09.2016 г. (по делу № 1-37/2016); приговор мирового судьи 141-го судебного участка Наро-Фоминского судебного района Московской области от 06.06.2013 г. (по делу № 1-34/2013); приговор от 25 июня 2019 г. Красноселькупского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 25.06.2019 г. (по делу № 1-15/2019).

¹⁶ Верина Г.В. Институт множественности в уголовном праве: постановка проблемы глобального измерения // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 6. С. 1006.

несовершеннолетним посредством выделения привилегированного состава данного преступления, что позволит сбалансировать уголовно-правовые меры. Как справедливо подчеркивает Г.В. Верина, «закрепление в уголовном законе привилегированного признака будет способствовать установлению баланса между смягчающими и отягчающими обстоятельствами, а равно и дифференциации уголовной ответственности»¹⁷.

Учитывая данные аспекты уголовно-правовой теории, представляется правильным предусмотреть пониженную (привилегированную) уголовную ответственность за розничную продажу алкоголя несовершеннолетним для целей поминок, поминания усопших, так как данные обстоятельства снижают степень общественной опасности деяния по сравнению с его основным составом. Необходимо учитывать моральный, общечеловеческий аспекты. Мотив сострадания в данном случае будет отражать человеческое понимание ситуации и свидетельствовать о понижении степени общественной опасности содеянного, что объективно необходимо.

Сострадание, с учетом христианских традиций, является «одним из основных нравственных переживаний человека», проявляющимся в «участии в страданиях другого существа» и вызывающим «желание помочь ему»¹⁸. Высшая форма добра, по Шопенгауэру, — это сострадание, когда субъект готов принять страдания другого как личные. Философ по этому поводу отмечал: «Это вполне непосредственное, даже как

бы инстинктивное участие в чужом страдании, т.е. сострадание есть единственный источник таких поступков»¹⁹.

В завершение проведенного исследования необходимо констатировать, что на уровне российского законодательства важно реализовать комплекс мер, направленных на углубление дифференциации уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, что позволит также решить проблему системности уголовно-правовых норм в данной сфере посредством квалифицирующих и привилегированных признаков. Предложенные меры включают: 1) закрепление в ст. 151.1 УК РФ нового обязательного конструктивного признака («крупный размер»); 2) наполнение названной статьи УК РФ квалифицирующими признаками («особо крупный размер», «в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста», «в отношении двух или более лиц, а равно в период проведения культурно-массовых мероприятий или с использованием средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет»); 3) пониженную уголовную ответственность за розничную продажу алкоголя несовершеннолетним для целей поминок, поминания усопших.

Высказанные предложения о наполнении ст. 151.1 УК РФ квалифицирующими и привилегированными признаками, представляется, будут также способствовать повышению эффективности практики ее применения.

¹⁷ Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. С. 272; Верина Г.В. Привилегированные составы преступлений против собственности: модель законодательного концепта. С. 101, 105.

¹⁸ См.: Шердаков В.Н. Сострадание // Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 452.

¹⁹ См.: Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики // Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. М.; Харьков, 1998. С. 415.

УДК 343.2
ББК 67.408

Андрей Алексеевич ЯКОВЛЕВ,
старший преподаватель кафедры
организации режима и надзора
юридического факультета
ВЮИ ФСИН России
E-mail: yakovlev.a.a.2015@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Аннотация. Современное состояние уголовного законодательства не всегда позволяет возложить на осужденных обязанность пройти лечение ряда социально значимых заболеваний и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. С целью унификации уголовно-исполнительного законодательства и расширения спектра уголовно-правовых средств противодействия распространению социально значимых заболеваний предлагается внести изменения в ряд норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: лечение, социально значимые заболевания, уголовно-правовые средства, унификация законодательства.

Andrej Alexejevich YAKOVLEV,
senior lecturer of the Department
regime organization and supervision
of the Faculty of Law of Vladimir Law
Institute of the FPS of Russia
E-mail: yakovlev.a.a.2015@yandex.ru

CRIMINAL AND PENAL MEASURES TO COUNTER THE SPREAD OF SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASES: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Abstract. The current state of criminal legislation does not always allow to impose on convicted persons the obligation to undergo treatment of a number of socially significant diseases and medical and (or) social rehabilitation. In order to unify the penal enforcement legislation and expand the range of criminal legal means of countering the spread of socially significant diseases, it is proposed to amend a number of norms of criminal and penal enforcement legislation.

Keywords: treatment, socially important diseases, the criminal remedies, the harmonization of legislation.

Жизнь человека представляет собой относительно длительный процесс. Согласно статистическим данным Федеральной службы государственной статистики, средняя продолжительность жизни в 2020 г. (с учетом самого пессимистичного прогноза) составит 73,4 года. При этом в последние годы наблю-

дается рост данного показателя¹. Это также свидетельствует о росте качества оказания медицинских услуг населению, а следовательно, о нали-

¹ См. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 08.09.2020).

чии положительных результатов проведения государственной социальной политики.

Вместе с тем на фоне положительной тенденции остается угрожающей ситуация с социально значимыми заболеваниями, как утверждёнными Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715², так и фактически отнесенными к ним. К перечню социально значимых заболеваний отнесены все психические расстройства и расстройства поведения, к которым относятся синдромы зависимости от алкоголя, наркотических и ненаркотических веществ³. Стоит отметить, что некоторые из них еще недавно были неизвестны медицине.

С течением времени и нарастанием угрозы распространения заболеваний, отнесенных к социально значимым, совершенствовалось и законодательство⁴. Современный облик эта система приобрела в последние два десятилетия. В состав УК РФ были введены нормы, регулирующие применение обязанности лечения одного из социально значимых заболеваний — наркомании. Осужденные, больные наркоманией, могут ходатайствовать перед судом о предоставлении отсрочки отбывания наказания на период лечения. В особых случаях при предоставлении отсрочки суд может принять решение о полном освобождении лица после проведения лечения и реабилитации. Однако у института отсрочки, с юридической точки зрения, есть ряд негативных моментов, возникающих в процессе реализации⁵.

² См. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: распоряжение Правительства от 1 декабря 2004 г. № 715 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 49. Ст. 4916.

³ См. Классификация психических расстройств по МКБ-10. F6 Расстройства личности и поведения в зрелом возрасте: сайт ФГБНУ «Научный центр психического здоровья». URL: <http://ncpz.ru/lib/1/book/14/chapter/8> (дата обращения: 19.11.2018).

⁴ См., например: *Яковлев А.А.* Генезис института профилактики наркопреступности (международный и историко-правовой аспект) // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 1 (15). С. 114—115.

⁵ См. например: *Жубрин Р.В.* Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография / под общ. ред. *Р.В. Жубрина*. М.: Проспект, 2016. С. 20; *Руденко А.С., Звонов А.В.* Вопросы исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 28—31; *Звонов А.В., Пикин И.В.* Некоторые вопросы применения и исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 2 (35). С. 21—25 и др.

Более совершенной формой, направленной на лечение наркомании, на наш взгляд, является возложение на осужденного обязанности прохождения лечения при отбывании наказания. Для осужденных к лишению свободы она реализуется на основании ч. 3 ст. 18 УИК РФ, которая, помимо лечения заболевания наркоманией, предусматривает применение мер медицинского характера практически ко всем социально значимым заболеваниям. Такой формат возможен и при реализации других форм уголовно-правового воздействия, например, при условно-досрочном освобождении или при условном осуждении на основании ч. 5 ст. 73 УК РФ.

В случае с возложением на осужденных обязанности лечения наркомании без изоляции от общества такая мера применяется на основании ст. 72.1 УК РФ. Введение данной нормы явилось результатом реализации государственной антинаркотической политики, одним из элементов которой было совершенствование уголовно-правовых мер воздействия. Стоит отметить, что введение данной нормы было принято благосклонно как правоприменителями, так и теоретиками права, о чем свидетельствуют статистические показатели. Так, по данным судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, на момент введения в УК РФ ст. 72.1 в 2015 году данная норма была применена в отношении 847 осужденных, в 2016 году — уже в отношении 1 318, в 2017 году — 1 638, в 2018 году — 1665, в 2019 году — 1568⁶.

⁶ См. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2015 г. // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 21.09.2018); Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2016 г. // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 21.09.2018); Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2017 г. // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения: 21.09.2018); Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2018 г. // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 21.06.2019); Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2019 г. // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 12.05.2020).

Существенным недостатком ст. 72.1 УК РФ является ее узость. Законодатель, вводя данную норму в систему уголовно-правовых мер противодействия распространению заболеваний, заложил огромный потенциал в ее применении, но ограничил его только одним заболеванием — наркоманией. Не умаляя опасности заболевания наркоманией, стоит вспомнить и про другие социально значимые заболевания.

Такое положение вещей создает неравенство осужденных при применении к ним мер медицинского воздействия. Как отмечалось выше, осужденные к изоляционным наказаниям, при условном осуждении и условно-досрочно освобожденные по решению суда, обязаны пройти курс лечения и реабилитации социально значимых заболеваний. В случае же с наказаниями без изоляции возможность назначения лечения и реабилитации остается только для больных наркоманией.

С целью устранения правового пробела предлагаем законодательно закрепить возможность возложения на больного социально значимым заболеванием осужденного дополнительной обязанности при назначении наказания, не связанного с изоляцией, пройти лечение и реабилитацию, исходя из положительного опыта применения лечения и реабилитации осужденных больных наркоманией. Для этого целесообразно изменить гипотезу ст. 72.1 УК РФ, заменив слово «наркомания» на словосочетание «социально значимое заболевание», чем, как следствие, закрепить назначение лечения от соответствующего заболевания. С учетом изменения ч. 1 ст. 72.1 УК РФ изложить в следующей редакции:

«При назначении лицу, признанному больным социально значимым заболеванием, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от соответствующего заболевания, медицинскую и (или) социальную реабилитацию».

С учетом внесенных изменений требуется изменить название статьи: «*Назначение наказания лицу, признанному больным социально значимым заболеванием*».

При внесении указанных изменений в ч. 5 ст. 73 УК РФ автоматически устраняется проблема с другой категорией осужденных, к которым применена мера уголовно-правового воздействия в виде условно-досрочного освобождения. Ко-

нечно, видится нелогичным, что суд принимает решение о возможности освобождения лица, не прошедшего курс лечения от заболевания, указанного в ч. 3 ст. 18 УИК РФ, то есть наказанием не достигнута цель, указанная в ч. 1 ст. 1 УИК РФ⁷. Как указывает А.А. Савин, необходимо предусмотреть отдельную процедуру условно-досрочного освобождения осужденных, больных социально значимыми заболеваниями⁸. Соглашаясь с мнением А.А. Савина, считаем, что при условно-досрочном освобождении должна быть применена обязанность продолжить лечение и (или) реабилитацию от социально значимого заболевания.

Учитывая расширение перечня заболеваний, которые отнесены к социально значимым и регламентированы в нескольких статьях УК РФ, представляется нецелесообразным дублирование понятия в каждой статье. Отечественный законодатель ввел в практику применение примечаний при первом упоминании нормы, к примеру, в рамках ст. 73, 139, 141.1, 143, 198 и других норм УК РФ, которое разъясняет понятие того или иного термина. Следуя устоявшейся практике, целесообразно внести примечание к ст. 72.1 УК РФ, следующего содержания:

Примечание. В настоящей и других статьях настоящего Кодекса к социально значимым заболеваниям относятся алкоголизм, наркомания, токсикомания, туберкулез, венерические заболевания, ВИЧ-инфекция, гепатиты В и С.

Резонно будет заметить, что в примечании не в полной мере представлены психические заболевания, которые отнесены к социально значимым заболеваниям. В отечественном уголовном праве присутствует отдельный институт, регламентирующий применение мер уголовно-правового воздействия к лицам с расстройствами поведения и психическими расстройствами (глава 15 УК РФ). С учетом этого, в примечание вынесены лишь несколько психических заболеваний.

Аналогичным образом использовать примечание возможно и в уголовно-исполнительном законодательстве. Применив его в ст. 18 УИК РФ,

⁷ См. например: Эрхитуева Т.И. Значение условного осуждения и условно-досрочного освобождения для достижения целей наказания // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1—4), № 1. С. 59—61.

⁸ Савин А.А. Условно-досрочное освобождение осужденных, больных социально значимым заболеванием: проблемы и предложения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 195.

предварительно заменив перечень заболеваний, указанный в ч. 3 ст. 18 УИК РФ, сочетанием «социально значимые заболевания». С учетом изменений ч. 3 ст. 18 изложить в следующей редакции:

К осужденным к наказаниям, указанным в части первой настоящей статьи, больным социально значимыми заболеваниями, учреждением, исполняющим указанные виды наказаний, по решению медицинской комиссии применяется обязательное лечение.

Большинство социально значимых заболеваний являются угрозой национальной безопасности РФ, поэтому профилактика и лечение этих заболеваний является приоритетной задачей⁹. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные средства противодействия распространению социально значимых заболеваний за последние два десятилетия широко применяются по причине высокой эффективности. Предложенная унификация уголовного и уголовно-исполнительного

законодательства позволит расширить возможности уголовно-исполнительного законодательства в сфере профилактики и лечения социально значимых заболеваний.

Стоит учесть, что предложенное нами внесение изменений в УК РФ и УИК РФ, несомненно, затронет и другие смежные нормативно-правовые акты. К примеру, п. 7.2 ч. 1 ст. 299 УПК РФ в части вопросов, которые суд решает при постановлении приговора. На наш взгляд, целесообразно и в этом случае рассматривать более широкий спектр заболеваний, чем одно заболевание наркоманией.

Расширение перечня заболеваний, которые должны учитываться при вынесении приговора, затронет, в том числе, институт индивидуализации назначения наказания, что с большой вероятностью повысит его эффективность¹⁰. Конечно, этот вопрос требует более детального рассмотрения, на что мы хотим обратить внимание коллег-исследователей в смежных отраслях права.

⁹ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., например: Харитонович Е.Д. Исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в отношении лиц, страдающих различными видами заболеваний: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2020. С. 17—41.

УДК 343.132
ББК 67.410.212

Ольга Михайловна ЕФРЕМОВА,
преподаватель-методист учебного отдела Орловского
юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова, майор полиции
E-mail: efremovaolga@rambler.ru

Виталий Федорович ВАСЮКОВ,
доцент кафедры уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики Московского государственного
института международных отношений (Университета) МИД России,
профессор кафедры криминалистики и предварительного
расследования в органах внутренних дел Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: vvf0109@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛНОМОЧИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся сущности и правового регулирования полномочий следователя. Авторами на основе анализа мнений ученых определяются основные проблемы формирования понятийного аппарата в этой сфере. Акцентируется внимание на том, что следователь, учитывая свое процессуальное положение, оценивает ситуации, возникающие при производстве по уголовному делу, при этом в зависимости от результатов этой оценки принимает решение, вправе или обязан он действовать определенным образом.

Ключевые слова: следователь, правовое регулирование, полномочия, функции, процессуальная самостоятельность, расследование.

Olga Mikhailovna EFREMOVA,
Teacher-methodologist of the Educational Department
of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.V. Lukyanov, Police Major
E-mail: efremovaolga@rambler.ru

Vitaliy Fedorovich VASYUKOV,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology of the MGIMO University
(Moscow State Institute of International Relations),
Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary
Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Oryol Law Institute
of the MIA of Russia named after V.V. Lukyanov, Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: vvf0109@yandex.ru

ON THE NATURE AND LEGAL REGULATION OF THE INVESTIGATOR'S POWERS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article deals with certain issues related to the nature and legal regulation of the investigator's powers. Based on the analysis of scientists' opinions, the authors determine the main problems of forming the conceptual apparatus in this area. Attention is drawn to the fact that the investigator, taking into account his procedural position, assesses the situations that arise in the course of criminal proceedings, and depending on the results of this assessment, decides whether he has the right or obligation to act in a certain way.

Keywords: investigator, legal regulation, powers, functions, procedural independence, investigation.

Фундаментом досудебного судопроизводства является доказывание по уголовному делу, содержание которого представляет собой триумвират процедур — собирание, проверка и оценка доказательств. При этом основополагающим способом собирания доказательств при расследовании уголовных дел выступают следственные действия, являющиеся центральными звеньями в цепи доказывания. Однако соединение этой цепи в необходимую последовательность невозможно без умелого и выверенного навыка, которым должна обладать одна из центральных фигур уголовного судопроизводства — следователь.

Уголовно-процессуальные нормы, устанавливающие определенные правила на совершение конкретных действий, призваны упорядочивать отношения между установленным кругом субъектов с целью недопущения ими нарушения прав и свобод вовлекаемых в процесс участников.

Как определяет В.В. Уланов, процессуальная самостоятельность следователя является неизменной, при этом законодатель идет по пути расширения полномочий следователя и определения его процессуальной независимости и самостоятельности¹.

Данному вопросу было уделено внимание многими исследователями. Так, например, Ю.В. Францифоров и Д.В. Ванин предлагают определение термина «полномочия следователя» в контексте неразрывного единства прав и обязанностей. В данном случае, по мнению авторов, права следственных органов являются одновременно их обязанностью перед государством². В свою очередь, П.А. Лупинская обозначает полномочия следователя как регламентированные уголовно-процессуальным законом определенные процессуальные права по осуществлению процессуальных и следственных действий³.

К этому суждению хотелось бы добавить, что мыслительный процесс по выбору решения определенной правоприменительной практики в

ситуации неопределенности факта строится на внутреннем убеждении следователя.

А.А. Давлетов экспонирует довольно интересное предположение о том, что законодатель ясно и однозначно наделяет следователя статусом государственно-властного «хозяина» дела, исполняющего руководящую роль в производимом им действии, и предоставляет ему необходимый набор полномочий⁴. Думается, в связи с тем, что следователь несет личную ответственность за своевременность, законность и обоснованность совершаемых им процессуальных действий и принимаемых решений, он, скорее, выступает не «хозяином», а процессуальным «голкипером», постоянно отражающим атаки со стороны защиты, а также указания и представления со стороны руководителя следственного органа, прокурора и суда.

Справедливо утверждение С.Ф. Шумилина о том, что отсутствие в УПК РФ четкой дефиниции понятия «полномочия следователя» вызывает затруднения при определении меры возможного и должного в конкретных процессуальных ситуациях, которые детерминируют реализацию полномочий следователя. При этом признаком несовершенства закона является также и то, что судебными органами формулируются правовые позиции, которые фактически расширяют или ограничивают установленные в УПК РФ такие полномочия⁵.

Большинство уголовно-процессуальных норм, в которых установлены основания и порядок производства следственных действий, сконструированы таким образом, что вывод о том, вправе или обязан следователь производить то или иное следственное действие, возможен при существовании определенных условий. Например, имеющаяся информация о том, что фигуранты во время совершения преступления разговаривали по мобильному телефону, закладывается в базис основания по инициированию процедуры получения информации о местоположении абонентов, активность которых была проявлена в этом районе.

В то же время анализ структуры этих же норм, осуществляемый с учетом процессуальных ситуаций, в которых они используются, говорит о

¹ Уланов В.В. Самостоятельность и независимость следователя при осуществлении процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2012. № 2 (61). С. 38—43.

² Францифоров Ю.В., Ванин Д.В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 129.

³ Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. П.А. Лупинской. М.: Юрист, 1995. С. 55.

⁴ Давлетов А.А. Право адвоката применять технические средства при производстве следственных действий // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 44—48.

⁵ Шумилин С.Ф. Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации. М.: Экзамен, 2006. С. 5.

том, что в ряде случаев следователь обязан осуществлять определенный алгоритм, состоящий из последовательно проведенных следственных действий. Наиболее ярким примером этому служит специфика реализации в доказывании видеофайлов, копирование которых происходит при производстве выемки в помещении, где установлен стационарный компьютер с функцией сохранения данных, фиксируемых камерами видеонаблюдения (в практике именуемое «съем с камер»). После проведения выемки электронного носителя информации следователь обязан провести осмотр скопированных видеозаписей. Соответственно, при обнаружении значимой для доказывания информации в ходе просмотра видеофайлов для верификации установленных фактов в обязательном порядке назначается судебная экспертиза. В последующем в ходе целого спектра следственных действий имеющаяся информация должна быть использована в качестве доказательственной.

Однако в каждой отдельной ситуации применение алгоритма определяется не только обязанностью проведения конкретного следственного действия, но и правом, которым наделяется следователь. Например, при анализе результатов осмотра места происшествия и сопоставлении информации с картографических сервисов следователь приходит к выводу о том, что при осмотре исследовались не все здания для обнаружения камер видеонаблюдения, и впоследствии принимает решение провести дополнительный осмотр.

Поэтому отдельного осмысления заслуживает дуалистическая природа любого полномочия, как правоустанавливающего, так и имеющего характер предписания к исполнению определенных действий. Рассуждая по этому поводу, А.А. Эйсман упоминает о двух элементах, из которых состоит полномочие должностного лица: 1) право уполномоченного лица на оценку ситуации; 2) обязанность поступать определенным образом, исходя из этой ситуации⁶. Иными словами, следователь, учитывая свое процессуальное положение, оценивает ситуации, возникающие при производстве по уголовному делу, при этом в зависимости от результатов этой оценки принимает решение о том, вправе или обязан он действовать определенным образом.

⁶ Эйсман А.А. Вопросы структуры и языка уголовно-процессуального закона // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. М., 1972. С. 34.

Представляется нецелесообразным использовать ограничения в определении полномочий следователя в силу того, что он, исходя из сформировавшейся конкретной ситуации при расследовании преступления, опираясь на нормы закона, может сам решить вопрос о том, вправе он или обязан произвести определенные действия или принять определенные решения. Четкая корреляция полномочий с процессуальной самостоятельностью следователя прослеживается как раз при реализации определенных уголовно-процессуальных функций.

В дополнение к сказанному следует озвучить мнение, получившее отражение в литературе, что процессуальная самостоятельность — это право следователя оценивать доказательства и принимать решение по основным вопросам предварительного следствия, опираясь на внутреннее убеждение⁷.

В свою очередь, следует подчеркнуть системообразующее полномочие, определяемое положениями ст. 21 УПК РФ, по осуществлению уголовного преследования⁸. Оно, по сути, представляет собой исходное право на реализацию других закрепленных в уголовно-процессуальном законе полномочий следователя при наличии оснований для формулирования обвинительного тезиса, обоснования его истинности и разрешения путем направления уголовного дела в суд с обвинительным заключением или прекращения уголовного преследования⁹.

Между тем такое право может быть реализовано только в условиях соблюдения следователем совокупности установленных правил и предписаний. При этом законность такого решения осознается и влияет на поведение следователя лишь при наличии законодательного урегулирования общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства.

Дополним, что решения, принимаемые следователем, должны иметь прочную правовую основу, определяемую нормами уголовно-процессуального законодательства, в том числе для сохранения объективно необходимого баланса ин-

⁷ Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск: Омский государственный университет, 2006. С. 143.

⁸ Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2004. С. 12.

⁹ Шумилин С.Ф. Указ. соч. С. 79.

тересов участников досудебного судопроизводства по уголовному делу. Тем временем существование такой основы предполагает своевременность и правильность правового регулирования формирования в содержании и организационной структуре следственных действий базиса правоотношений, служащего предпосылкой для формирования сознательной дисциплины их субъектов¹⁰. Определяемое как незыблемый элемент общественного поведения, надлежащее условие предполагает, что свои функции следователь может осуществлять исключительно правовыми средствами — с помощью принятия обоснованных решений и обеспечения их реализации¹¹.

Эффективность реализации своих полномочий обуславливается, прежде всего, необходимостью определения цели принимаемого решения и того, какую пользу оно может принести. И.А. Антонов подчеркивает, что, осуществляя функцию расследования, следователь должен обладать самостоятельностью, независимостью и всеми иными правами, необходимыми для того, чтобы всесторонне, полно и беспристрастно исследовать обстоятельства совершенного уголовно наказуемого деяния и принять законное, объективное и справедливое решение¹².

Значительное внимание принятию решений в уголовном судопроизводстве уделяет П.А. Лупинская. По ее мнению, решения выражаются в правовых актах установленной законом процессуальной формы, в которых государственный орган или должностное лицо в пределах своих полномочий и в определенном законом порядке дает ответы на возникшие по делу правовые вопросы, основанные на установленных фактических обстоятельствах дела и предписаниях закона и содержащие властное волеизъявление о действиях, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства¹³. В свою очередь, достаточно ясно видится в этом опре-

делении, что полномочия следователя выражаются в его решениях.

Нормативной основой определения полномочий следователя могут служить положения п. 41 ст. 5 УПК РФ, в соответствии с которыми следователем является должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Также, согласно положениям данного пункта, следователь может осуществлять иные полномочия, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством¹⁴.

Представленный норматив полностью коррелирует с содержанием ст. 38 УПК РФ, из текста которой явствует, что следователь уполномочен на широкий спектр действий, указанных как в самой статье, так и в иных положениях уголовно-процессуального законодательства. Полномочия следователя по производству следственных и иных процессуальных действий регламентируются в ч. 1 ст. 86 УПК РФ и детализируются в нормах, регулирующих основание и порядок производства конкретных следственных и иных процессуальных действий.

В литературе выделяются необходимые условия реализации полномочий по производству следственного действия. Первым условием является *динамичность*, формирующаяся в рамках использования правовых механизмов. Вторым условием — *оптимальность* реализации, выражающаяся в адекватной оценке сложившейся ситуации. Третье условие заключается в *прогностичности*, то есть в процессе реализации полномочий требуется рассчитывать возможные варианты развития событий, а также риск наступления негативных последствий. Четвертым (и, по сути, главным) условием является *профессионализм* в принятии решений. Принимаемое следователем решение должно быть конкретным, ясным, обоснованным, простым, точным, касающимся конкретных обстоятельств дела¹⁵.

Конструкция норм уголовно-процессуального закона, в которых определяются основания и

¹⁰ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М.: Юрид. лит., 1997. С. 195.

¹¹ Винницкий И.Е. Законность, справедливость и целесообразность в правоприменительной деятельности органов власти // Право и образование. 2009. № 9. С. 158—166.

¹² Антонов И.А. Работа следователя: противоречия процессуального положения, решаемых задач и ответственности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 15—19.

¹³ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юристъ, 2006. С. 21—22.

¹⁴ Аширбекова М.Т., Кудин Ф.М. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации): монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 45.

¹⁵ Миликова А.В. Процессуальные и тактические принципы принятия следователем решений о производстве следственных действий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 2 (23). С. 119—122.

порядок производства следственного действия, такова, что нет возможности четко сказать, обязан или вправе следователь произвести то или иное следственное действие.

Необходимость в производстве следственных действий формируется не в силу каких-либо строгих ограничений, установленных законом, а с учетом существующей конкретной процессуальной ситуации. Решение следователя о производстве следственного действия складывается на основе дискретных процедур.

В свою очередь, основываясь на позиции Конституционного Суда РФ, представляется уместным говорить о том, что предоставленные следователю полномочия реализуются им не произвольно, а по основаниям и по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом. Данная позиция базируется на незыблемой правовой предпосылке: законодатель, наделяя следователя полномочием самостоятельно направлять ход расследования, а также принимать процессуальные решения, не освобождает следователя от выполнения всего комплекса мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 4-О).

Резюмируя изложенное, следует отметить, что полномочия следователя имеют свойствен-

ную им дуалистическую природу. С одной стороны, законодатель определяет рамки действия таких полномочий, с другой — позволяет действовать следователю в зависимости от сложившейся процессуальной ситуации в строго установленных нормативных пределах.

Отсутствие общепринятой дефиниции понятия «полномочия следователя» может способствовать определенному дискурсу в научном понимании, так как определение границ возможного и должного поведения следователя в конкретных процессуальных ситуациях калибруется исходя из сложившейся правоприменительной практики того или иного механизма.

Одной из опор публичности полномочий следователя является дискреционное усмотрение, выражающееся в отсутствии ограничений в выборе на использование определенного полномочия и определения его пределов в конкретной процессуальной ситуации.

Предоставляемые следователю полномочия реализуются им не произвольно, а по основаниям и по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом, которые вменяются следователю для обеспечения прав и интересов участников досудебного производства на той основе, что следователь самостоятельно направляет ход расследования, а также принимает процессуальные решения.

УДК 343.132
ББК 67.410.212

Кирилл Константинович КЛЕВЦОВ,
доцент кафедры уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики Московского государственного
института международных отношений (Университета)
МИД России, кандидат юридических наук
E-mail: klevtsov001@gmail.com

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье затронуты и обобщены некоторые проблемы, которые наиболее часто встречаются на практике в ходе уголовного преследования по делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, в результате чего автором определяется общий вектор их разрешения и формулируются соответствующие выводы.

Ключевые слова: досудебное производство, уголовное преследование, преступления в сфере предпринимательской деятельности, меры пресечения, изъятие электронных носителей информации.

Kirill Konstantinovich KLEVTSOV,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology
of the MGIMO University (Moscow State Institute
of International Relations), Candidate of Law
E-mail: klevtsov001@gmail.com

SOME ASPECTS OF CRIMINAL PROSECUTION IN CASE OF CRIMES IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Abstract. In the article, the author touches upon and summarizes some of the problems that are most often encountered in practice in the criminal prosecution of business crimes, as a result of which the author determines the general vector of their resolution and formulates appropriate conclusions.

Keywords: pre-trial proceedings, criminal prosecution, business crimes, preventive measure, seizure of electronic media.

В настоящее время, согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208, одной из главных угроз экономической безопасности нашей страны является высокий уровень коррупции в экономической сфере (подп. 18 п. 12).

При этом среди основных задач по реализации направления, касающегося обеспечения безопасности экономической деятельности, в приведенной стратегии выделены:

(I) снижение рисков ведения предпринимательской деятельности, связанных с возможнос-

тью использования формальных поводов для ее остановки, а также недопущение избирательного правоприменения в отношении субъектов предпринимательской деятельности;

(II) профилактика, предупреждение и предотвращение рейдерских захватов, иных преступных и противоправных действий в хозяйственно-финансовой сфере, осуществляемых в том числе с вовлечением представителей правоохранительных, регулирующих и контрольно-надзорных органов, государственных корпораций и компаний с преобладающим участием Российской Федерации;

(III) создание условий, исключаящих возможность сращивания интересов должностных лиц бизнес-структур и представителей государственных органов, профилактика и предупреждение формирования коррупционных схем их взаимодействия, в том числе с участием в этих схемах представителей бизнеса иностранных государств;

(IV) претотвращение преднамеренного банкротства и иных противоправных действий в отношении субъектов экономической деятельности.

Однако, несмотря на перманентные, согласованные и систематические действия органов государственной власти Российской Федерации, направленные на оптимизацию отечественной правоохранительной деятельности и определение разумного баланса между защитой частных и публичных интересов, сложившаяся в последняя время обстановка в предпринимательской среде, связанная с необоснованным давлением на бизнес, свидетельствует о необходимости существенных перемен в первую очередь юридического характера.

На такую правовую потребность обратил внимание и глава государства В.В. Путин, отметив, что «ресурс уголовной юстиции должен перестать быть инструментом решения хозяйственных конфликтов между юридическими лицами»¹.

Проведенный автором анализ некоторой практики по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности позволяет выделить наиболее распространенные, по мнению автора, проблемы, как законодательного, так и организационного характера, с которыми сталкиваются сторона обвинения и защиты².

(1) Отсутствие в законе понятия преступления, совершенного в сфере предпринимательской деятельности, приводит к тому, что оно трактуется чрезмерно широко представителями предпринимательской среды и крайне узко — органами, осуществляющими предварительное расследование

и оперативно-разыскную деятельность. Очевидно, что это негативно сказывается на применении участниками уголовного судопроизводства положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)³.

Для преодоления подобной правовой неопределенности, с учетом того, что большинство проблем, связанных с трактовкой указанного понятия, возникают при применении уголовно-процессуального закона, его законодательное определение, как представляется, должно быть включено непосредственно в ст. 5 УПК РФ, в которой раскрываются понятия, используемые в данном нормативно-правовом акте.

(2) Ряд уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности были возбуждены в результате трансформации гражданско-правовых отношений в уголовно-правовые. Очевидно, что умышленный перевод по формальным основаниям гражданских правоотношений в уголовно-правовое поле своевременно должен пресекаться как в рамках судебного и ведомственного контроля, так и при осуществлении прокурорского надзора⁴.

При даче правовой оценки спорной ситуации, возникшей, к примеру, между хозяйственными субъектами, органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность и предварительное расследование, или органы прокуратуры должны обоснованно разграничивать признаки преступления от признаков другого правона-

³ Сегодня правоприменители исходят из правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», и под преступлениями, совершенными в сфере предпринимательской деятельности, понимаются указанные в части 1.1 статьи 108 УПК РФ противоправные деяния. См.: Указание Генпрокуратуры России, МВД России, Следственного комитета России, ФСБ России, ФТС России от 23.07.2020 г. № 387/49/1/7985/1/218/23/266-р «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности» (далее — Указание от 23.07.2020).

⁴ В науке данная проблематика также была озвучена. См.: Крылова Н.Е. Мошенничество или законная гражданско-правовая сделка. Как правильно квалифицировать деяние // Уголовный процесс. 2020. № 1. С. 24—31.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 01.09.2020).

² Обозначим, что некоторые проблемы нашли свое отражение в отчетах Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. См. доклады Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей за 2016, 2017, 2018, 2019 гг. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2019.html (дата обращения: 01.06.2020).

рушения (административного, дисциплинарного и гражданско-правового деликта)⁵.

Поэтому, полагаем, в подп. 1.1 Указания от 23.07.2020 говорится о недопустимости вмешательства в гражданско-правовые отношения правоохранительных органов хозяйствующих субъектов. При выявлении незаконного вмешательства необходимо оперативно реагировать на такие факты действиями надзорных и вышестоящих подразделений.

(3) Формальный учет и игнорирование по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности доводов, изложенных в решениях, принятых в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства и имеющих прямое значение для всестороннего расследования⁶. Видимо, поэтому в соответствии с подп. 2.6 Указания от 23.07.2020 предписывается, что при проверке законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений о возбуждении уголовных дел в отношении предпринимателей необходимо учитывать наличие между хозяйствующими субъектами гражданско-правового спора, его характер и содержание, а также обстоятельства, установленные приговором или иным вступившим в законную силу решением суда.

(4) Несмотря на недавнее включение в ст. 210 УК РФ примечания о непривлечении предпринимателей по данной статье в силу только организационно-штатной структуры организации и (или) ее структурного подразделения и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности⁷, данная статья уголовного закона все равно инкриминируется представителям бизнес-сообщества⁸. Приведенное при-

мечание не применяется в ситуациях, когда организация или ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Соответственно, введенная правовая оговорка не выступает как абсолютная гарантия защиты от необоснованного преследования.

В силу абзаца 4 подп. 3.10 Указания от 23.07.2020 уполномоченным прокурорам, указанным в п. 3, предписывается при обнаружении фактов предъявления формальных обвинений в отсутствие доказательств, в том числе по повышенной квалификации, незамедлительно принимать меры реагирования.

(5) Проблема относительно применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ о запрете избрания меры пресечения в виде заключения под стражу по преступлениям в сфере предпринимательской деятельности. Этот запрет действует, если подозреваемый или обвиняемый: (а) имеет постоянное место жительства в РФ; (б) его личность установлена; (в) им не нарушена ранее избранная мера пресечения или (г) он не скрылся от органов предварительного расследования и суда.

В этой связи Указание от 23.07.2020 предписывает пресекать инициирование избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности, при отсутствии обстоятельств, предусмотренных п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Однако на практике ситуация может быть решена путем умышленного создания искусственных (не соответствующих действительности) обстоятельств с тем, чтобы заключить лицо под стражу. К примеру, может быть указано о нарушении ранее избранной меры пресечения (например, подписки о невыезде и надлежащем поведении – ст. 102 УПК РФ) или подтверждении того, что лицо скрылось от следствия.

Так, в ходе производства по уголовному делу по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ, в обоснование избрания меры пресечения в виде заключения под стражу были представлены результаты оперативно-разыскной деятельности, свидетельствующие о нарушении ранее избранной в отношении К. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, а также его возможном уклонении от следствия. Из указанных материалов следовало, что обвиняемый К. приобрел авиабилеты в Великобританию, где у него имеется в совместной собственности недвижимость.

⁵ На этот счет Генеральной прокуратурой Российской Федерации были разработаны Рекомендации о критериях разграничения понятий «сообщение о преступлении» и «сообщение о происшествии» от 31.03.2010 г. № 36-13-2010.

⁶ См.: Комиссарова Е.Г., Кузнецова О.А., Борисевич Г.Я. Межотраслевая преюдиция как средство противодействия экономической преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 90–97.

⁷ Примечание введено Федеральным законом от 01.04.2020 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁸ См.: Куприянов А.А., Куприянов Ф.А. Организация преступного сообщества: всегда ли квалификация оправдана // Уголовный процесс. 2014. № 10. С. 40–47.

В ходе ведомственного и судебного контроля был выявлен факт фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, а именно то, что оперативные подразделения, сопровождающие данное уголовное дело, приобрели с помощью виртуальной карты, узнав заблаговременно анкетные данные обвиняемого, билеты за рубеж, с целью подтвердить якобы его дальнейшее уклонение от следствия и необходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Преступные действия правоохранительных органов были своевременно пресечены, в отношении сотрудников правоохранительных органов было возбуждено уголовное дело.

Кроме того, встречаются случаи, когда недобросовестные следователи из тактических соображений и по формальным основаниям незаконно дополнительно инкриминируют в вину предпринимателю иное тяжкое преступление по другой статье уголовного кодекса в целях заключения его под стражу (к примеру, та же самая ст. 210 УК РФ).

В этой связи Пленум Верховного Суда Российской Федерации 11 июня 2020 г. внес в постановление от 19.12.2013 г. № 41 существенные изменения относительно избрания и применения мер пресечения по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, и документ получил новое наименование — «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»⁹.

(6) Использование юридической фикции, связанной с подменой срока расследования по формальным основаниям или немотивированным его приостановлением.

По этому поводу в Указании от 23.07.2020 говорится, что необходимо при выявлении фактов подмены процессуального срока расследования необоснованным приостановлением либо прекращением уголовных дел с последующим установлением дополнительного срока руководителями следственных органов инициировать по каждому такому случаю вопрос о внесении акта реагирования вышестоящему руководителю следственного органа, вплоть до руководства

⁹ Подробнее о новых разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации см.: *Червоткин А.С.* Новые разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам применения мер пресечения // Уголовный процесс. 2020. № 8. С. 24—30; *Аширбекова М.Т., Попова Л.В.* Заключение под стражу предпринимателей, обвиняемых в создании преступного сообщества. Как изменить практику // Уголовный процесс. 2020. № 8. С. 31—37.

Следственного департамента МВД России, Следственного комитета Российской Федерации и Следственного управления ФСБ России.

(7) Встречаются ситуации, когда суды продлевают срок содержания под стражей в отношении подозреваемых (обвиняемых) по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, несмотря на то, что материалы уголовного дела свидетельствуют о наличии необоснованной задержки в осуществлении следственных действий. При этом в ходатайстве о продлении срока содержания под стражей следственных органов не указана информация о полноте проведенных следственных действий и причинах невозможности завершения следствия в установленные сроки. Очевидно, что данная проблема должна быть устранена в порядке судебного контроля.

(8) До сих пор в российском уголовно-процессуальном законодательстве не определен статус заключения налогового органа, представляемого органам предварительного расследования в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, установленном ч. 9 ст. 144 УПК РФ, а именно — является ли такой правовой документ заменой заключения эксперта или специалиста либо у данного документа какой-то иной правовой статус. Практика исходит из того, что данный документ отвечает требованиям, предъявляемым к иным документам (ст. 84 УПК РФ). Впрочем, имеются в следственной практике и случаи признания таких налоговых документов заключениями специалиста, что, в свою очередь, вряд ли оправданно с точки зрения правовой природы уголовно-процессуальных доказательств.

(9) Несмотря на включение в УПК РФ нововведенного положения (ст. 164.1) относительно особенностей изъятия электронных носителей информации¹⁰ и копирования с них информации

¹⁰ Несмотря на отсутствие в УПК РФ легальной дефиниции указанного понятия, ГОСТ 2.051—2013 подразумевает под электронным носителем материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники. Электронные носители информации могут как использоваться в качестве самостоятельных объектов (флеш-накопителей, карт памяти, различных съемных накопителей, компакт-дисков и т.п.), так и входить в состав различных объектов (серверов, системных блоков, ноутбуков, видеорегистраторов, планшетов, мобильных телефонов и т.п.). Подробнее см.: Информационное письмо Следственного комитета Российской Федерации от 12.03.2019 г. № Исоп-226/2-8811-19 «Особенности применения статей 164 и 164.1 УПК РФ при производстве следственных действий».

при производстве следственных действий по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, данная норма не всегда соблюдается с учетом ее предназначения и огрехов в плане юридической техники.

В первую очередь это объясняется тем, что в указанной норме имеются исключения, по которым можно изъять электронные носители по рассматриваемым нами уголовным делам. К примеру, они изымаются, если информация на таком носителе может быть использована для совершения преступлений или если копирование ее, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение. Разумеется, это оценочное понятие и может быть формально расписано в постановлении и протоколе выемки при необходимости. Следовательно, данная норма носит опять же условный характер.

В то же время, несмотря на имеющуюся на сегодня ст. 15 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», на практике не всегда выполняется органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, требование о предоставлении копии информации, содержащейся на изъятом электронном носителе информации, ее законному владельцу или обладателю информации, со ссылкой на предусмотренную в законе оценочную формулировку, в силу которой копирование информации может воспрепятствовать осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

Очевидно, это касается не только электронных носителей, но и бумажной документации, необходимой для продолжения осуществления законной предпринимательской деятельности. При этом в соответствии с подп. 2.12 Указания от 23.07.2020 в каждом случае правоприменителям необходимо исходить из того, что изъятие оригиналов правоустанавливающих и иных необходимых для осуществления хозяйственной деятельности документов влечет за собой дополнительные издержки, в связи с чем нужно исклю-

чить факты изъятия предметов и документов, не относящихся к проверке, предметов, используемых при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих на законных основаниях лицам, не являющимся в уголовном деле подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если это не требуется в целях обеспечения их сохранности и проведения с ними следственных действий, а также предотвращения их дальнейшего использования для совершения преступлений.

Подведя итог исследованию некоторых вопросов, возникающих в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, можно прийти к выводу, что современная законодательная база по таким делам должна быть пересмотрена. С одной стороны, необходимо принимать во внимание сложившуюся на сегодняшний день негативную практику правоохранительных органов, связанную с оказанием неправомерного давления на хозяйствующие субъекты и произвольным толкованием уголовно-процессуальных норм, а с другой стороны — учитывать все более изощренные способы совершения общеуголовных преступлений, когда они преднамеренно выдаются за гражданско-правовые конфликты или относятся к разряду «предпринимательских преступлений» по формальным признакам.

Р.С. Многие из перечисленных проблем уже известны как науке, так и практике, вследствие чего автор не претендовал в исследовании обозначить все проблемы, которые возникают по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, а лишь выделил те из них, которые носят повсеместный и системный характер, с целью определения вектора их возможного разрешения в комплексном плане. Современная практика правоохранительных органов каждый раз вносит свои коррективы и предлагает новые варианты толкования норм права в данной сфере. Надеемся, что в ближайшее время будет сформирована единая и законная практика на данный счет.

УДК 343.14
ББК 67.410.104

Игорь Викторович МАСЛОВ,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института экономики и культуры,
кандидат юридических наук
E-mail: IgorMaslof@rambler.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

**РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И НЕКОТОРЫЕ
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕГО ДИАЛЕКТИКЕ**
(в рамках полемики со статьей Ю.А. Цветкова
«Диалектика уголовного процесса»)

Аннотация. В статье рассматривается развитие уголовного процесса на примере развития форм оценки доказательств, развитие норм о соблюдении прав личности, вовлекаемой в судопроизводство в качестве участника. Указывается, что эти институты могут блокироваться излишней формализацией процессуальной формы. Сделан вывод о том, что свободная форма оценки доказательств изживает себя и необходимо построение научно обоснованной методики оценки доказательств. Данная методика может основываться на новой гносеологии, а изменение правил оценки доказательств повлечет существенное изменение иных процессуальных институтов.

Ключевые слова: уголовный процесс, гносеология, доказательственное право, ордалии, формальная оценка доказательств, свободная оценка доказательств, развитие уголовного процесса.

Igor V. MASLOV,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines
of the Institute of Economics and Culture,
Candidate of Law
E-mail: IgorMaslof@rambler.ru

**DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL PROCESS
AND SOME REFLECTIONS ON ITS DIALECTICS**
(within the framework of the controversy with the article by Yu.A. Tsvetkov
“Dialectics of the criminal process”)

Abstract. The article examines the development of the criminal process on the example of the development of forms of evidence assessment, the development of norms on the observance of the rights of the individual involved in the proceedings as a participant. The author points out that these institutions may be blocked by excessive formalization of the procedural form. The author concludes that the free form of evidence assessment is becoming obsolete, and it is necessary to build a scientifically sound methodology for evaluating evidence. This method may be based on a new epistemology, and changing the rules for evaluating evidence will entail a significant change in other procedural institutions.

Keywords: criminal procedure, epistemology, evidentiary law, ordalia, formal evaluation of evidence, free evaluation of evidence, development of criminal process.

Рассуждая о диалектическом развитии уголовного процесса и используя в исследовании метод математического моделирования, несвойственный современной процессуалистике, Ю.А. Цветков пришел к выводу, что развитие уголовного процесса невозможно¹.

По его мнению, уголовный процесс совершает колебательные движения в замкнутом пространстве, определяемые функцией двух множителей: эффективности методов уголовно-процессуального познания (1) и защиты прав личности, вовлекаемой в качестве участника уголовного судопроизводства (2). Чем больше эффективность познания, тем меньше (но не равна нулю) защита прав личности, и чем больше защита личности, тем меньше места остается для эффективности познания и доказывания.

Вместе с тем в указанной работе в самом обобщенном виде не рассматривается историческое развитие уголовного процесса, и, наверно, именно поэтому сделаны не совсем верные, по нашему мнению, выводы.

Однако ее автор избрал правильную методику исследования развития уголовного процесса на основании коэволюции:

- *c* — норм доказательственного права и оценки доказательств (когнитивных);
- *d* — норм о защите прав личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство (дефендеретивных).

Развитие когнитивных институтов

В настоящее время в мире господствует европейская форма уголовного судопроизводства, разделяемая на англосаксонскую и континентальную модели. В развитии доказательственного права европейского уголовного процесса можно выделить три этапа на основании форм оценки доказательств.

1. Средневековье. Спор сторон, а он возникает всегда, когда вина в инкриминируемом деянии не признается, разрешался с помощью *ордалий* (различные испытания), результат которых указывал на правоту одного из участников.

2. Новое время. Начинается с Английской буржуазной революции 1640—1650 годов, с апо-

геем в 1688 году. Власть короля существенно ограничивается традицией и рядом законодательных принципов, правовую основу которых заложили Habeas Corpus Act² и Билль о правах (1689).

2.1. «В соответствии с англосаксонской традицией доказательственное право (law of evidence) не относится ни к материальному, ни к процессуальному праву, а представляет собой автономную юридическую дисциплину (отрасль), чаще всего соединяющую как уголовно-процессуальные, так и гражданские процессуальные положения о доказательствах и доказывании»³. Эту модель, даже принимая во внимание Федеральные правила о доказательствах Соединенных Штатов Америки⁴, можно назвать уголовным процессом не только без истины, но и без доказательств. Это интеллектуальная форма средневековых ордалий — стороны состязаются не в физической выносливости, а в красноречии.

2.2. Континентальная форма уголовного судопроизводства заменяет ордалии на формальную (законную) форму оценки доказательств.

3. В конце XIX страны континентальной Европы переходят от формальной оценки доказательств к свободной форме.

Необходимость применения испытаний (ордалий) была вызвана тем, что когнитивные возможности установления истины по делу суд исчерпал, но так и остался в поле неопределенности. Разрешить вопрос о виновности или невиновности из совокупности сведений, представленных сторонами, невозможно, но необходимо. Тогда этот вопрос разрешался с помощью, по сути, жребия — Божьего суда.

Данное правило оценки совокупности доказательств нельзя признать приемлемым, так как нормы материального уголовного права и уголовно-правовая санкция применяются случайным образом. Процедура судопроизводства функционально бесполезна, но ритуал провести необходимо. Если вина не признается, то для большинства случаев спор разрешался жеребьевкой. По существу, данную форму судопроизводства можно охарактеризовать как полное отсутствие норм и традиций доказательственного права и научно обоснованной методики оценки доказательств.

¹ Цветков Ю.А. Диалектика уголовного процесса // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28—29 июня 2014 г.) / под ред. Н.Г. Стойко. СПб, 2015. С. 131—142.

² Английский закон 1679 г. о неприкосновенности личности.

³ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М.: Статут, 2017. С. 418.

⁴ Федеральные правила о доказательствах Соединенных Штатов Америки / пер. О. Анищика // Юрист — Параграф Online.

В Высоком Средневековье (в абсолютных монархиях) возникает формальная форма оценки доказательств, просуществовавшая в странах континентальной правовой системы вплоть до конца XIX века.

Доказательства классифицировались законодателем:

- *на совершенные*, или доказательства высшей степени надежности, когда одного доказательства или совокупности доказательств достаточно для признания лица виновным;
- *несовершенные* доказательства, в достоверности которых судье следует усомниться, а одного или нескольких доказательств этого ряда недостаточно для признания лица виновным.

Классификация совершенных и несовершенных доказательств, а также возрастание силы доказательств (т. 15 Свода законов Российской Империи, введенного в действие в 1835 г.) подробно рассматриваются и анализируются И.Я. Фойницким⁵, а также приводятся в ряде иных работ⁶.

Научной основой формальной оценки доказательств являлись эмпирические обобщения поведения человека и заимствования из естественных наук. Человеку не свойственно сознаваться в предосудительных поступках, за которые последует наказание. Наоборот, свойственно приписывать позитивные свершения или участие в них. Именно поэтому признание, сделанное в суде, — это царица доказательств. Теория математической статистики основывается на том, что вероятность вычисляется путем перемножения всех возможных вероятностей. Соответственно, сведения о событии, полученные из двух независимых источников, увеличивают надежность информации в два раза.

Как справедливо указывал Г.М. Резник в монографии, изданной на основе диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, правила теории формальной оценки доказательств справедливы в *большинстве* случаев. Однако эти правила отвергнуты потому, что не признавали исключений. Судебной практикой они были возведены в абсолют и, главное, при-

нимались судами без какой-либо проверки и оценки⁷.

М.Е. Салтыков-Щедрин устами своего литературного героя так отзывался о формальной оценке доказательств: «Я не схожу в свою совесть, я не советуюсь с моими личными убеждениями; я смотрю на то только, соблюдены ли все формальности, и в этом отношении строг до педантизма. Если есть у меня в руках два свидетельские показания, надлежащим порядком оформленные, я доволен и пишу: *есть*; если нет их — я тоже доволен и пишу: *нет*. Какое мне дело до того, совершено ли преступление в действительности или нет! Я хочу знать, *доказано* ли оно или *не доказано*, — и больше ничего»⁸.

Иными словами, правила формальной оценки доказательств, справедливые для большинства случаев, в ходе непосредственного правоприменения трансформировались в свою противоположность, не став гарантией от случайного порядка применения норм материального уголовного права. Совершенные доказательства не подвергались проверке и вели к осуждению невиновных. В тех случаях, когда не удавалось сформировать совершенные доказательства, лицо оставлялось судом в подозрении, то есть к виновному уголовная санкция не применялась.

Таким образом, и данная методика оценки доказательств признается неприемлемой, и государства континентальной Европы переходят к свободной форме оценки доказательств — по внутреннему убеждению. Начало этого этапа можно отсчитывать с момента принятия Кодекса уголовного следствия Наполеона, или УПК Франции (1808). Этот кодекс, если перефразировать Освальда Шпенглера, — создание французского интеллекта, но английской правовой традиции⁹.

«Оценка доказательств по внутреннему убеждению означает такой порядок, при котором, во-первых, эта оценка производится органом, ведущим производство по делу, при отсутствии заранее установленных правил о значении и силе доказательств и, во-вторых, эта оценка

⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб, 1895.

⁶ Аверина Ю.А. Теория формальных доказательств и судебное правоприменение // Правоведение. 2006. № 5. С. 233—242.

⁷ Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977.

⁸ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 2: Губернские очерки. 1856—1857. М.: Худож. лит., 1965. С. 272.

⁹ У Шпенглера — «создание французской крови, но английского стиля». См.: Шпенглер О. Закат Европы / пер. Н.Ф. Гарелина. Т. 1: Образ и действительность. Новосибирск: Наука, 1993.

завершается категорическими выводами и решениями, исключающими всякое сомнение в их правильности»¹⁰.

На основании ст. 119 Устава уголовного судопроизводства (1864) «О постановлении и объявлении приговоров» мировой судья (вышестоящие суды рассматривали дела с участием коллегии присяжных заседателей и не мотивировали оценку доказательств) решал «вопрос о вине или невинности подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при судебном разбирательстве».

На основании ст. 319 УПК РСФСР (1923) «суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности».

Статьи 17 и 71 («Оценка доказательств») Основ Уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик (1958) и УПК РСФСР (1960) к внутреннему убеждению добавили закон и социалистическое правосознание. «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием».

Представляется, что современный законодатель Украины заимствовал советскую формулировку о правилах оценки доказательств, исключив из нее только «социалистическое правосознание». Так, из ч. 1 ст. 94 УПК Украины («Оценка доказательств») следует, что «следователь, прокурор, следственный судья, суд по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и беспристрастном исследовании всех обстоятельств уголовного производства, руководствуясь законом, оценивают каждое доказательство с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а совокупность собранных доказательств — с точки зрения достаточности и взаимосвязи для принятия соответствующего процессуального решения»¹¹.

¹⁰ Теория доказательств в советском уголовном процессе / [П.С. Белкин и др.; отв. ред. Н.В. Жогин]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. С. 474.

¹¹ Уголовный-процессуальный кодекс Украины (по состоянию на 7 февраля 2013 года) / составление и перевод: О.В. Каплина, И.А. Тутко, О.И. Тищенко, А.П. Туманянц. Харьков: Право, 2013.

На основании § 261 УПК Германии («Свобода в оценке доказательств»), «о результате исследования доказательств суд принимает решение в соответствии со своим свободным убеждением, основанным на общей оценке разбирательства»¹².

В статье 427 УПК Франции указывается, что, принимая решение (без участия присяжных заседателей), «судья решает согласно своим убеждениям»¹³.

Иными словами, отказавшись от неприемлемой методики формальной оценки доказательств и провозгласив следующий шаг в развитии уголовно-процессуального права — свободную форму оценки доказательств, континентальная система права отказалась от методики оценки доказательств вообще.

Практически 100 лет назад М.М. Гродзинский писал об этом так: «Именно эта научная объективизация оснований, по которым должна производиться оценка доказательств, является той фазой, в которую вступает в наши дни доказательственное право по мере того, как оно изжило систему законных доказательств, и по мере того, как оно в настоящее время изживает ныне существующую систему свободного убеждения, лишённого объективно проверенного обоснования»¹⁴. Однако с тех пор юридической наукой так и не было предложено сколько-нибудь приемлемого алгоритма оценки доказательств.

Развитие институтов защиты прав личности

Развитие норм доказательственного права и смена парадигм оценки доказательств, как представляется, происходили одновременно с развитием норм о защите интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, что следует обозначить термином «коэволюция» — совместное и взаимообусловленное развитие.

¹² Цит. по: Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия — Strafprozessordnung (StPO): научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2012. С. 275.

¹³ Цит. по: Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 года: с изм. и доп. на 1 января 1966 г.: [пер. с фр.] / [предисл. С.В. Боботова и В.И. Каминской]. М.: Прогресс, 1967. М., 1967. Также см.: Code de procédure pénale // Légifrance — Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA00006182908> (дата обращения: 10.11.2020).

¹⁴ Гродзинский М.М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925. С. 15.

Именно соблюдение естественных прав человека, которые невозможно ограничивать произвольно, детерминировало принятие английским парламентом Habeas Corpus Act и Билля о правах.

Представляется, что самое существенное нарушение прав человека — это осуждение невиновного, равно как неприменение наказания к виновному. Думаем, что цель уголовного судопроизводства — это поддержание в обществе состояния социальной справедливости, которая достигается, при наличии ряда оговорок, правильным применением норм материального права и не более этого. Закреплённое в ст. 9 УПК РФ в качестве процессуального принципа «уважение чести и достоинства личности» — только частное проявление указанной выше цели судопроизводства.

Говоря о дефендеретивных институтах, относимых советским (УПК РСФСР 1960) и российским уголовным процессом (УПК РФ 2001) к принципам уголовного процесса, следует отметить, что процессуальные принципы — это идеи, не формально закреплённые в декларативных нормах, а идеи, пронизывающие весь уголовный процесс и раскрывающиеся в нормах-предписаниях, нормах, непосредственно регулирующих деятельность официальных участников¹⁵. Однако следует подчеркнуть, что данное воззрение на процессуальные принципы в настоящее время противоречит общепринятой доктрине, но именно на этом подходе базируется школа нижегородских процессуалистов.

Итак, УПК РФ в цель (назначение) уголовного судопроизводства, а также в его принцип возвел 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6).

УПК РСФСР (1960) к задачам и принципам советского уголовного судопроизводства относил быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, выявление как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств (ст. 5 и ч. 1 ст. 20 УПК РСФСР).

¹⁵ Курс советского уголовного процесса / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 136; Томин В.Т. О понятии принципа советского уголовного процесса // Труды высшей школы МООН РСФСР. М., 1965. Вып. 12. С. 193—195.

Действительно, исходя из совокупного анализа данных норм, можно в полном объеме согласиться с Ю.А. Цветковым о смене процессуальной парадигмы: *c*-тенденция (когнитивная) заменена на *d* (дефендеретивную).

Однако при проведении системно-структурного анализа действовавшего и действующего УПК, а также следственной деятельности и порядка рассмотрения уголовных дел судами нам вряд ли удастся обнаружить существенное расширение *d*-тенденции, а тем более расширение в ущерб *c*-тенденции.

Так, если сравнить первоначальную версию УПК РСФСР (1960) и УПК РФ, можно сказать о расширении *d*-тенденции: защитник допускался только на этапе ознакомления с материалами дела и только по делам несовершеннолетних; лиц, имеющих физические или психические недостатки, с момента предъявления обвинения, а по делам, расследуемым в форме дознания, защитник допускался с момента предания суду (ч. 1 ст. 47), когда нормы УПК РФ требуют не допуска, а обеспечения защитником с момента задержания и появления фигуры подозреваемого. Однако термин «карманный адвокат», т.е. адвокат, профанирующий функцию защиты, возник именно с момента принятия УПК РФ¹⁶. Защита осуществлена, а права и интересы соблюдены — если в протоколе имеется подпись защитника.

Если же сопоставить место потерпевшего в уголовном судопроизводстве и возможности не просто защиты, а восстановления его прав, нарушенных совершенным преступлением, то, увы, какого-либо развития в этой части нам выявить и увидеть при историческом анализе не удастся.

При сопоставлении норм о доказательствах и доказывании, только приложив усилия, можно выявить терминологические, стилистические и редакционные, но не существенные отличия, позволяющие утверждать о смене доказательственной парадигмы: она осталась неизменной.

Представляется, что в настоящее время защита прав человека является определенной социаль-

¹⁶ В последние несколько лет с недобросовестной защитой на уровне адвокатских палат субъектов стала вестись активная борьба с применением к адвокатам различных санкций, но в результате получен не адекватный порядок реализации данной функции, а набивание адвокатского досье адвокатами по назначению различными бумагами на случай принесения жалобы на ненадлежащую защиту — бюрократизация и формализация реализации функции.

ной религией, имеющей все признаки суеверия¹⁷: верить не обязательно, главное — соблюдать ритуалы.

Во многих законодательных актах, например в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», преамбула отдельных статей начинается с указанной дефиниции. Но и здесь можно поставить довольно глубокий философский вопрос: являются ли изменения всегда и во всех случаях прогрессом — движением системы от настоящего состояния к более совершенному состоянию, либо мы имеем дело с зигзагом (петлей)?

Подлинное развитие уголовного процесса видится нам как раз в расширении возможностей доказывания и прав личности в уголовном судопроизводстве — расширении диспозитивности. В конечном счете эффективность уголовного процесса — это удовлетворенность потерпевшего в частности и общества в целом полученным результатом.

Отображение уголовного процесса через формулу, произведенное в рассматриваемой работе как $P_{yn} = f(c \cdot d)$, не может быть верным по следующим причинам.

1. P_{yn} , или уголовный процесс, изначально определяется как неизменная постоянная. Таким образом, в ходе исследования Ю.А. Цветков пришел к выводу, что уголовный процесс не может развиваться, т.е. вывод был изначально предопределен условиями постановки задачи.

2. В формуле, определяющей сущность уголовного процесса, присутствуют только две составляющие, но, исходя из требуемого объема статьи, в нее можно включить и третью не менее важную переменную — процессуальную форму.

Что нужно сделать любому лицу, принимающему решения, чтобы законодательное предписание не исполнялось либо исполнялось не в соответствии с буквой закона? Ответ прост — бюрократизировать и формализовать процесс реализации закона до предела: изменить все так, чтобы сущностно ничего не изменилось, а лицо, добивающееся реализации своего права, в конечном счете пришлось бы к выводу, что «овчинка выделки не стоит».

Так, введение в уголовный процесс России заимствованного из европейских правовых тра-

диций судебного санкционирования процессуальных решений органов уголовного преследования, ограничивающих конституционные права граждан, прежде всего решения об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, в начале 2000-х годов вызвало огромное сопротивление со стороны руководства Генеральной прокуратуры Российской Федерации, опасавшегося перераспределения процессуальной власти в досудебном производстве и утери управления расследованием, стремившегося отсрочить вступление в силу указанных норм.

Однако данный институт на российской почве сравнительно с европейской практикой применения существенно трансформировался. По сути, никакого разбирательства о законности, а самое главное — необходимости и целесообразности принятия решения о мере пресечения в суде не происходит, и порядка 90 % ходатайств о заключении под стражу удовлетворяются¹⁸, но после того, как сторона защиты сможет высказать свои возражения.

Как отметила председатель Московского городского суда по нашумевшему в июне 2019 года уголовному делу заключенного под стражу журналиста и спецкора «Медузы» Ивана Голунова, «судья имел документы и по ним принимал решение»¹⁹. Решение принимается в соответствии с документами, представленными стороной обвинения, а фактические обстоятельства судом не учитываются, и потому вины судьи в избрании меры пресечения по делу со сфальсифицированными доказательствами не усматривается. По сути, мы имеем тот же порядок применения заключения под стражу, но существенно усложненный и формализованный.

В порядке, предусмотренном УПК РСФСР (1960), прокурор принимал решение о заключении под стражу, только изучив все материалы уголовного дела и, самое главное, учитывая дальнейшие перспективы — доказывания, окончательной квалификации инкриминируемого деяния и результата рассмотрения дела судом.

Представляется, что прокурор субъективно учитывал и характеристику личности следователя: профессионал или головотяп. Но решение о

¹⁷ «Философия правящего меньшинства расцветает в религию только на краткий период, чтобы тут же превратиться в предрассудок». Арнольд Дж. Тойнби «Постижение истории».

¹⁸ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.09.2020).

¹⁹ Судью по делу Голунова не накажут за его арест // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/news/212409> (дата обращения: 19.06.2019).

заклучении под стражу, как и отказ в даче санкции, оформлялось росчерком пера и проставлением печати на соответствующем постановлении, состоящем из нескольких предложений. Ответственность за принятие данного решения в полном объеме ложилась на прокурора.

В настоящее время для заключения под стражу составляют соответствующее постановление в объеме до 10 листов машинописного текста, к нему прилагают обосновывающие материалы, иногда полную копию уголовного дела. С момента принятия решения о необходимости избрания именно данной меры пресечения до вынесения судом постановления проходит либо весь рабочий день, либо несколько суток. Но вину за ошибку не несет никто.

Причина в том, что в существующей форме рассмотрения ходатайств судья выслушивает доводы защиты, но не в состоянии проверить их обоснованность и достоверность и, более того, дать указания о производстве определенных следственных действий и потом вновь рассмотреть вопрос о заключении под стражу.

Подведем итоги. Уголовный процесс имеет перспективы развития, которые видятся нам следующим образом:

- развитие доказательственного права, прежде всего разработка научно обоснованной методики оценки совокупности доказательств;
- расширение прав потерпевшего и принципа диспозитивности;
- деформализация процессуальной формы.

Представляется, что методика оценки доказательств по внутреннему убеждению изживает себя. Внутреннее убеждение — это представления, ощущения и верования лица, принимающего решения. Именно поэтому в российском уголовном процессе предусмотрено множество контрольных стадий, где выводы следователя проходят многократную проверку и корректировку²⁰. В свою очередь, изменение доказательственного права возможно только на основе новой гносеологии, а это тема самостоятельного и, скорее, монографического исследования.

²⁰ Поздняков М. Смысл и двусмысленность обвинительного уклона // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М., 2012. С. 91—92.

УДК 343.132.2
ББК 67.410.212.2

Ирина Геннадьевна САВИЦКАЯ,
доцент кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: arisha_s@list.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА, ОБЫСКА И ВЫЕМКИ В ЖИЛИЩЕ

Аннотация. В статье проанализированы требования уголовно-процессуального закона, направленные на соблюдение должностными лицами, ведущими предварительное расследование, предусмотренных Конституцией РФ положений об уважении чести, достоинства личности, охране личной жизни граждан при производстве в жилище следственного осмотра, обыска и выемки. Автором рассмотрены актуальные проблемы, которые связаны с ограничением конституционных прав граждан при производстве следственных действий, проводимых в жилище.

Ключевые слова: следственные действия, решение суда, осмотр, обыск, выемка, жилище.

Irina Gennadievna SAVITSKAYA,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: arisha_s@list.ru

ON THE ETHICAL SIDE OF INSPECTION, SEARCH AND SEIZURE IN THE DWELLING

Abstract. The article analyzes the requirements of the criminal procedure law aimed at compliance by officials conducting a preliminary investigation with the provisions of the Constitution of the Russian Federation on respect for the honor and dignity of the individual, protection of the personal life of citizens during the investigative inspection, search and seizure in the dwelling. The author considers topical problems related to the restriction of the constitutional rights of citizens in the course of investigative actions carried out in the home.

Keywords: investigative actions, court decision, inspection, search, seizure, home.

Одним из важнейших элементов процессуальной деятельности органов предварительного расследования и наиболее распространенным способом собирания и проверки доказательств в уголовном судопроизводстве являются следственные действия. Некоторые из них, согласно ст. 29 УПК РФ, могут проводиться только по решению суда, например — о производстве осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц, о производстве обыска, выемки в жилище.

Данные официальной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации за предыдущие годы¹ свидетельствуют о достаточно частом производ-

стве таких следственных действий в ходе производства по уголовным делам, как в целом по России, так и в отдельных регионах (на примере Воронежской области²).

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции в период с 2016 по 2019 г. // Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 24.09.2020).

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции Воронежской области в период с 2016 по 2019 г. // Статистика Управления Судебного департамента в Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: <http://usd.vrn.sudrf.ru> (дата обращения: 24.09.2020).

Таблица 1

Количество ходатайств о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), рассмотренных судами общей юрисдикции РФ в ходе досудебного производства в период с 2016 по 2019 г.

№ п/п	Год	Всего поступило		Удовлетворено		Отказано в удовлетворении	
		по РФ	по Воронежской области	по РФ	по Воронежской области	по РФ	по Воронежской области
1	2016	127 422	3985	122 858	3881	3542	82
2	2017	80 132	2796	77 049	2718	2270	69
3	2018	62 598	2767	60 022	2692	1756	50
4	2019	55 390	2671	53 514	2587	1238	68

Очевидно, что такие следственные действия, как осмотр, обыск и выемка, проводимые в жилище, неизбежно сопровождаются принудительным вторжением органов предварительного расследования в частную жизнь лица, чем существенно ограничивают предусмотренное ст. 25 Конституции РФ право граждан на неприкосновенность жилища. Еще в

конце XIX века выдающийся русский юрист, ученый и практик А.Ф. Кони писал по поводу производства обыска и выемки в жилище следующее: «Эти следственные действия до такой степени вносят смуту в жизнь частного человека и в отношении к нему окружающих, что должны быть предприняемы с большой осторожностью»³.

Таблица 2

Количество ходатайств о производстве обыска и (или) выемки в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), рассмотренных судами общей юрисдикции РФ в ходе досудебного производства в период с 2016 по 2019 г.

№ п/п	Год	Всего поступило		Удовлетворено		Отказано в удовлетворении	
		по РФ	по Воронежской области	по РФ	по Воронежской области	по РФ	по Воронежской области
1	2016	65924	921	63275	879	2005	25
2	2017	122 830	2035	117 644	1989	3923	27
3	2018	126 838	2035	120 682	1965	4173	58
4	2019	127 917	2043	121 233	1947	4321	91

Не менее точно по этому поводу высказывался и отечественный правовед А. Качевский, указывая, что следственные действия, проводимые в жилище, «посягают на домашнее спокойствие, на неприкосновенность домашнего очага, на неприкосновенность собственности, тайны частной жизни, на одно из существенных прав человека, без которого немислима гражданская свобода, личная, имущественная неприкосновенность всех и каждого». По выражению автора, проводить обыск — это «выставлять наружу домашний быт и тайны»⁴.

Все вышеизложенное актуально и в современной действительности и, несомненно, обязывает следователя (дознателя) особенно строго соблюдать не только предписания уголовно-процессуального закона в этой сфере, но и нрав-

³ Кони А.Ф. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1: Статьи и заметки. Судебные речи. 2-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1959. С. 607.

⁴ Цит. по: Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996. С. 56.

ственные основы производства указанных следственных действий.

Уголовно-процессуальный кодекс содержит специальные положения, которые направлены на соблюдение должностными лицами, ведущими предварительное расследование, предусмотренных Конституцией положений об уважении чести, достоинства личности, охраны личной жизни граждан при производстве в жилище следственного осмотра, обыска и выемки. Так, в статьях 176, 177, 182, 183 УПК РФ, предусматривающих основания и порядок проведения указанных следственных действий, содержатся следующие требования к их производству:

- осмотр, обыск и выемка в жилище могут проводиться только при наличии достаточных оснований для их производства и в случаях, предусмотренных законом;
- для производства обыска (выемки) в жилище в любом случае требуется судебное решение;
- для производства осмотра жилища судебное решение требуется в случае отсутствия согласия проживающих в помещении лиц;
- при выемке предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну, а также информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях, наличие судебного решения обязательно;
- в ночное время (с 22.00 до 06.00) производство следственного осмотра, обыска и выемки не допускается, кроме случаев, не требующих отлагательства;
- безосновательное производство указанных следственных действий, отсутствие судебного решения на их производство, недостаточная мотивированность в постановлении следователя о производстве таких действий, если они производились в случаях, не терпящих отлагательства, могут повлечь за собой признание судом их производства незаконным, а доказательства, полученные в результате производства, — недопустимыми (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Требования, предусмотренные ст. 176, 177, 182, 183 УПК РФ, содержат, на наш взгляд, и глубокие нравственные основы производства этих следственных действий. К ним можно отнести следующее:

- При осмотре, обыске или выемке в жилище присутствие проживающего в нем лица является обязательным. При этом несовершеннолетние лица и дети, проживающие в

жилище, на время производства следственного действия должны быть удалены, а больные лица изолированы таким образом, чтобы обыск не оказал негативного влияния на состояние их здоровья⁵.

- При обыске или выемке в жилище предусмотрено право защитника, а также адвоката того лица, в помещении которого проводится обыск, присутствовать при его производстве.
- При производстве обыска или выемки в жилище следователь обязан предложить обыскиваемым лицам выдать скрываемые предметы. Это положение направлено на защиту ограничиваемых следственным действием прав и законных интересов граждан, так как исключает принудительное обследование их жилища и имущества.
- При производстве обыска в жилище следователь должен стремиться бережно относиться к имуществу обыскиваемого, избегать не вызываемого необходимостью повреждения имущества, рассматривая принудительное вскрытие в качестве крайней меры.
- При производстве обыска в жилище не должны оглашаться выявленные в ходе следственного действия обстоятельства частной жизни обыскиваемого лица, его личная и семейная тайна, а также сведения о частной жизни третьих лиц. Такие сведения могут содержаться в переписке, иных документах личного характера и т.д. Они должны быть продемонстрированы понятым, а также другим участникам следственного действия только в случаях, если непосредственно имеют отношение к уголовному делу. При этом понятые в обязательном порядке предупреждаются следователем о недопустимости разглашения полученных ими сведений, о чем у них берется подписка в соответствии со ст. 161 УПК РФ.

На наш взгляд, следует выделить несколько проблем, которые связаны с ограничением конституционных прав граждан при производстве следственных действий, проводимых в жилище лица.

Во-первых, вопрос об этической стороне изъятия в ходе производства осмотра, обыска и выемки, проводимых в жилище подозреваемого, обвиняемого, личных документов, архивов, записей является в научной литературе дискуссионным.

⁵ Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник. 3-е изд., изм. М., 2014. С. 100.

Так, рядом авторов обращается внимание на то, что, хотя такие документы и проясняют многие стороны личности подозреваемого, обвиняемого, выявляя определенные важные обстоятельства и факты из прошлого лица, в целях устранения этических вопросов вторжения в личную жизнь гражданина в уголовно-процессуальном законе следовало бы предусмотреть ряд дополнительных условий при производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан на неприкосновенность жилища. По мнению И.Г. Смирновой, такими условиями должны быть следующие:

- лицо добровольно, а не вынужденно дает согласие на производство следственного действия, такое согласие не может явиться следствием ложного информирования гражданина;
- лицо должно быть предупреждено о своем праве не давать согласия на производство следственного действия в его жилище без соответствующего судебного решения;
- согласие лица на производство следственного действия в жилище должно быть получено в присутствии понятых;
- согласие лица на производство следственного действия в жилище подлежит фиксации в протоколе и должно быть подтверждено его подписью⁶.

Во-вторых, в уголовно-процессуальном законе не раскрывается понятие «случаи, не терпящие отлагательства», что вызывает оживленные дискуссии как среди ученых, так и среди практиков⁷.

Произвольное толкование следователем (дознавателем) «исключительных случаев», в которых в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ возможно проведение следственных действий в жилище без получения судебного решения, ввиду отсутствия их перечня в УПК РФ может привести к необоснованному производству осмотра, обыска или выемки без наличия достаточных к тому оснований⁸.

В связи с этим интересным представляется мнение А. Соловьева, который обращает внима-

ние на то, что перечень исключительных случаев, из-за отсутствия его закрепления в УПК РФ, носит открытый не исчерпывающий характер. Исходя из этого, автор вносит предложение о целесообразности определения критериев, которыми будет руководствоваться следователь, определяя случаи производства следственных действий, которые не терпят отлагательства. К таким случаям он предлагает отнести следующие:

- когда ситуация возникла неожиданно и вытекает из динамики расследования;
- когда ситуация обусловлена дефицитом времени для принятия решения;
- когда промедление производства следственных действий может повлечь тяжкие последствия: продолжение преступной деятельности, утрату или сокрытие важных доказательств и т.д.⁹

Третья проблема связана с участием понятых в производстве осмотра, обыска и выемки в жилище. Часть 1 ст. 170 УПК РФ предусматривает обязательное участие не менее двух понятых при производстве указанных следственных действий, в целях удостоверения факта их производства, хода и результатов.

Необходимо отметить, что институт понятых уже давно подвергается достаточно жесткой критике. По словам А.А. Агаджаняна, проблемой существования института понятых в российском уголовном процессе занимаются учёные-правоведы и юристы-практики, следователи, адвокаты, прокуроры, судьи. Все они высказывают диаметрально противоположные точки зрения — как о необходимости сохранения данного института в различных его видах, так и о необходимости его ликвидации¹⁰.

По мысли законодателя, понятые в уголовном процессе являются гарантией объективности предварительного расследования. Это говорит о недоверии законодателя к правоохранительным органам. Но оправдывают ли понятые надежды законодателя — являются ли они гарантом объективности?

На основании опроса практических работников, проведенного А.А. Агаджаняном, можно

⁶ Смирнова И.Г. Этические начала производства следственных действий, ограничивающих неприкосновенность жилища // Адвокатская практика. 2004. № 4. С. 20—24.

⁷ Рохлин В.И., Бокаев А.Ф. Осмотр жилища (теоретические и практические аспекты) // Мир юридической науки. 2012. № 5. С. 58—62.

⁸ Яновский Р.С. Следственный осмотр в уголовном судопроизводстве // Законность. 2012. № 5. С. 35—39.

⁹ Соловьев А. Обеспечение обоснованности проведения осмотра жилища, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. 2004. № 2. С. 103—104.

¹⁰ Агаджанян А.А. Участие понятых в уголовном процессе (основные проблемы) // Актуальные вопросы науки и образования в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2016. С. 39.

сделать вывод, что контроль за работой следователя со стороны понятого равен нулю. «Человек, которого вытащили из постели или из-за стола, подпишет любой протокол, даже не прочитав его, — скорее бы уйти»¹¹.

Е.А. Купряшина и Т.Ю. Никитина справедливо отмечают, что участие понятых в следственных действиях, ограничивающих конституционные права человека, связано в первую очередь с вторжением в частную жизнь лица¹².

Так, приглашение в качестве понятых при производстве следственного действия в жилище, например соседей, знакомых обыскиваемых, может бросить тень на репутацию граждан, у которых оно проводится. На практике нередки случаи, когда в результате действий понятых — соседей, знакомых производству следственного действия придается широкая огласка, позорящая человека, в результате чего срабатывает «бытовая презумпция виновности» лица в совершении преступления, несмотря на то, что эти следственные действия могут производиться не только у обвиняемого, но и у любого другого лица в случаях, предусмотренных ч. 1 и ч. 16 ст. 182, ч. 1 ст. 183 УПК РФ¹³.

На наш взгляд, руководствуясь этической стороной вопроса, следователю, дознавателю было бы правильным приглашать в качестве понятых лиц, незнакомых с обыскиваемым и не проживающих с ним по соседству. С законодательной точки зрения целесообразно дополнить главу 9 УПК РФ правом обыскиваемого заявлять понятому, который ему знаком, отвод. Такое решение законодателя одновременно служило бы гарантией соблюдения прав и законных интере-

сов обыскиваемого и гарантией независимости понятых, поскольку согласно ч. 1 ст. 60 УПК РФ понятой — это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо. Таким образом, считаем необходимым дополнить главу 9 УПК РФ положением, предусматривающим возможность участия уголовного судопроизводства заявить отвод понятому.

Что же касается запрета привлекать в качестве понятых работников, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность и (или) предварительное расследование (п. 3 ч. 2 ст. 60 УПК РФ), на наш взгляд, он является вполне обоснованным. Однако на практике в качестве понятых нередко привлекаются работники, хоть и не наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) предварительного расследования, однако находящиеся в подчинении таковым (секретари, водители и пр.) или служебной зависимости от них. В связи с этим целесообразно было бы изменить п. 3 ч. 2 ст. 60 УПК РФ, предусмотрев, что понятыми не могут быть работники органов исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) предварительного расследования, а также находящиеся по роду службы в подчинении таковым или зависимости от них.

Подытоживая вышеизложенное, полагаем правильным согласиться с теми учеными, которые считают, что в век высоких технологий понятого может заменить видеосъемка, которая останется беспристрастной к производству следственного действия, и, как следствие, тайна частной жизни не будет нарушена¹⁴.

¹¹ Там же. С. 39—40.

¹² Купряшина Е.А., Никитина Т.Ю. Проблема участия понятых в уголовном процессе // Научный альманах. 2016. № 7-2 (21). С. 116—118.

¹³ Смышкова Л.В. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственного осмотра // Современное право. 2015. № 12. С. 129—132.

¹⁴ Белицкий В.Ю. Применение технических средств как альтернатива участию понятых // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-2 (86). С. 11—13.

УДК 343.132
ББК 67.410.212

Татьяна Владимировна ЧЕРЕМИСИНА,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации
E-mail: ice_tree@mail.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

ОСНОВАНИЯ ВЫНЕСЕНИЯ СУДАМИ ЧАСТНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье с учетом следственной и судебной практики, результатов научных исследований и практического опыта автора рассмотрены причины вынесения судами частных постановлений (определений) в отношении следователей Следственного комитета Российской Федерации по делам судебного контроля. Предлагаются практические рекомендации по оформлению материалов ходатайств об избрании (продлении) срока меры пресечения, рекомендации по недопущению ошибок в исчислении сроков меры пресечения и предварительного следствия.

Ключевые слова: частное постановление (определение), следователь, суд, судопроизводство, нарушение закона, судебный контроль, мера пресечения.

Tatiana Vladimirovna CHEREMISINA,
Researcher of the Research Department
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation
E-mail: ice_tree@mail.ru

CAUSES FOR ISSUING A PRIVATE COURT ORDER AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE

Abstract. Taking into account the investigative and judicial practice, the results of scientific research and the practical experience of the author, the article examines the reasons for the courts of private rulings (definitions) in respect of the investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation on issues of judicial control. The article offers practical recommendations for processing materials of petitions for election (extension) of the term of a preventive measure, recommendations for preventing errors in calculating the terms of a preventive measure and preliminary investigation.

Keywords: private resolution (definition), investigator, court, legal proceedings, violation of the law, judicial control, preventive measure.

В ходе расследования преступлений следователь обращается в суд с ходатайством об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий; применении мер процессуального принуждения; производстве следственных действий, требующих судебного разрешения; после производства следственных действий, произведенных в случаях, не терпящих отлагательства, без судебного реше-

ния; принимает участие в рассмотрении судом жалоб на его действия (бездействие) и решения.

Несмотря на то, что нормативное определение *судебного контроля* отсутствует, в юридической литературе указанное понятие употребляется достаточно часто¹. По мнению Н.А. Колоко-

¹ См.: Черемисина Т.В. К вопросу участия следователя в судебном порядке рассмотрения жалоб (ст. 125 УПК РФ) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 3. С. 93.

лова, основной причиной несовершенства и фрагментарности законодательных формулировок судебного контроля является то, что ему посвящена лишь ст. 125 УПК РФ вместо целой главы. Причина их противоречивости — отсутствие ясной и четкой доктрины судебного контроля².

Судебный контроль — форма правосудия, осуществляемого в открытом судебном заседании по правилам состязательного судопроизводства, имеющая своим назначением устранение нарушений, ущемляющих права и свободы участников процесса³. Судебная власть наряду с отправлением правосудия проявляется также через осуществление контроля за законностью и обоснованностью действий и решений органов и должностных лиц; вынесение частных определений и постановлений; судебный надзор вышестоящих судов в целях проверки правомерности решений нижестоящих судов; разъяснение действующего законодательства на основе данных судебной практики⁴.

По делам судебного контроля в распоряжении суда имеются не все материалы уголовного дела, он не может оценить доказательства в совокупности, а исследует лишь отдельные аспекты предварительного расследования. Отсюда следует правило: принимая решения в порядке судебного контроля, суд воздерживается от утверждений, предопределяющих вывод о виновности лица в совершении преступления или достаточности собранных доказательств для разрешения уголовного дела по существу. Например, при решении вопроса об избрании меры пресечения в решении суда не должно содержаться формулировок о виновности лица. Несмотря на это, суд проверяет и оценивает наличие объективных данных, указывающих на причастность подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления⁵.

² Колоколов Н.А. Сущность судебного контроля // Уголовное судопроизводство: в 3 т. Т. 3 / Н.А. Колоколов [и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 17.

³ П. 1 Постановления от 10.02.2009 № 1 Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁴ Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004. С. 204.

⁵ П. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий».

Таким образом, суд еще до окончания производства по делу имеет возможность выявить нарушения закона, допущенные следователем, и дать ему «обратную связь» посредством вынесения частного постановления.

Одним из самых распространенных нарушений, на которое суды реагируют вынесением частного постановления, является несоблюдение следователем сроков представления в суд материалов ходатайства об избрании (продлении) меры пресечения⁶.

Согласно ч. 8 ст. 109 УПК РФ, ходатайство о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд по месту производства предварительного расследования либо по месту содержания обвиняемого под стражей не позднее чем за 7 суток до его истечения. По поступившему ходатайству суд принимает решение в течение 5 суток на основании оценки приведенных в нем мотивов, с учетом правовой и фактической сложности материалов уголовного дела, общей продолжительности досудебного производства по уголовному делу, эффективности действий должностных лиц органов предварительного расследования и своевременности производства следственных и иных процессуальных действий. Несоблюдение срока представления ходатайства в суд является нарушением закона.

Из практики. Д-кий районный суд г. Н-ска 11.03.2020 вынес частное постановление, в котором обратил внимание руководителя следственного отдела по Д-кому району г. Н-ска на нарушения процессуального закона, допущенные следователем указанного следственного отдела.

Так, 11.03.2020 в суд поступило постановление старшего следователя следственного отдела по Д-кому району г. Н-ска о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого М. от 10.03.2020. Предыдущим постановлением суда срок содержания М. под стражей продлен до 6 месяцев, то есть до 12.03.2020, следовательно, истекает в 00 часов 00 минут 12.03.2020. Ходатайство о продлении срока содержания под стражей обвиняемого М. передано следователем в канцелярию суда 11.03.2020 в 13 ч. 30 мин. При этом следователь не уведомил о том, что направил ходатайство в суд, нарушив сроки, установленные ч. 8 ст. 109 УПК РФ, ни председателя суда, ни дежурного судью. Следователь не согласовал время рассмотрения ходатайства с работниками суда с целью надлежащего уведомления участников процесса.

⁶ Цветков Ю.А. Как следователь добился отмены частного постановления // Уголовный процесс. 2018. № 5. С. 11.

Нарушение требований уголовно-процессуального закона состоит в том, что следователь в постановлении о возбуждении ходатайства перед судом неверно указал сроки содержания обвиняемого под стражей и даты истечения последнего дня срока меры пресечения, не объясняя, чем вызвана длительность расследования уголовного дела, не представляющего особой сложности. Сотрудниками указанного следственного отдела не организовано надлежащее взаимодействие с районным судом, при наличии которого возможно было бы предотвратить вынесение частного постановления, вовремя предупредив дежурного судью о направлении в суд ходатайства в сжатые сроки.

Согласно ч. 2 ст. 109 УПК РФ, продление срока содержания обвиняемых под стражей свыше 6 месяцев допускается в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела и при наличии оснований для избрания этой меры пресечения судьей того же суда по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации.

В каждом случае избрания в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу (продления срока содержания под стражей) должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр (ст. 105 УПК РФ).

Из практики. Суд апелляционной инстанции судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Т-ной Республики 26.04.2019 вынес частное постановление, в котором обратил внимание и.о. руководителя СУ СК России по Т-ной Республике на нарушения уголовно-процессуального закона.

В ходе рассмотрения апелляционной жалобы несовершеннолетней обвиняемой Ю. на постановление суда о продлении срока ее содержания под стражей на 2 месяца, а всего до 7 месяцев 20 дней, принято новое решение. В удовлетворении ходатайства следователя о продлении срока содержания обвиняемой под стражей отказано за необоснованностью.

Установлено, что следователь ходатайствовал о продлении срока содержания обвиняемой под стражей до 8 месяцев, то есть до 11.06.2019 включительно, хотя в указанный срок истекали не восемь, а 7 месяцев 20 дней. Уголовное дело по обвинению несовершеннолетней Ю. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (один эпизод) возбуждено 11.10.2018. Расследование не представляло особой сложности, при этом несовершеннолетняя в нарушение ст. 109, 423 УПК РФ содержалась под стражей более 6 месяцев.

Процедуре продления срока меры пресечения в суде предшествует продление срока предварительного следствия по делу руководителем следственного органа. Суд правомочен продлить меру пресечения только в пределах срока предварительного следствия, поэтому к материалам ходатайства обязательно прилагается постановление о его продлении.

Из практики. М-ский районный суд Республики А. 07.06.2018 вынес частное постановление, в котором обратил внимание руководителя СУ СК России по Республике А. на нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные следователем М-ского межрайонного следственного отдела.

Из материалов к постановлению следователя о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей О., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «ж» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 119 УК РФ, судом усматривается, что в отношении обвиняемого 13.02.2018 постановлением М-ского районного суда Республики А., с учетом апелляционного постановления Верховного суда Республики А., избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 1 месяц 23 дня, то есть по 06.04.2018 включительно.

В результате рассмотрения ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей обвиняемого О. М-ский районный суд 04.06.2018 продлил этот срок на 1 сутки (до 07.06.2018), поскольку в судебном заседании было установлено, что срок предварительного следствия по делу продлен только до указанной даты, при этом предварительное следствие не окончено. 05.06.2018 срок предварительного следствия по делу продлен заместителем следственного управления по Республике А. на 1 месяц, а всего до 5 месяцев, то есть до 07.07.2018.

Следователь М-ского межрайонного следственного отдела представил в суд ходатайство о продлении срока содержания обвиняемого под стражей и материалы к нему за 2 суток до истечения срока содержания О. под стражей.

Итак, если следователь направит в суд ходатайство о продлении срока содержания под стражей, но срок следствия не будет продлен руководителем следственного органа, суд имеет право отказать в его удовлетворении и вынести частное постановление.

Согласно пп. 19 и 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», сроки содержания под стражей исчисляются сутками и месяцами. Течение сро-

ка содержания под стражей начинается в день заключения лица под стражу на основании судебного решения об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения (час заключения лица под стражу в качестве меры пресечения во внимание не принимается). Истекает срок в 24 часа последних суток срока независимо от того, приходится его окончание на рабочий или нерабочий день. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также при продлении срока ее действия суду следует определять не только продолжительность периода содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей, но и дату его окончания.

Основаниями вынесения частного постановления в адрес следователя могут послужить и иные нарушения, допускаемые при составлении постановления о возбуждении ходатайства об избрании (продлении) срока меры пресечения.

Из практики. Верховный суд К-ской Республики 20.01.2020 вынес частное постановление, в котором обратил внимание и.о. руководителя СУ СК России по К-ской Республике на нарушения уголовно-процессуального закона. Так, в суд поступила незаверенная копия ходатайства следователя перед судом о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Д. На первом листе имелась размытая копия круглой печати М-ского межрайонного следственного отдела СУ СК России по К-ской Республике.

Поскольку подлинность документа вызвала у суда подозрение, был объявлен перерыв до 20.01.2020. Когда суду для обозрения были представлены оригиналы постановления следователя о возбуждении ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей и постановления о возбуждении ходатайства перед руководителем следственного органа о продлении срока предварительного следствия до 15 месяцев, ходатайство было удовлетворено.

Итак, в суд направляется оригинал постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании (продлении) меры пресечения, заверенный оттиском гербовой печати следственного органа (ч. 8 ст. 109 УПК РФ). Прилагаемые к ходатайству копии материалов дела должны быть хорошо читаемы и заверены подписью следователя и оттиском круглой печати следственного органа⁷.

В случае, когда ходатайство о продлении срока содержания под стражей возбуждается перед

судом неоднократно и по мотивам необходимости выполнения следственных действий, указанных в предыдущих ходатайствах, суду надлежит выяснять причины, по которым они не были произведены. Если причина, по мнению суда, заключается в неэффективной организации расследования, это может явиться одним из обстоятельств, влекущих отказ в удовлетворении ходатайства. В таких случаях суд вправе реагировать на выявленные нарушения путем вынесения частных постановлений.

Сама по себе необходимость дальнейшего производства следственных действий не может выступать в качестве единственного и достаточного основания для продления срока содержания обвиняемого под стражей. Решение суда о продлении срока содержания под стражей должно основываться на фактических данных, подтверждающих необходимость сохранения этой меры пресечения (ст. 97, 99 УПК РФ)⁸.

Что касается обоснования ходатайств, то достаточно распространена проблема неоднократного указания одних и тех же оснований для продления срока меры пресечения.

Из практики. Б-ский городской суд Республики Т. 16.06.2020 вынес частное постановление, в котором обратил внимание руководителя следственного управления СК России по Республике Т. на нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные следователем СО по г. Б-ску.

Следователь СО по г. Б. СУ СК России по Республике Т. обратился в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей в отношении А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Постановлением Б-ского городского суда Республики Т. от 16.06.2020 ходатайство следователя судом удовлетворено, срок содержания под стражей продлен до 6 месяцев, то есть до 17.07.2020.

В ходе судебного заседания было установлено, что постановлением Б-ского городского суда Республики Т. от 12.05.2020 срок содержания под стражей в отношении обвиняемого А. был продлен на 1 месяц. В предыдущий раз в обоснование ходатайства о продлении срока содержания под стражей указывалось о необходимости выполнения следственных действий, направленных на окончание предварительного следствия. На данный момент вновь заявлено о необходимости выполнить требования ст. 215—217 УПК

⁷ Новые следственные ошибки: учеб. пособие / [авт.-сост. А.М. Багмет и др.]; под ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 138.

⁸ Пункт 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий».

РФ, составить обвинительное заключение и направить уголовное дело прокурору для принятия решения в соответствии со ст. 221 УПК РФ.

Кроме того, в нарушение требований ч. 8 ст. 109 УПК РФ ходатайство о продлении срока содержания под стражей представлено в суд 16.06.2020, т.е. в последний день содержания под стражей. Таким образом, нарушено требование закона о представлении ходатайства не позднее чем за 7 суток до истечения срока содержания под стражей.

Производство следственных действий без получения судебного решения возможно только в исключительных случаях и при наличии законных оснований. Не терпящими отлагательства могут быть признаны следующие случаи: необходимость предотвращения, пресечения преступления или закрепление его следов; появление фактических оснований для проведения следственного действия в ходе осмотра, обыска, выемки в другом месте; данные о том, что подозреваемый скроется от следствия. Кроме того, неотложность производства следственных действий может быть продиктована обстановкой только что совершенного преступления или угрозой уничтожения искомых объектов, а также тем, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела⁹.

Из практики. Судья С-кого городского суда г. К. по Республике Т. 26.09.2019 вынес частное постановление, в котором обратил внимание руководителя следственного отдела по г. К. на нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные следователем.

24.09.2019 с 14 ч. 53 мин. до 15 ч. 15 мин. на основании постановления следователя по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел (о налоговых преступлениях) СУ СК России по Республике Т. произведен обыск в жилище Г. без судебного решения.

Постановлением С-кого районного суда города К. от 26.09.2019 обыск, произведенный в жилище Г., признан незаконным.

Как было установлено судом, обстоятельств, свидетельствующих о необходимости безотлагательного производства обыска, не имелось, поскольку уголовное дело возбуждено 30.08.2019, а обыск проведен 24.09.2019, то есть за указанный промежуток вре-

мени Г. неоднократно мог предпринять меры к уничтожению или сокрытию документов и предметов, имеющих значение для уголовного дела. В обоснование уведомления следователем, кроме рапорта оперуполномоченного, материалов, подтверждающих, что по указанному адресу могут находиться предметы и документы, сохранившие следы преступления и содержащие сведения о преступлении, суду не представлено. Исключительных обстоятельств, не терпящих отлагательства, судом не установлено, так как обыск проводился в рабочее время, что не исключало обращения в суд.

В данном случае следователь имел возможность обратиться в суд с ходатайством о получении разрешения на производство обыска в жилище в порядке ст. 165 УПК РФ.

Согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ, в исключительных случаях, когда производство обыска в жилище не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя без получения судебного решения. В этом случае следователь или дознаватель не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия. К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве. Получив указанное уведомление, судья в течение 24 часов с момента получения ходатайства проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности.

Проведенное исследование следственной и судебной практики показало, что наиболее распространенными нарушениями закона, выявляемыми судами в ходе судебного контроля, являются несоблюдение 7-суточного срока представления в суд материалов ходатайства об избрании (продлении) меры пресечения; неверное указание сроков содержания обвиняемого под стражей и даты истечения последнего дня срока меры пресечения в тексте постановления о возбуждении ходатайства перед судом; приобщение к тексту постановления следователя о возбуждении ходатайства перед судом об избрании (продлении) меры пресечения нечитаемых и незаверенных копий материалов дела; неоднократное указание одних и тех же оснований для продления срока меры пресечения.

⁹ См.: п. 1.9 приказа Председателя Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации».

На основе анализа частных постановлений, вынесенных судами по итогам рассмотрения материалов по производству следственных действий без получения судебного решения, приходим к выводу, что следователями чаще всего нарушаются порядок и сроки направления в суд ходатайств или уведомлений; приводятся недостаточные доводы для производства следственных действий без получения судебного решения.

Итак, частное постановление является формой «обратной связи», которую суд дает следователю и руководителю следственного органа. Соответственно, в нем могут быть указаны не только нарушения уголовно-процессуального закона, но и пробелы в организации деятельности следователя.

Литература

1. Материалы к расширенному заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2019 год и задачах на 2020 год».

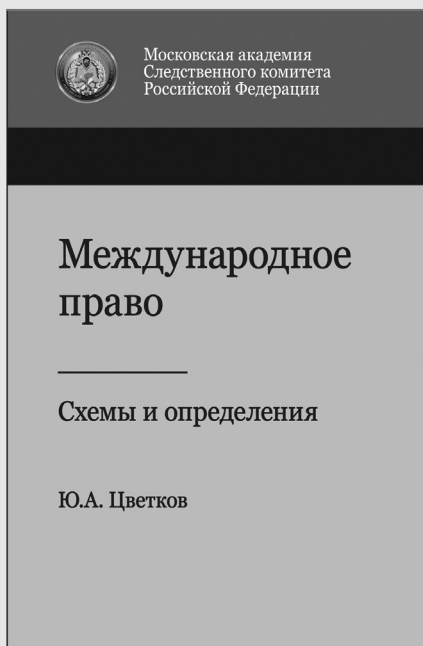
2. Новые следственные ошибки: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / [авт.-сост. А.М. Багмет и др.]; под ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 303 с.

3. Уголовное судопроизводство: в 3 т. Т. 3 / Н.А. Колоколов [и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 274 с.

4. Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004. 287 с.

5. Цветков Ю.А. Как следователь добился отмены частного постановления // Уголовный процесс. 2018. № 5. С. 11.

6. Черемисина Т.В. К вопросу участия следователя в судебном порядке рассмотрения жалоб (ст. 125 УПК РФ) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 3. С. 93—97.

Цветков Ю.А. Международное право. Схемы и определения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция», «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность» / Ю.А. Цветков. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 167 с.

ISBN 978-5-238-03325-9

В учебном пособии в схематическом виде представлены все основные разделы учебной дисциплины «Международное (публичное) право», даны определения основных институтов и понятий.

Для студентов юридических вузов.

УДК 343.985.7:343.3
ББК 67.523.14

Василий Васильевич БЫЧКОВ,
декан факультета повышения
квалификации Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: bychkov_vasilij@bk.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТА

Аннотация. В статье анализируется необходимость назначения экспертиз в ходе расследования преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием Интернета. Раскрываются условия отказа от назначения таких экспертиз. Формулируется возможность принятия следователем процессуального решения без производства экспертизы.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, Интернет, экспертиза, назначение экспертизы.

Vasily Vasilyevich BYCHKOV,
Dean of the Faculty of Excellence
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: bychkov_vasilij@bk.ru

SOME ASPECTS OF THE APPOINTMENT OF EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF EXTREMIST CRIMES COMMITTED USING THE INTERNET

Abstract. The article analyzes the need to appoint expertise in the investigation of extremist crimes committed using the Internet. The author discloses the conditions for refusing to appoint such examinations and formulates the possibility of the investigator making a procedural decision without examination.

Keywords: extremism, extremist crimes, Internet, expertise, appointment of expertise.

В последние годы в Российской Федерации на фоне снижения общеуголовной преступности фиксируется стабильный рост преступлений экстремистской направленности¹.

¹ См. подробно: *Бычков В.В.* Динамика российского терроризма и экстремизма в XXI веке // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2018. № 3 (21). С. 60—71; *Он же.* Преступления экстремистской направленности: понятие, классификация, общие объективные и субъективные признаки, квалифицированные составы // *Расследование преступлений: проблемы и пути их*

Борьба с экстремизмом является приоритетным направлением деятельности всех правоохранительных органов, в частности Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК России), что закреплено приказом СК России

решения. 2018. № 4 (22). С. 36—41; *Он же.* Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений экстремистской направленности // *Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.* 2020. № 3. С. 43—46.

от 12.07.2011 № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности». Данным распорядительным актом, в целях недопущения затягивания сроков процессуальных проверок и предварительного следствия, требуется своевременное назначение и проведение исследований и судебных экспертиз материалов на предмет выявления в них признаков экстремизма. А при установлении в ходе процессуальной проверки очевидных признаков преступления необходимо принимать решение о возбуждении уголовного дела с последующим получением заключения эксперта.

В пункте 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»² (далее — ППВС № 11-2011) разъяснено, что к производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы.

Однако, прежде чем вносить постановление о назначении экспертизы, следователь обязан сам проанализировать информацию. При самостоятельном анализе для оперативного принятия процессуального решения следователю необходимо четко знать условия, при которых проверяемый материал не будет предметом преступления экстремистской направленности.

Так, содержащуюся в материалах критику политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев саму по себе нельзя рассматривать как возбуждение ненависти или вражды (п. 7 ППВС № 11-2011).

При установлении в отношении политических деятелей действий, направленных на унижение человеческого достоинства, необходимо учитывать положения статей 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации³ и европейскую судебную практику (Европейского суда по правам человека — ЕСПЧ), в соответствии с которыми политические деятели, решившие заручиться общественным доверием, соглашаются стать объектом об-

щественной политической дискуссии, а значит, могут подвергаться жесткой критике в СМИ; государственные должностные лица соглашаются стать объектом общественного контроля и критики, в частности СМИ, так как это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.

Не является преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе (п. 8 ППВС № 11-2011).

Кроме того, действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по соответствующим признакам, исходя из характера и степени общественной опасности содеянного, могут быть малозначительными, не представляющими общественной опасности. По этой причине необходимо учитывать, в частности, размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию (п. 8.1 ППВС № 11-2011).

От информации, возбуждающей вражду, следует отличать констатацию фактов, которая не несет никакого отрицательного «эмоционального заряда» и не направлена на формирование негативной установки. Поэтому нельзя, например, считать возбуждением национальной вражды сообщение о том, что самыми неграмотными среди россиян, по данным социологических исследований, являются цыгане. Психологическое содержание данной информации будет заключаться в привлечении к этой проблеме внимания общественности и специалистов, а не укреплении в массовом сознании стереотипа о необучаемости цыган как национальной черте⁴.

Не будет признаков возбуждения вражды и ненависти, унижения человеческого достоинства

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

³ СПС «КонсультантПлюс». Принята 12.02.2004 на 872-м заседании Комитета министров на уровне постоянных представителей.

⁴ Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 27-19-19 от 29 июня 1999 г. «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды».

по признаку пола, расы, национальности, отношения к религии, принадлежности к социальной группе у группы футбольных болельщиков, шеи и лица которых обмотаны клубными шарфами, в куртках с капюшонами, с зажженными фаерами⁵ в руках, даже если они стоят на Красной площади г. Москвы⁶.

Если в анализируемом тексте информация не направлена на формирование негативной (содержащей вражду, ненависть) установки, а носит оскорбительный характер, при этом применяются эвфемизмы⁷, он не имеет признаков возбуждения вражды и ненависти в отношении группы лиц по признаку пола, расы, национальности, отношения к религии, принадлежности к социальной группе⁸.

Кроме того, объекты, созданные в иной культурно-исторический период или эпоху (а также фрагменты этих текстов) и не актуализированные, не соотнесенные с современной ситуацией, не подлежат оценке, например труды Ленина, Сталина и др., а также канонические религиозные тексты — Библия, Коран и др.

Следует помнить, что действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в

том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, относятся к административным правонарушениям, предусмотренным ст. 20.3.1 КоАП РФ.

Преступными, то есть предусматривающими уголовную ответственность согласно ст. 282 УК РФ, они становятся:

1) если лицо привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года (ч. 1);

2) указанные деяния совершены:

- с применением насилия (п. «а» ч. 2);
- с угрозой его применения (п. «а» ч. 2);
- лицом с использованием своего служебного положения (п. «б» ч. 2);
- организованной группой (п. «в» ч. 2).

При обнаружении нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики экстремистских организаций, использованных (используемых) в пропаганде и/или публичном демонстрировании, изготовленных или сбытых в целях пропаганды, приобретенных в целях сбыта или пропаганды, в действиях виновного содержатся признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ⁹.

В пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹⁰ разъяснено, что, если проведение исследования не требуется, возможен допрос специалиста. Так как производство допроса до возбуждения уголовного дела невозможно, при проверке сообщения о преступлении допустимо получение объяснения от специалиста по относимости материалов к экстремистским либо консультирование с ним, оформленное в виде справки или рапорта.

В случае если следователь решил назначить специальное исследование, он обязан придерживаться определенных требований.

В постановлении о назначении экспертизы наименование и описание объекта должны соответствовать предмету, направляемому на исследование. Обстоятельства дела, имеющие отношение к поставленному вопросу, требуется излагать корректно и полно (кто, что, где, при каких обстоятельствах, время, место и т.д.).

⁵ Фаер (производное от *falschfeier*; от нем. *falsch* — фальшивый и *Feuer* — огонь) — бумажная гильза, наполненная пиротехническим составом, горящим ровным ярким пламенем, использовавшаяся на судне в целях сигнализации или для освещения.

⁶ Заключение по результатам комплексного психолого-лингвистического исследования, проведенного на основании запроса от 19.01.2017 № 26/170 Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <https://spbu.ru/sites/default/files/01-121-465.pdf> (дата обращения: 07.01.2021).

⁷ Эвфемизм (от греч. *euphemia* — воздержание от неподобающих слов) — слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести (по причине его грубости, оскорбительности, невежливости и т.п.).

⁸ Заключение по результатам комплексного психолого-лингвистического исследования, проведенного на основании запроса от 26.01.2017 № 26/3/177800153325 Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <https://spbu.ru/sites/default/files/01122306.pdf> (дата обращения: 07.01.2021).

⁹ Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография. М.: Юриспруденция, 2015. С. 45.

¹⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

Тексты, извлеченные из сети Интернет, сопровождаются в документе следующей информацией: название текста и имя пользователя, указание на автора (если имеются), начало и окончание текста, адрес электронного ресурса (вся строка браузера), где был обнаружен текст, а также полная дата и время обнаружения текста и его фиксации. Распечатка текстов предоставляется в виде скриншотов (снимков экрана) — изображений, полученных компьютером и показывающих в точности то, что видит пользователь на экране монитора. Если необходимо исследовать сообщения с различных форумов, из блогов, чатов и других источников, предусматривающих ведение диалогов, полилогов¹¹, комментирование в рамках обсуждения различных тем, необходимо предоставить не только само сообщение, являющееся объектом исследования, но и другие сообщения данной темы.

При этом следует помнить, что при анализе переводного текста эксперт не решает вопрос, в какой мере текст аутентичен переводу, то есть выводы делаются по предоставленному тексту без соотнесения с исходным текстом. Таким образом, перенос выводов по предоставленному тексту на исходный текст (не на русском языке) недопустим. При проведении исследования эксперты-лингвисты не имеют права квалифицировать деяния, определять формы вины и мотивы, устанавливать обстоятельства, не отраженные в предоставленном на исследование материале (тексте, видео, фонограмме и пр.).

Не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда¹². В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержат-

ся в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды (п. 23 ППВС № 11-2011). Это относится исключительно к компетенции дознавателя, следователя или суда¹³.

Определение лингвистических признаков, соотносимых с понятиями, содержащимися в законодательстве, может быть установлено экспертом с различной степенью обобщения: эксперт может либо употреблять обозначение самих понятий, как они приводятся в статьях, однако не с юридической точки зрения — как квалификацию преступления, но в соответствии с их общеупотребительным лексическим значением, зафиксированным в толковых словарях современного русского языка, либо пользоваться методическими разработками, в которых данные понятия соотнесены с соответствующими лингвистическими признаками.

Вопросы, поставленные перед экспертом, могут быть при необходимости скорректированы им в формулировках, соответствующих его экспертной специальности, а также полномочиям, возложенным на конкретное ведомство, с учетом методической обеспеченности экспертных подразделений, о чем в установленном порядке уведомляется лицо (орган), назначившее экспертизу (исследование).

Заключение эксперта не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. При этом вопрос о том, являются те или иные действия публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности или к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, а также возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства, относится к компетенции суда (п. 23 ППВС № 11-2011).

Учеными отмечается, что лица, расследующие преступления данного вида, страдают «лингвистической наркотизацией»¹⁴, назначая без

¹¹ Полилог (греч., букв. «речь многих») — разговор многих участников. При этом предполагается, что роль говорящего переходит от одного лица к другому, в противном случае разговор превращается в монолог. Является синонимом слова «диалог», так как ошибочно полагать, что термин «диалог» предполагает наличие ровно двух участников (греческий префикс диа- «через» в слове «диалог» и греческое ди- «два» лишь внешне схожи). В связи с этим в диалоге, как и в полилоге, может участвовать любое число говорящих.

¹² Савинов Л.В., Дорожинская Е.А., Сигарев А.В. Экспертиза спорных информационных (экстремистских) материалов: методологические и правовые проблемы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 209—222.

¹³ Подкатилина М.Л., Галышина Е.И. О разработке типовых вопросов судебной лингвистической экспертизы экстремистских материалов // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 8 (151). С. 207.

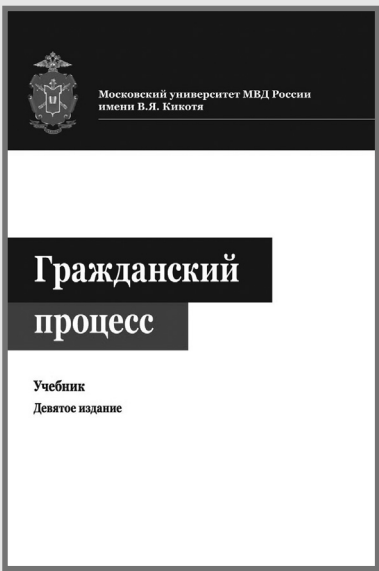
¹⁴ Галышина Е.И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7. С. 29.

повода специальные исследования. Зачем, например, исследовать явно кухонный нож?¹⁵ И зачем проводить экспертизу по листовке, в которой содержится призыв: «Убей русского»?

Следует отметить, что Верховным Судом РФ разъяснено, что производство лингвистической экспертизы для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено в необходимых случаях (п. 23 ППВС № 11-2011). То есть именно «в необходимых случаях», а не по каждому проверяемому на экстремизм материалу.

В заключение необходимо акцентировать, что назначение экспертиз в ходе расследования преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием Интернета, — это не обязанность следователя, а его право. В ряде случаев следователь способен самостоятельно определить относимость материалов к экстремистским, что будет способствовать скорейшему возбуждению уголовного дела и быстрому привлечению виновного к уголовной ответственности. Опять же, своевременный отказ от возбуждения уголовного дела позволит исключить нарушение конституционных прав проверяемых лиц¹⁶.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Гражданский процесс. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», специальности «Правоохранительная деятельность» / Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 9-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 687 с.

ISBN 978-5-238-03168-2

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Учтены последние изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс РФ, по состоянию на 1 апреля 2018 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

¹⁵ Бычков В.В. Некоторые аспекты назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 157—164.

¹⁶ См. подробно: Бычков В.В. Стадия возбуждения уголовного дела через призму конституционных прав граждан // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 1. С. 31—35.

УДК 343.985.7:343.77
ББК 67.523.13

Мария Александровна ВАСИЛЬЕВА,
доцент кафедры криминалистики
Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: mvd-ecology@mail.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу становления и современного состояния методики расследования экологических преступлений. Обозначены этапы развития методики расследования таких преступлений. Автор приходит к выводу об отсутствии на современном этапе возможности разработки единой для всех экологических преступлений методики расследования, о необходимости создания вместо этого двух методик расследования преступлений — связанных с изъятием природных ресурсов и не связанных с ним.

Ключевые слова: криминалистика, методика расследования, экологическое преступление, этап развития, природный ресурс, изъятие природного ресурса.

Maria Alexandrovna VASILYEVA,
Associate Professor of the Department of Criminalistics
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Candidate of Law
E-mail: mvd-ecology@mail.ru

STAGES OF DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL CRIME INVESTIGATION METHODOLOGY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation and current state of the methodology for investigating environmental crimes. The stages of development of the methodology for investigating such crimes are indicated. The author concludes that, at the present stage, there is no possibility of developing a uniform investigative methodology for all environmental crimes, and that it is necessary to create instead two investigative methodologies for crimes — those related to the seizure of natural resources and those not related to it.

Keywords: forensic science, investigation methodology, environmental crime, stage of development, natural resource, seizure of natural resource.

Экологические преступления — новелла современного Уголовного кодекса Российской Федерации. В нем так названа глава 26, объединяющая 18 статей. В кодексе не приводится определение этой категории, статьи носят бланкетный характер, отсылая для понимания их содержания к множеству других нормативных актов или к определённым видам источника права, в нормы главы периодически вно-

сятся изменения, вплоть до криминализации отдельных деяний. Это влечет обоснованную потребность практических работников в разъяснении порядка применения этих норм, обеспечении деятельности по раскрытию и расследованию соответствующими криминалистическими рекомендациями.

Низкая раскрываемость экологических преступлений подчеркивает недостаточную исследо-

ванность в этой области как теоретических, так и практических вопросов, еще более детерминирует интенсификацию поиска путей оптимизации криминалистического обеспечения такой деятельности.

Представляется, что указанные пути можно обозначить в виде двух взаимосвязанных и взаимообусловленных направлений: анализ имеющегося опыта раскрытия и расследования экологических преступлений (как положительного, так и отрицательного) и использование результатов соответствующего анализа; изучение вопросов становления и развития методики расследования экологических преступлений, которое может способствовать выявлению важных тенденций, научному обоснованию и прогнозированию их дальнейшего развития.

Стоит отметить, что первое из направлений получает некоторое освещение в научной литературе. Так, в 2018 году издано имеющее большое значение для деятельности по расследованию практическое руководство для следователей и дознавателей «Расследование экологических преступлений» под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ О.И. Цоколовой, кандидата юридических наук, доцента Д.В. Осипова, кандидата юридических наук, доцента Н.Е. Муженской¹. Отметим, что руководство посвящено правовому и методическому обеспечению реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации при расследовании отдельных видов экологических преступлений, не содержит общих базовых теоретических положений по расследованию экологических преступлений, а также отдельных методик расследования таких преступлений весьма распространенных видов, например незаконной рубки лесных насаждений. В 2019 году издано учебно-методическое пособие «Расследование экологических преступлений в Следственном комитете Российской Федерации», в котором экологическим преступлениям дана криминологическая и уголовно-правовая характеристика, приведены особенности отдельных следственных действий, возбуждения дела, но вопросы становления и развития методики расследования экологических преступлений не

раскрыты и, соответственно, возможные выводы не делались².

Второе из обозначенных направлений комплексному анализу не подвергалось, поэтому остались нерешенными многие вопросы, в том числе такие: Можно ли в настоящее время считать окончательно сформированной методику расследования экологических преступлений? Имелась ли методика расследования экологических преступлений до 1996 года, то есть ранее того момента, когда в Уголовном кодексе РФ появилась глава «Экологические преступления»? Существует ли единая методика расследования всех экологических преступлений?

Анализ имеющихся криминалистических исследований в области экологии позволяет ответить на первый вопрос однозначно: методику расследования экологических преступлений на настоящее время признать окончательно сформированной нельзя. К некоторым причинам такого вывода можно отнести следующие:

- законодательство, в том числе уголовно-правовое, само находится в состоянии развития (поправки в Конституцию Российской Федерации, носящие экологический характер³, появление новых норм, определяющих уголовную ответственность за совершение экологических преступлений, изменение санкций и пр.);
- в России проводятся и представляются общественности многочисленные криминалистические исследования, основанные на использовании опыта расследования как российских, так и зарубежных следователей, но лишь по частным методикам расследования отдельных видов экологических преступлений;
- отсутствуют защищенные диссертационные исследования на соискание ученой степени доктора юридических наук, специально посвященные вопросам расследования экологических преступлений;
- имеются разработки ученых, основанные, например, на использовании знаний из био-

¹ Расследование экологических преступлений: руководство для следователя и дознавателя / под ред. О.И. Цоколовой, Д.В. Осипова, Н.Е. Муженской. М.: Проспект, 2018. 320 с.

² Расследование экологических преступлений в Следственном комитете Российской Федерации: учебно-методическое пособие / авт.-сост. Т.В. Черемисина; под ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия СК России, 2019. 144 с.

³ Колина Ю.А., Момот Н.В., Камлия И.Л. К вопросу об экологических поправках в Конституцию РФ 2020 года // Роль аграрной науки в развитии лесного и сельского хозяйства Дальнего Востока: материалы IV Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции: в 4 ч. Уссурийск, 2020. С. 238—241.

логии⁴, экономики⁵ и пр., которые могут улучшить и облегчить производство отдельных следственных действий и положительно отразиться в целом на методике расследования экологических преступлений в скором будущем, но до настоящего времени они еще полноценно не внедрены в практику расследования.

Ответ на вопрос о существовании методики расследования экологических преступлений до 1996 года дадим кратко, так как объем статьи не позволяет более детально разъяснить свою позицию. Отметим, что анализ имеющихся научных работ по криминалистике, в том числе диссертационных, и учебной литературы позволил прийти к выводу о наличии двух этапов развития методики расследования экологических преступлений:

1 этап (1961—1995), озаглавленный появлением первых выполненных на монографическом уровне систематизированных методических рекомендаций по расследованию некоторых распространенных экологических преступлений;

2 этап (с 1996 г. по настоящее время), характеризующийся бурным развитием криминалистических исследований отдельных видов экологических преступлений, создавший условия для анализа накопленного теоретического и практического опыта по расследованию экологических преступлений и обобщения представленных отдельных методик до базового уровня.

Стоит отметить, что еще в период первого этапа развития методики расследования экологических преступлений в УК РСФСР (1961 г.) были отдельные нормы, предусматривающие ответственность за совершение преступлений этой категории. Они не назывались экологическими, но вместе с тем содержательно соответствовали называемым так в современном законодательстве. Так, анализ криминализации деяний в главах УК РСФСР и главе 26 УК РФ демонстрирует сходство:

- ст. 223 «Загрязнение водоемов и воздуха» со ст. 250 УК РФ «Загрязнение вод», ст. 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы»;

⁴ Колина Ю.А., Момот Н.В., Камлия И.Л. Использование современных методов исследования в практической деятельности // Гуманитарные науки и естествознание: проблемы, идеи, инновации: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чистополь, 25 сентября 2020 г.) / под общ. ред. Е.А. Назарова. Чистополь, 2020. С. 6—9.

⁵ Булгакова М.А. Методология сбалансированного ведения лесного хозяйства в интересах сохранения биосферного равновесия: монография. М., 2019. 168 с.

- ст. 223.1 «Загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами» со ст. 252 УК РФ «Загрязнение морской среды»;
- ст. 163 «Незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами» со ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов»;
- ст. 165 «Производство лесосплава или взрывных работ с нарушением правил охраны рыбных запасов» со ст. 257 УК РФ «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов»;
- ст. 166 «Незаконная охота» со ст. 258 УК РФ, имеющей аналогичную формулировку названия;
- ст. 169 «Незаконная порубка леса» со ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и т.д.

В связи с этим созданные вскоре после нормативного закрепления этих составов преступлений соответствующие криминалистические рекомендации или даже частные методики расследования отдельных из них, призванные помочь правоприменителю, можно рассматривать как экологические.

Одним из первых научных криминалистических исследований, специально посвященных конкретным методикам расследования преступлений, относящихся к экологическим, является труд В.Е. Жарского «Расследование нарушений правил охраны рыбных запасов во время лесосплава или взрывных работ» (1966 г.)⁶.

Работа по выработке криминалистических рекомендаций по расследованию экологических преступлений и их систематизация длились продолжительное время. Новый подход к природным компонентам, как к защищаемым не в силу их отнесения к чьей-либо собственности, а в связи с необходимостью защиты окружающей среды от усилившегося антропогенного воздействия, появился не сразу и требовал переосмысления, в том числе в криминалистическом плане.

В 1996 г. государством предпринят беспрецедентный шаг по систематизации объектов уголовно-правовой защиты — включение в состав Уголовного кодекса Российской Федерации главы 26 «Экологические преступления». Этот факт, по нашему мнению, отражает наполнение пара-

⁶ Жарский В.Е. Расследование нарушений правил охраны рыбных запасов во время лесосплава или взрывных работ / под ред. И.М. Лузгина. М., 1966. 15 с.

дигмы «эксплуатация природы — экономический рост» новым содержанием — «природа — национальное достояние» и позволяет взглянуть на проблему защиты окружающей среды более пристально и детально, с учетом взглядов на современную экологию как на «комплексную науку, решающую широкий спектр социально-экономических актуальных задач, включая общую экологию, экологию человека, биоэкологию, геоэкологию, прикладную экологию»⁷.

За первые полтора десятилетия XXI века появилось немало диссертационных кандидатских работ, посвященных вопросам расследования экологических преступлений.

Анализ научной литературы, в особенности носящей монографический характер, позволяет говорить о том, что в настоящее время, например, вопросы использования специальных знаний при расследовании экологических преступлений рассмотрены достаточно широко, при этом во многих работах речь идет все же о формах использования специальных знаний в рамках частных методик расследования преступлений (незаконной рубки лесных насаждений, незаконной охоты, преступлений, связанных с загрязнением вод и атмосферы, и пр.), но

не осуществлено комплексное исследование особенностей использования специальных знаний при расследовании всех экологических преступлений, в особенности с учетом последних изменений уголовно-правового, уголовно-процессуального законодательства, современных достижений науки и техники в различных областях знаний.

Представляется, что одним из современных и перспективных направлений криминалистического исследования экологических преступлений можно назвать разработку криминалистических методик не отдельных, а больших групп таких преступлений. Возможности создания базовой методики расследования экологических преступлений освещены в монографии автора⁸, где отражено мнение о том, что методика расследования экологических преступлений наиболее эффективна при разработке не единой, а двух отличающихся по содержанию методик расследования, которые могут быть применены к двум отличающимся в криминалистическом отношении группам экологических преступлений — связанных с изъятием природных ресурсов и не связанных с ним.

⁷ Черняк В.З., Эриашвили Н.Д. Социально-экономические проблемы экологии и безопасности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 4. С. 175.

⁸ Васильева М.А. Методика расследования преступлений в сфере экологии: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 184 с.

УДК 343.98.065
ББК 67.521.1

Марина Владимировна КАРДАШЕВСКАЯ,
профессор кафедры предварительного расследования
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: kardashewsky@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье обосновывается возможность и необходимость использования в процессе расследования неочевидных преступлений современных возможностей различных систем, построенных с применением искусственного интеллекта. Выделены научные основы формирования такой системы, задачей которой является комплексная обработка криминалистически значимой информации. Определены способы накопления информации, сроки ее хранения, принципы сопоставления сведений и другие особенности ее использования.

Ключевые слова: информационные технологии, раскрытие преступлений, серийные преступления, криминалистически значимая информация, искусственный интеллект.

Marina Vladimirovna KARDASHEWSKAYA,
Professor of the Department of Preliminary Investigation
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor
E-mail: kardashewsky@yandex.ru

USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN SOLVING SERIAL CRIMES

Abstract. The article substantiates the possibility and necessity of using modern capabilities of various systems built with the use of artificial intelligence in the investigation of non-obvious crimes. The author highlights the scientific basis for the formation of such a system, the task of which is complex processing of criminally significant information. The article defines methods of accumulating information, terms of its storage, and principles of data comparison and other features of its use.

Keywords: information technology, crime detection, serial crimes, criminally significant information, artificial intelligence.

В соответствии со статистическими данными МВД России, в 2019 г. в стране наблюдался рост зарегистрированных преступлений (на 1,6 %). При этом раскрываемость преступлений в общем упала на 6,4 %. 26,9 % из нераскрытых преступлений составляют тяжкие и особо тяжкие (рост на 3,8 %). Увеличилось на 6,6 % количество уголовных дел, производство по которым было приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Общая раскрываемость составляет всего 52 %. По отдельным группам преступле-

ний эта цифра еще ниже: по тяжким и особо тяжким преступлениям — 43 %, против собственности — 37 %¹.

Поэтому на повестке дня стоит вопрос о поиске новых, в том числе криминалистических, методов и средств повышения раскрываемости и в целом эффективности работы всех правоох-

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2019 года / Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2020.

ранительных органов. Однако сначала следует понять причины снижения раскрываемости преступлений, а также из чего эта раскрываемость складывается.

Преступление следует считать раскрытым, если уголовное дело направлено в суд либо прекращено. В соответствии с приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» к нераскрытым преступлениям относятся те, производство по уголовным делам о которых приостановлено по пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то есть в случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено; подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам; место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует.

Наибольшую проблему для раскрытия преступления составляет ситуация, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено. Именно в данной ситуации виновное лицо, почувствовав свою безнаказанность, вновь совершает преступления, аналогичные тому, за которое его не задержали. Эти преступления в криминалистике и на практике получили название «серийные». Отнесение преступления к серии осуществляется в случае, если установлено, что оно совершено по аналогии с другими однородными умышленными правонарушениями одним и тем же человеком (группой лиц)². Причиной появления серийных преступников является несвоевременное раскрытие первого совершенного ими преступления.

Но почему преступления так плохо раскрываются? Если посмотреть на архивные уголовные дела, по которым вынесены обвинительные приговоры, то можно заметить, что большинство из них возбуждены в отношении конкретного лица, либо это лицо установлено в течение не более 10 дней с момента совершения преступления. Количество рассмотренных судами уголовных дел,

² О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

по которым виновное лицо было установлено спустя продолжительное время, крайне незначительно, при этом их количество также уменьшается. Так, в январе — декабре 2019 года преступлений прошлых лет раскрыто 43,6 тыс., что на 10,2 % меньше, чем за аналогичный период предыдущего года. 26,1 % из них составляют тяжкие и особо тяжкие преступления (всего — 11,4 тыс.)³. Таким образом, можно сделать вывод, что низкое раскрытие преступлений связано в первую очередь со слабой работой следователей и оперативных сотрудников по преступлениям, по которым в первые сутки не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого.

Обращаясь к истории работы следственных подразделений в советский период, следует обратить внимание на широкое распространение в те годы специализации следователей по нераскрытым преступлениям (в отличие от преступлений с лицами). Такая специализация подразумевала, что у одного или двух следователей в производстве находились только те дела, по которым не установлен подозреваемый (обвиняемый). У остальных следователей таких дел не было вообще. В настоящее время в связи с существующей системой оценки деятельности следователей такая специализация практически отсутствует, в результате чего следователь работает только по делам с лицами, а нераскрытые преступления остаются вне поля его зрения. Поэтому с организационной точки зрения считаем необходимым изменить существующую оценку деятельности следователя, вернув специализацию по нераскрытым преступлениям.

В то же время в существующих условиях неопределимую помощь в работе следователя может оказать внедрение в практику работы следственных подразделений интеллектуальной системы по комплексной обработке криминалистически значимых данных (далее — Система), которая позволит выявлять в общей массе совершенных преступлений те, которые совершены одним лицом. Анализ информации по этим делам может позволить проводить целенаправленные мероприятия по розыску преступника, поскольку, чем больше информации о преступнике и способе его действий, тем больше вероятность его установления. Это является проявлением общенаучного диалектического закона перехода количества в качество, сущность которого заключается в том,

³ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2019 года.

что по мере накопления сведений о единичных объектах изучения, их свойствах и признаках выделяются закономерности, которые присущи только некоторым группам, категориям объектов⁴. Это и позволит при помощи разрозненной информации о лице установить его.

Для решения поставленной задачи в Системе должны использоваться такие методы, как математическая статистика, численные методы, методы оптимизации, методы теории вероятностей, теории графов, а также различные техники работы с данными в цифровой форме. Кроме того, в работе Системы должен учитываться ряд криминалистических учений.

- *Криминалистическое учение о навыках преступника.* Оно подразумевает, что преступник применяет те приемы и средства, которые раньше уже использовались им при совершении сходного правонарушения. Однако не надо думать, что преступник совсем не меняется в процессе своей преступной деятельности. Решив совершить повторное преступление, он более тщательно готовится к нему, улучшая личные криминальные навыки⁵. Как отмечает В.Н. Чулахов, среди факторов, определяющих способ преступления, значительную роль играют психофизиологические свойства личности преступника, в частности навыки и привычки. В способе преступления отражаются два вида навыков — общего значения, возникшие вне связи с совершением преступления, и преступные, сформированные в процессе противоправной деятельности. Навыки преступного характера формируются в ходе подготовки к преступлению и совершенствуются при повторных аналогичных преступлениях⁶. Превращение некоторых самостоятельных элементов способа в навык и переход их на уровень автоматизированных, подсознательных актов является одной из закономерностей формирования способа неоднократно совершаемых однородных

преступлений, то есть формируется «преступный почерк»⁷. Именно признаки преступного почерка и должны лежать в основе выявляемых Системой признаков.

- *Учение о криминалистической идентификации.* Выявление признаков преступного почерка Системой должно основываться на поставленной идентификационной задаче — установления тождества лица по оставляемым им следам. Одной из частей учения о криминалистической идентификации является учение о признаках и их сравнительной оценке, которое должно учитываться разработчиками Системы⁸.

Система должна выполнять функции накопления, сохранения, сравнения, визуализации криминалистически значимых сведений, функции поиска этих сведений и выработки следственных предположений (версий).

Накопление информации в Системе связано с деятельностью следователя, который по каждому уголовному делу, находящему в его производстве, должен будет внести в базу Системы определенные криминалистически значимые сведения. В какой-то степени эти данные будут совпадать с теми данными, которые вносятся в статистические карточки. Однако данные сведения должны быть максимально детализированы. Так, например, при описании места совершения убийства в квартире следует указать — сколько этажей в строении; как охраняется вход в подъезд (домофон, консьерж, видеокamera); присутствие лифта; количество квартир на этаже; месторасположение квартиры, где совершено убийство; степень ее охраны (дверной глазок, количество дверей, замков, их характеристика). Конечно, это потребует формирования новых криминалистических справочников, однако именно такие детальные признаки и нужны Системе для ее аналитической работы. Если в ходе производства предварительного расследования следственным или оперативным путем появляются новые данные, то они должны вноситься в базу Системы незамедлительно. Чем больше признаков будут характеризовать один и тот же объект в Системе, тем она будет эф-

⁴ *Облаков А.А., Облаков А.Ф.* Предпосылки возникновения и развития криминалистической характеристики преступлений как составного элемента криминалистической методики // *Российский следователь*. 2016. № 13. С. 7—12.

⁵ *Шильников И.А.* Состояние и криминологическая характеристика рецидивной наркопреступности в органах внутренних дел на транспорте: региональный аспект // *Российский следователь*. 2020. № 2. С. 58—62.

⁶ *Чулахов В.Н.* Криминалистическое учение о навыках и привычках человека: монография / под ред. *Е.Р. Россинской*. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 206—207.

⁷ *Россинская Е.Р., Рядовский И.А.* Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // *Lex Russica*. 2019. № 3. С. 87—99.

⁸ *Попов И.А., Борбат А.В.* Актуальные проблемы теории исследования вещественных доказательств: исторический и современный аспекты // *Российский следователь*. 2017. № 18. С. 19—22.

фективнее работать. Кроме того, в Системе должна быть предусмотрена возможность загрузки видеофайлов, на которых есть изображения преступников, полученные с камер видеонаблюдения; должна работать программа распознавания изображений, а также программа, позволяющая проводить сравнение видеоизображения со словесным портретом преступника.

Срок хранения криминалистически значимых сведений в Системе целесообразно ограничить сроком расследования и судебного разбирательства. После вступления приговора в законную силу информация из Системы может быть удалена.

Основной задачей Системы должно быть обнаружение совпадений определенных признаков по разным уголовным делам и определение возможности совершения нескольких правонарушений одним и тем же преступником. Синтез признаков надлежит проводить как по элементам криминалистической характеристики преступления, так и по итогам проведенных идентификационных и диагностических экспертиз. Составной частью Системы должна быть технология, позволяющая прогнозировать преступное поведение. Установив, что несколько правонаруше-

ний с большой долей достоверности произведены одним лицом, Система сможет предсказывать на основании имеющейся информации вероятность совершения им нового правонарушения в установленном месте в установленное время.

Результаты работы Системы визуализируются в виде готовых к распечатке графиков, схем и т.п.

Следователь должен будет иметь возможность осуществлять и самостоятельный поиск необходимой ему информации в Системе. Так, если Система делает вывод, что несколько преступлений образуют серию, то следователь через Систему может получить необходимые сведения по другому уголовному делу.

Для того чтобы Система начала эффективно работать, в нее на начальном этапе эксплуатации необходимо загрузить криминалистически значимые сведения о преступлениях за последние 10 лет, по которым виновные лица не установлены.

По нашему мнению, формирование такой Системы и внедрение ее в практику следственных подразделений позволит повысить раскрываемость правонарушений.

УДК 343
ББК 67.7

Анна Андреевна ЛЕБЕДЕВА,
доцент кафедры криминалистики
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: Lebedevaannaandreevna@gmail.com

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ, КРИМИНАЛЬНЫЕ РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ИХ ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

Аннотация. В январе 2021 г. вступил в силу Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Серьезную озабоченность представителей правоохранительных органов вызывает незаконная деятельность с привлечением цифровых финансовых активов, а также криминогенные риски, связанные с «узакониванием» криптовалют, виртуальных валют. В статье автор предприняла попытку осветить возможные криминальные риски, связанные с легализацией цифровых финансовых активов в России, в качестве аргументов ссылаясь на нормативные правовые документы и следственную и судебную практику.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, криминальные риски, расследование, легализация, криптовалюта, виртуальная валюта, незаконная банковская деятельность, финансирование терроризма, расследование, Следственный комитет Российской Федерации.

Anna Andrejevna LEBEDEVA,
the associate professor of criminalistics
of the Moscow academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Candidate of legal sciences
E-mail: Lebedevaannaandreevna@gmail.com

THE DIGITAL FINANCIAL ASSETS, CRIMINAL RISKS CONNECTED WITH THEIR LEGALIZATION

Abstract. In January, 2021 Federal law № 259-FZ "About digital financial assets, digital currency and about introduction of amendments to separate acts of the Russian Federation" begins to work. Serious law enforcement concerns are crimes committed with use of cryptocurrencies and possible criminal risks associated with the fixation of cryptocurrencies in legislation. In article the author undertook considers the possible criminal risks connected with legalization of cryptocurrencies in Russia, proving arguments in normative legal documents and acts of investigative and judicial practice.

Keywords: digital financial assets, criminal risks, investigation, legalization, cryptocurrency, virtual currency, illegal bank activity, terrorism financing, investigation, Investigative Committee of the Russian Federation.

17 июля 2020 года состоялось заседание Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по вопросу «О состоянии работы правоохрани-

тельных и контролирующих органов по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с посягательствами на безопасность в сфере использования

информационно-коммуникационных технологий, включая критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации»¹.

В указанном мероприятии наравне с представителями иных правоохранительных ведомств приняты участие и первые лица Следственного Комитета Российской Федерации.

Серьезную озабоченность правоохранителей вызвал вопрос использования цифровых финансовых активов, а также криминальные риски, связанные с их легализацией. На совещании постановлено кардинально изменить подходы к организации оперативно-разыскной деятельности и предварительного расследования таких фактов.

Следует принимать во внимание специфику выявления цифровых финансовых активов, стремительное распространение криминального использования виртуальных активов, компьютерных атак на критическую информационную инфраструктуру государства, необходимость в предъявлении повышенных требований к сотрудникам следственных подразделений, в том числе и для достижения устойчивого уровня раскрываемости указанных противоправных деяний.

31 июля 2020 г. подписан и опубликован Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², который вступил в силу в январе 2021 г. (далее — Федеральный закон № 259-ФЗ).

Несмотря на это, цифровые финансовые активы («виртуальные деньги», криптовалюты) «освоились» в Российской реальности более 10 лет назад, а попытки их легализовать в национальную правовую действительность предпринимались, начиная с 2017 года.

Подобный продолжительный период имплементации цифровых финансовых агрегаторов замотивирован недоверием представителей органов государственной власти, финансовых учреждений³ и правоохранительных органов к внедрению современных финансовых продуктов (цифровых финансовых активов, цифровой валюты),

технологий, связанными с ними изменениями и возможными рисками.

Технический прогресс не стоит на месте, и кредитные, и банковские, финансовые учреждения вынуждены считаться с наличием цифровых финансовых активов.

Многие опасения, связанные с узакониванием цифровых финансовых активов («виртуальные деньги», криптовалюта), объясняются рисками их внедрения, в том числе и криминальными, а именно финансированием запрещенных террористических организаций, легализацией денежных средств, добытых преступным путем, отсутствием комплексных методик раскрытия и расследования преступлений, направленных как на сами цифровые финансовые активы («виртуальные деньги», криптовалюта), так и совершаемых при их использовании.

Риски, связанные с незаконными операциями по легализации (отмыванию денежных средств, добытых преступным путем)

В первую очередь, рассматривая цифровые финансовые активы («виртуальные деньги», криптовалюта) в качестве агрегаторов финансовой системы, мы видим риски нелегальных транзакций, алгоритмов уклонения от налогов, схем отмывания (легализации) денежных средств, полученных преступным путем⁴.

В самом деле, манипуляции с цифровыми финансовыми активами без обязательной идентификации участников транзакций существенным образом облегчают противозаконную деятельность из-за невозможности отмены совершенных транзакций и их блокировки.

Но есть тонкости, на которые стоит обратить внимание. Так, цифровые финансовые активы («виртуальные деньги», криптовалюта) не анонимны, как принято считать. Все операции, производимые с ними, заносятся в соответствующий распределенный реестр, который отражает все

¹ См. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1880616> (дата обращения: 15.01.2021).

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, 6 августа 2020 г. № 173.

³ См. *Перов В.А.* Проблемные вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2020. № 7. С. 20—22; *Саркисян А.Ж.* Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Российский следователь. 2019. № 3. С. 54—59.

⁴ См. *Лебедева А.А.* Цифровые технологии в финансовой сфере (на примере криптовалют). Неизбежность или осознанный выбор Российской Федерации. М.: Проспект, 2019. С. 74—76.

транзакции между всеми адресами за всю историю, что позволяет идентифицировать их владельцев⁵.

У финансовых учреждений имеются алгоритмы для выявления, оценки, понимания и документального фиксирования своих индивидуальных рисков, в том числе и при введении новых финансовых агрегаторов (цифровых финансовых активов).

Выпуск цифровых финансовых активов, согласно Федеральному закону № 259-ФЗ, детально урегулирован, соответствует действующему законодательству в области борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств, прозрачности банковской системы Российской Федерации, подконтрольности.

В нормативной правовой регламентации также нашли отражения и положения, в соответствии с которыми денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретённых в результате совершения преступления, могут выступать в качестве предмета преступления⁶. Однако из текста Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (с изменениями и дополнениями от 26.02.2019) напрямую не следует, что операции по преобразованию одних виртуальных активов в другие квалифицируются как действия по отмыванию денег.

Риски, связанные с наркоторговлей

В отчёте о взаимной оценке российской системы противодействия легализации преступных доходов, составленном группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием доходов (ФАТФ) в декабре 2019 года⁷, отмечено наличие

⁵ См. *Перов В.А.* Уголовно-правовые аспекты «недобросовестного» майнинга криптовалют // *Безопасность бизнеса.* 2018. № 2. С. 25—29.

⁶ См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (с изменениями и дополнениями от 26.02.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См. Официальный текст Отчета о взаимной оценке Российской Федерации. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/mer4/fatf-2019-rossijskaafederacia.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).

интернет-площадок в сегменте Darknet по реализации наркотических веществ посредством цифровых финансовых активов («виртуальные деньги», криптовалюты)⁸.

Указанное обуславливает необходимость проработки и внедрения в следственную практику механизмов по конфискации цифровых финансовых активов.

В настоящее время имеется опыт расследования уголовных дел, возбужденных по ст. 228, 228.1 УК РФ, с изъятием сотрудниками правоохранительных органов цифровых финансовых активов, полученных от реализации наркотических веществ, и преобразованием их в национальную валюту для обращения в доход государства.

Так, 24.07.19 Пермский районный суд Пермского края вынес приговор 11 участникам преступного сообщества, причастным к сбыту наркотиков на территории Прикамья через интернет-магазин за цифровые финансовые активы (криптовалюту).

Следствием установлено, что в 2016 году организатор преступного сообщества создал интернет-магазин для реализации наркотических веществ. В состав криминальной организации входили 14 человек с четким разграничением обязанностей. Оплата за наркотические вещества осуществлялась посредством цифровых финансовых активов (криптовалюты).

Сотрудники правоохранительных органов в ходе расследования изъяли так называемые криптокошельки с цифровыми финансовыми активами у организатора группы, которые впоследствии были преобразованы в национальную валюту (1 млн руб.)⁹.

Финансирование терроризма

Согласно данным отчёта о взаимной оценке российской системы противодействия легализации преступных доходов, опубликованного ФАТФ в конце 2019 года, обозначены основные инструменты, используемые для легализации преступных доходов в России.

К их числу относят:

- использование технических фирм: юридических лиц и образований-нерезидентов;
- легализацию денежных средств, полученных от преступной деятельности посредством фиктивной экономической деятельности, инициированной за пределами РФ;
- использование посредников, связанных (аффилированных) с должностными лицами;

⁸ См. *Чирков Д.К., Саркисян А.Ж.* Преступность в сфере высоких технологий: тенденции и перспективы // *Вопросы безопасности.* 2013. № 2. С. 160—181.

⁹ URL: <https://59.мвд.рф/news/item/17672956?year> (дата обращения: 15.01.2021).

- незаконное использование электронных средств платежей и виртуальных валют; использование наличных денежных средств.

Интерес представляет тот факт, что большинство указанных методов и инструментов связаны с незаконным выводом денежных средств из Российской Федерации для их последующей легализации в других странах.

Согласно отчёту о национальной оценке рисков, что касается финансирования терроризма (далее — ФТ), террористические группировки осуществляют сбор основной части средств в сети интернет (в том числе и в социальных сетях) не только у лиц, осознанно и намеренно финансирующих террористическую деятельность, но также у людей, которые не знают истинное назначение этих средств. Другие средства электронных платежей, включая виртуальные активы, также могут использоваться в целях финансирования терроризма.

Однако существует положительный национальный опыт пресечения террористической деятельности, а также незаконной деятельности, связанной с финансированием терроризма, в том числе с применением цифровых финансовых активов («виртуальные деньги», криптовалюты).

Так, во время мероприятий по противодействию терроризму ФСБ РФ был обнаружен г-н Б., который, согласно оперативной информации, в феврале 2014 года прибыл в Сирию для участия в вооруженной группировке Джамаат Сейфуллах Шишани, структурно связанной с Джабхат ан-Нусра. Затем г-н Б. создал пропагандистские сайты в социальных сетях Facebook и ВКонтакте, чтобы организовать сбор средств для финансирования терроризма. Для установления того факта, что г-ном Б. было осуществлено финансирование терроризма, ФСБ направила запрос в Межрегиональное управление Росфинмониторинга. В ходе расследования было установлено, что г-жа Х. предоставила г-ну Б. следующие финансовые инструменты, зарегистрированные на ее имя: виртуальный кошелек Q и банковскую карту, привязанную к этому кошельку для сбора денежных средств в интересах г-на Б.

Общая сумма средств, поступивших на виртуальный кошелек Q в период с октября 2015 по март 2016 года, составила 284 646,99 руб. (4000 евро). За тот же период общая сумма исходящих операций составила 164 962,12 руб. (2262 евро). В то же время г-жа Х. под псевдонимом была подписчиком закрытой группы в социальной сети, созданной г-ном Б., где она представилась как его жена. Выяснилось, что в 2015 году г-н Н. оказал финансовую поддержку террористической группировке путем перевода денежных средств со своей банковской карты, выпущенной банком С., на банковскую карту, принадлежащую г-же

Х., с использованием информации, опубликованной в интернете г-ном Б. В период с ноября по декабрь 2015 г. г-н Н. совершил четыре операции на общую сумму 5200 рублей (71 евро) с использованием банковской карты. Затем г-н Н. был привлечен к ответственности Генпрокуратурой РФ за финансирование терроризма (ст. 205.1), г-жа Х. — за преступления в сфере ФТ и публичное обращение с призывом осуществлять экстремистскую деятельность (ст. 205.1 и 208), г-н Б. — за те же два преступления, а также за организацию деятельности террористических организаций (ст. 205.5).

Уголовное дело в отношении г-на Б. и г-жи Н. было приостановлено в связи с отсутствием информации об их местонахождении. Впоследствии ответчик был объявлен в федеральный розыск. 26 апреля 2017 г. г-н Н. был признан виновным в совершении преступления в соответствии со ст. 205.1 УК РФ и приговорен к пяти годам лишения свободы¹⁰.

На сегодняшний день цифровые финансовые активы («виртуальные деньги», криптовалюты), по мнению экспертов ФАТФ, занимают последнее место среди рисков, связанных с финансированием терроризма.

Традиционные методы получения денежных траншей по-прежнему являются основными источниками по финансированию террористических организаций. Банковский сектор остается самым востребованным для осуществления международных транзакций, которые интересуют террористов.

Выводы

Цифровые финансовые активы («виртуальные деньги», криптовалюты) создают новые задачи, которые придется решать правотворцам, регуляторам и правоохранительным органам.

Любые новые финансовые агрегаторы, помимо положительных изменений, подразумевают и новые риски, цифровые финансовые активы не являются исключением.

Согласно компетентному мнению представителей правоохранительных органов, нецелевое использование цифровых финансовых активов («виртуальные деньги», криптовалюты) образует криминальные риски, связанные с расчетами при реализации наркотических веществ; отмытием (легализацией) доходов, добытых преступным путем, киберпреступностью, хищением виртуальных активов.

¹⁰ См. Официальный текст Отчета о взаимной оценке Российской Федерации (дата обращения: 15.01.2021).

В настоящее время остается детально не урегулированным вопрос, касающийся наложения ареста или осуществления конфискации цифровых финансовых активов, механизм их обращения в фиатные деньги и обращение в пользу государства.

Современный подход судов к цифровым финансовым активам основан на отнесении «виртуальных денег», криптовалют к категории «иного имущества» в соответствии с нормами Гражданского Кодекса РФ.

Так, в Определении Верховного суда Республики Башкортостан от 20.02.2017 г. № 33-3487/2017 суд указал, что «виртуальная валюта» является не средством платежа за товар, а непосредственно товаром¹¹.

В Постановлении 9 Арбитражного Апелляционного суда от 15.05.2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017, по мнению суда, криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество¹².

Следственная практика сводится к наложению ареста на цифровые финансовые активы, отслеженные оперативным путем, в момент их перевода в фиатную валюту.

Так, в сентябре 2017 г. трое жителей Костромы задержаны за организацию незаконного обмена криптовалюты по ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность).

Следствием установлено, что Д. осуществлял общее руководство и контроль деятельностью организованной группы; подыскивал офисные помещения; обеспечивал необходимым оборудованием, компьютерной техникой и материалами; как сам, так и посредством третьих лиц приобретал банковские карты и сим-карты операторов сотовой связи, которые использовались в деятельности по переводу электронных денежных средств в системе «...» и купле-продаже «титульных знаков», контролируя и управляя движениями средств по ним, а также распоряжался ими по своему усмотрению; контролировал и устанавливал курсы покупки и продажи «титульных знаков», а также комиссии от перевода электронных денежных средств, руководствуясь необходимостью получения дохода в результате данных операций в размере не менее 0,5 % от суммы

поступивших денежных средств; распределял полученный доход между участниками организованной преступной группы и работниками созданной структуры.

В ходе производства предварительного следствия для получения доказательной базы по уголовному делу изъяты агрегаторы нелегализованной сети обмена виртуальными активами и электронными деньгами, включая банковские карты и десятки электронных устройств, в том числе компьютеры и устройства хранения данных, устройства аппаратного обеспечения, коды (ключи доступа)¹³.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что российские власти, проанализировав большинство рисков, в том числе и криминальных, исходящих от незаконного использования цифровых финансовых активов, встали на путь их признания, легализации, контроля.

До 31 декабря 2021 г. планируется разработать правовой механизм ареста виртуальных активов для целей их конфискации. Соответствующие предложения должны представить правоохранительные ведомства¹⁴.

По итогам Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по вопросу «О состоянии работы правоохранительных и контролирующих органов по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с посягательствами на безопасность в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, включая критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» Следственному комитету постановлено принять меры по актуализации нормативной и методической базы, расширению использования и внедрению технических комплексов и средств, направленных на предупреждение и пресечение преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе связанных с наиболее опасными посягательствами (незаконный оборот наркотических средств, распространение детской порнографии в сети интернет, финансирование террористической деятельности, в том числе и посредством цифровых активов, криптовалют).

¹¹ См. Определение Верховного суда Республики Башкортостан от 20.02.2017 г. № 33-3487/2017. URL: <http://vs.bkr.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.01.2021).

¹² См. Постановление 9 Арбитражного Апелляционного суда от 15.05.2018 г. № 09АП-16416/2018. URL: <https://9aas.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.01.2021).

¹³ См. Приговор № 1-416/2017 1-9/2018 от 16 июля 2018 г. по делу № 1-416/2017 / Свердловский районный суд г. Костромы (Костромская область).

¹⁴ Приказ МВД РФ от 25 ноября 2019 г. № 878 Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3.

*Ж 45-летию применения полиграфа
в правоохранительной практике России*

УДК 343.148.33
ББК 67.532

Надежда Павловна МАЙЛИС,
профессор кафедры оружейведения и трасологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Юрий Иванович ХОЛОДНЫЙ,
Национальный исследовательский центр
«Курчатовский институт»,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук
E-mail: kholodny@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА

Аннотация. В статье представлен краткий обзор зарубежных и отечественных теоретических концепций, которые предлагают объяснение технологии выявления скрываемой человеком информации путем исследования с помощью полиграфа. Показано текущее состояние и тенденции развития «теорий полиграфа».

Ключевые слова: полиграф, исследования с применением полиграфа, судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа, «теории полиграфа».

Nadezhda Pavlovna MAYLIS,
Professor of the Department
of Forensic Arms and Trace Examinations
of the Moscow University of the Ministry of Interior
of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Scientist of the Russian Federation

Yury Ivanovich KHOLODNY,
National Research Center "Kurchatov Institute",
Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences
E-mail: kholodny@yandex.ru

SOME THEORETICAL ASPECTS OF TECHNOLOGY STUDIES USING A POLYGRAPH

Abstract. The article presents a brief overview of foreign and domestic theoretical concepts that offer an explanation of the technology for detecting information hidden by a person through research using a polygraph. The authors show the current state and development trends of "polygraph theories".

Keywords: polygraph, research using a polygraph, forensic examination using a polygraph, "polygraph theories".

Технология исследований с применением полиграфа (далее — ИПП) в целях выявления у человека скрываемой информации существует более ста лет и, подобно иным общественно полезным технологиям, постоянно совершенствуется. В связи с этим в 2017 г. был начат цикл статей, посвященный актуальным вопросам теории и практики ИПП, и в первой статье¹ были проанализированы некоторые аспекты американского опыта применения полиграфа, а также показаны недостатки некритичного заимствования и переноса зарубежного опыта в российскую практику. При оценке российского опыта и его сравнении с зарубежными достижениями было указано на необходимость внесения ясности в дискутируемый на протяжении десятилетий фундаментальный вопрос о теоретическом обосновании технологии ИПП или, по американской терминологии, о «теории полиграфа» (“polygraph theory”). Этот вопрос должен стать предметом следующей статьи.

Однако последовавшие события — появление проекта Методики производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа², а затем и Межведомственной методики производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа³ (далее — Межведомственная методика) — заставили отвлечься от начатого цикла статей и включиться в защиту судебной психофизиологической экспертизы (далее — СПФЭ) от её некомпетентного изложения и применения⁴. Общими усили-

ями⁵ удалось приостановить продвижение Межведомственной методики в практику, но необходимость разработки теоретических аспектов ИПП не отпала.

В частности, на межведомственном Всероссийском научно-практическом семинаре «Психофизиологические исследования с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел: актуальные вопросы и перспективы развития», прошедшем зимой 2020 г. в Российском государственном университете правосудия, была озвучена «позиция Верховного Суда РФ, согласно которой психофизиологические исследования с использованием полиграфа в настоящее время не имеют доказательственного значения»⁶.

Разъясняя эту позицию, представитель Верховного Суда РФ отметил, что «судей беспокоит не степень достоверности психофизиологических исследований как таковая, а отсутствие их научной обоснованности»⁷.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация. В начале 2000-х годов результаты ИПП, выполненных в процессуальном порядке в форме судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа, принимались судами различных инстанций. В частности, Военная коллегия Верховного Суда, рассматривая в 2005 г.

¹ *Холодный Ю.И.* Некоторые аспекты практики и технологии криминалистических исследований с применением полиграфа (статья первая) // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2017. № 4 (18). С. 185—192.

² Проект «Методики производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа». М.: Межведомственная рабочая группа, 2016. 29 с.

³ Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. М.: ФМКМС, 2018. 30 с.

⁴ *Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И.* Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: хаос и его причины // *Уголовный процесс.* 2018. № 10. С. 70—79; *Холодный Ю.И.* Необходимость апробации Межведомственной методики судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // *Вопросы экспертной практики.* 2019. Март (специальный выпуск): III Междунар. науч.-практ. конф. «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы». С. 689—694; *Еремин И.И., Холодный Ю.И.* Научно-методическое обеспечение судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // *Криминалистика — прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17 окт. 2019 г.).* М.: Московская академия СК РФ, 2019. С. 240—245 и др.

⁵ *Аверьянова Т.В., Майлис Н.П., Холодный Ю.И.* О межведомственной методике производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // *Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17—18 янв. 2019 г.).* М., 2019. С. 31—37; *Холодный Ю.И., Савицкий М.А., Николаев А.Ю.* Проблемы методического обеспечения экспертизы с применением полиграфа // *Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е.Р. Россинской: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Проспект, 2019. С. 472—478; Борисова О.А.* Судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: что мешает развитию // *Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве: сб. статей. Вып. 4. М.: РГУП, 2020. С. 47—54; Савицкий М.А., Николаев А.Ю.* Проблемы методического обеспечения судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // *Там же.* С. 126—135 и др.

⁶ *Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве: сб. статей. Вып. 4. М.: РГУП, 2020. С. 12.*

⁷ *Зеленин С.Р.* Верховный Суд Российской Федерации об использовании полиграфа в судопроизводстве // *Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве. С. 17.*

результаты одной из таких СПФЭ, констатировала, что «заключение эксперта-полиграфолога было получено в соответствии с требованиями закона и является научно обоснованным»⁸.

Естественно, возникает вопрос — почему СПФЭ, будучи ранее научно обоснованной, пятнадцать лет спустя перестала быть таковой?

Для того чтобы дать ответ на этот непростой вопрос, необходимо рассмотреть различные аспекты текущего состояния проблемы научной обоснованности ИПП и для начала хотя бы бегло познакомиться с существующими к настоящему времени «теориями полиграфа».

Зарубежные «теории полиграфа»: XX век

В течение всей истории использования полиграфа специалисты старались дать объяснение совокупности сложных процессов, которые происходят в психике и организме человека при диагностике у него скрываемой информации с помощью этого прибора. Ниже представлены наиболее известные из «теорий полиграфа»: каждая из них снабжена ссылками, которые позволят читателю при необходимости ближе познакомиться с первоисточниками.

1. Наиболее популярной на протяжении многих десятилетий оставалась (а в среде неспециалистов в области ИПП остаётся и до сих пор) *теория угрозы наказания* (*threat-of-punishment theory*). Согласно этой теории, лицо, подвергаемое тестированию на полиграфе (далее — ТИП), боится проверки, и этот страх порождает выраженные физиологические реакции в том случае, когда данное лицо скрывает какую-то информацию.

При всей, казалось бы, простоте и наглядности теория угрозы наказания легко опровергается: она не может дать объяснение высокой результативности ИПП в лабораторных условиях (например, в тестах с выявлением скрываемого числа или выбранной карты), когда угроза наказания со стороны экспериментатора полностью исключена⁹.

2. Весьма популярной долгое время была *теория конфликта* (*conflict theory*), в основу которой зарубежные специалисты положили труды советского психолога, академика А.Р. Лурии. Соглас-

но этой теории, сильные физиологические сдвиги будут иметь место при конфликте противоборствующих тенденций реагирования, активированных одновременно, — тенденции говорить правду и тенденции лгать о фактах конкретного инцидента¹⁰.

Действительно, теория конфликта согласуется с некоторыми фактами из практики ИПП, но она не может объяснить появление выраженных реакций на значимые стимулы, когда от человека не требуют ответов. Пример тому — *тест молчаливых ответов* (*silent-test*), при котором исключена возможность возникновения «конфликта противоборствующих тенденций»¹¹.

3. Около полувека существует *условно-рефлекторная теория* (*conditioned response theory*), у которой также российские корни: фундаментом для неё послужили принципы, открытые И.П. Павловым при изучении высшей нервной деятельности. По этой теории, критические вопросы порождают у человека более выраженные физиологические реакции потому, что они обусловлены его прошлым опытом, и чем серьёзнее преступление, тем сильнее будут реакции у человека¹².

Но эта теория так же, как и теория угрозы наказания, уязвима: она не может дать приемлемое объяснение появлению выраженных физиологических реакций в лабораторных экспериментах, в ходе которых скрываемая человеком информация успешно выявляется.

4. *Теория активации* (*arousal theory*) полагала, что психофизиологическая «детекция» скрываемой информации происходит из-за различной активационной силы предъявляемых стимулов¹³, и во многом повторяла идеи А.Р. Лурии 1920-х годов о «сигнальной ценности» признака преступного деяния. Вместе с тем теория активации не нашла признания у специалистов, так как не указывала, где и что именно активизируется у исследуемого человека.

5. *Теория психологической установки* (*psychological set theory*) относится к старейшим из «тео-

⁸ Борисова О.А. Указ. соч. С. 48.

⁹ Vershuere B., Ben-Shakhar G. Theory of the concealed information test // Memory detection: Theory and application of the concealed information test. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 128—148.

¹⁰ Barland G.H., Raskin D.C. Detection of deception // Electrodermal activity in psychological research. N.Y.: Academic Press, 1973. P. 446.

¹¹ Reid J., Inbau F. Truth and deception. The polygraph (“lie-detector”) technique. Baltimore: Williams & Wilkins Co., 1977. P. 150—164; Horvath F., Reid J. The polygraph silent answer test // Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1972. Vol. 63, No. 2. P. 285—293.

¹² Ben-Shakhar G., Furedy J. Theories and applications in the detection of deception: A psychophysiological and international perspective. N.Y.: Springer-Verlag, 1990. P. 102.

¹³ Barland G.H., Raskin D.C. Detection of deception. P. 447.

рий полиграфа», была предложена К. Бакстером¹⁴ (одним из основоположников использования полиграфа в США) в 1948 г. и построена на искаженных положениях теории психологической установки, которая была разработана советским психологом, академиком Д.Н. Узнадзе. В настоящее время эта теория отвергается американскими специалистами¹⁵.

6. *Дихотомизационная теория (dichotomization theory)*¹⁶ исходила из того, что психофизиологическая «детекция» скрываемой информации зависит от относительной частоты присутствия значимых стимулов в вопроснике, предъявляемом человеку в ходе его ТнП. Столкнувшись с непреодолимыми трудностями при экспериментальной проверке привыкания человека к стимулам двух разных классов (откуда и появилось её название), эта теория оказалась далёкой от практики ИПП и давно исчезла из числа разрабатываемых.

7. *Теория количества информации (amount of information theory)* полагала, что более высокое возбуждение во время лжи происходит потому, что больший объём информации (истинной и ложной) привлекает внимание человека и активируется в процессе её сокрытия.

8. *Теория возвращения затруднений (retrieval difficulty theory)* исходила из того, что ложная информация является более трудной для обращения к ней, чем истинная: это усиливает психическое возбуждение человека, которое сопровождается выраженными физиологическими реакциями и обеспечивает возможность выявления у него скрываемой информации.

9. *Теория новизны (novelty theory)* постулировала возрастание психического напряжения, которое возникало «из-за новой ассоциации непривычного ложного ответа с вопросом»¹⁷.

Указанные и некоторые иные (неупомянутые) «теории полиграфа» в настоящее время сохранились лишь на страницах научных изданий как исторический факт: четверть века назад, в пору их актуальности, эти теории были представлены в отечественной периодике¹⁸ более подробно.

¹⁴ Krapohl D.J., Show P.K. Fundamentals of polygraph practice. San Diego: Academic Press, 2015. P. 201–203.

¹⁵ Nelson R. Scientific basis of polygraph testing // Polygraph. 2015. Vol. 44. P. 28–61.

¹⁶ Ben-Shakhar G., Liebllich I. The dichotomization theory for differential autonomic responsivity reconsidered // Psychophysiology. 1982. Vol. 19. P. 277–281.

¹⁷ Heslegrave R. An examination of the psychological mechanisms underlying deception // Psychophysiology. 1982. Vol. 19. P. 323.

¹⁸ Холодный Ю.И., Савельев Ю.И. Проблема использования испытаний на полиграфе: приглашение к дискуссии // Психологический журнал. 1996. Т. 17, №. 3. С. 53–69.

Объясняя трудности и неутешительные итоги создания «теории полиграфа» в XX веке, известный в США специалист Р. Нельсон отметил, что полиграфологи-практики всегда тяготели к упрощенчеству и стремились довести объяснение происходящего при ИПП «до того минимального уровня, который удовлетворял бы и их самих, и исследуемых ими лиц»¹⁹.

Подтверждением слов американского специалиста служит теория угрозы наказания, которая до сих пор остается весьма популярной.

Зарубежные «теории полиграфа»: XXI век

XXI век ознаменовался появлением новых подходов и идей в разработке «теорий полиграфа».

10. На рубеже XX и XXI веков появилась *ориентационная теория (orienting theory)*²⁰, создатель которой — М. Кляйнер положил в её основу работы Е.Н. Соколова, изучавшего в 1960-е годы ориентировочный рефлекс²¹, и ввёл в теоретические конструкции²² понятие «значимость стимула» (*the significance of the stimulus*).

В США и ряде других стран вердикт ИПП традиционно выносится в виде суждений «ложь обнаружена» (*“deception indicated” — DI*) или «ложь не обнаружена» (*“no deception indicated” — NDI*). Исходя из ориентационной теории, впервые было предложено взамен традиционного вердикта выносить суждения «значимое реагирование» (*“significant responding”*) и «незначимое реагирование» (*“no significant responding”*).

11. *Теория полиграфного интервьюирования (polygraph interviewing theory)*²³ акцентировала роль предварительного интервью (то есть предтестовой беседы перед началом ТнП): такое интервью дает возможность правдивому человеку привыкнуть к вопросам теста, в то время как скрывающего что-то (лживого) человека беспокоят эти вопросы.

12. *Теория важности значимой темы, или притяжения релевантной темы (relevant issue gravity)*, была опубликована А. Гинтоном и базировалась

¹⁹ Nelson R. Scientific basis of polygraph testing. P. 41.

²⁰ The polygraph and lie detection. Washington, D.C.: The National Academies Press, 2003. P. 77.

²¹ Sokolov E.N. Perception and the Conditioned Reflex. N.Y.: McMillan, 1963; Sokolov E.N. Orienting reflex as information regulator // Cognition and Categorization. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1966. P. 79–98.

²² Kleiner M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: A theoretical proposal // Handbook of Polygraph Testing. San Diego: Academic Press, 2002. P. 127–182.

²³ Nelson R. Scientific basis of polygraph testing.

на психологической категории внимания²⁴. Полагалось, что сила проверочного вопроса исходит из его качества, способного захватить и удерживать внимание проверяемого: проверочные вопросы теста для виновных проверяемых имеют большую силу в привлечении внимания, чем для невиновных. Однако выделение особой роли внимания при диагностике у человека скрываемой им информации подверглось критике американскими специалистами: было указано, что, «возможно, внимание является необходимым, но явно недостаточным (условием или фактором — *авт.*), поскольку действует мультикомпонентный процесс»²⁵. К этой теории мы еще обратимся ниже.

Оценивая перечисленные выше «теории полиграфа», следует отметить, что выдвигание большинства из них проходило примерно по такой схеме: а) вначале декларировался какой-либо тезис, сформулированный на основе наблюдений в ходе ИПП (например, теория угрозы наказания) или установленных в лаборатории фактов (дихотомизационная теория), и б) затем для закрепления теории подбирались дополнительные факты. Отмечая неэффективность такого пути, зарубежные специалисты в конце XX века указали, что «ни одна из теорий и ни один из теоретических подходов не способны охватить весь объём данных»²⁶, наблюдаемых при ИПП.

Практика показала, что такой подход себя исчерпал. Действительно, невозможно дать объяснение тесно взаимодействующему комплексу психологических и нейрокогнитивных процессов, лежащих в основе диагностики у человека скрываемой им информации, выделив из этой совокупности процессов какой-то один компонент (ориентировочный рефлекс, значимость стимула, психологическую установку, внимание и проч.). Поэтому определенным шагом вперед явилось формирование в XXI веке подхода, рассматривающего выявление у человека скрываемой информации как комплексный, «мультикомпонентный» процесс со многими составляющими.

²⁴ Ginton A. Relevant issue gravity (RIG) strength — a new concept in PDD that reframes the notion of psychological set and the role of attention in CQT polygraph examinations // Polygraph. 2009. Vol. 38, No. 3. P. 204—217.

²⁵ Krapohl D.J., Show P.K. Fundamentals of polygraph practice. P. 203.

²⁶ Ben-Shakhar G., Furedy J. Theories and applications in the detection of deception: A psychophysiological and international perspective. P. 113.

13. Первой на «мультикомпонентном» пути развития «теорий полиграфа» оказалась *теория дифференциальной выраженности (differential salience theory)*, которая «не имеет отношения к страху выявления лжи... (и) не базируется на внимании, а была задумана, чтобы дать объяснение дифференциальной реактивности как в тестах со сравнительными вопросами, так и в тестах скрываемой информации»²⁷.

14. Второй из «мультикомпонентной» группы «теорий полиграфа» является *теория предварительного процесса (preliminary process theory)*, которую зарубежные специалисты считают в настоящее время приоритетной и возлагают на неё большие надежды. По их мнению, эта теория «базируется на ориентировочном рефлексе, включает в себя оценку стимулов и другие высокоавтоматизированные когнитивные функции, из которых значимость стимула играет ключевую роль»²⁸.

Работы по изучению мультикомпонентности процесса выявления у человека скрываемой информации начались, но качественного прорыва в построении «теории полиграфа» еще не дали.

В целом приходится согласиться с мнением ведущих американских полиграфологов, которые констатировали, что в настоящий момент «проблема не в том, что нет теории, а в том, что слишком много предложено теорий, чтобы объяснить, как работает полиграф при обнаружении лжи»²⁹.

Российские «теории полиграфа»: XXI век

В XXI веке в России сформировалось несколько коммерческих школ по подготовке полиграфологов, и руководители некоторых из них предложили свои «теории полиграфа» — число теорий продолжило расти.

15. Первой в новом веке в 2004 г. была заявлена *теория направленной актуализации динамических личностных смыслов сознания*³⁰, автор которой, С.И. Оглоблин, построил её на положениях теории деятельности А.Н. Леонтьева. Однако, будучи продекларированной, эта теория не получила экспериментальной проверки и во многом осталась умозрительной.

²⁷ Krapohl D.J., Show P.K. Fundamentals of polygraph practice. P. 204.

²⁸ Ibid. P. 204.

²⁹ Ibid. P. 201.

³⁰ Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. Ярославль: Ньюанс, 2004. С. 411.

16. В 2007 г. на семинаре Американской ассоциации полиграфологов израильский специалист А. Гинтон предложил теорию, которая базировалась на категории внимания (см. выше п. 12); в 2009 г. эта теория была опубликована в журнале *Polygraph*³¹. В том же году в России появляется *теоретическая концепция о приоритетной роли внимания* (далее — ТКВ) в механизмах ИПП А.Б. Пеленицына. Указав, что в ходе ИПП в возникновении реакций «определенную роль... играют все основные психические функции, включая память, эмоции... и т.д.», автор этой дублирующей концепции также утверждал, что «пусковое значение принадлежит только одной из них, называемой вниманием»³².

А.Б. Пеленицын полагал, что ему удалось успешно решить проблему, над которой ученые всего мира работают около ста лет, и раскрыть «подлинный механизм возникновения физиологических реакций в процессе тестирования»³³ на полиграфе. К сожалению, этого не произошло: в 2012 г. известный криминалист профессор Е.Е. Центров подверг ТКВ обстоятельной и аргументированной критике за «выпячивание» роли внимания в нейрокогнитивных механизмах ИПП³⁴.

17. В 2011 г. Л.Г. Алексеевым была предложена теоретическая концепция, согласно которой в процессе ИПП «работа всех регулирующих систем организма человека направлена на сохранение целостности организма (поддержание его гомеостаза)»³⁵, — так появилась *адаптационная теория*³⁶.

18. В том же году С.В. Поповичев предложил *теоретическую концепцию эмоциональной модели инструментальной детекции лжи*: эта теория ука-

зала, что предметом изучения ИПП «выступает эмоциональная сфера, с помощью которой полиграфист исследует содержание памяти проверяемого»³⁷.

Указанная концепция появилась как некий теоретический конструкт для диссертационного исследования. Однако, хотя диссертация была успешно завершена, концепция не вышла за рамки декларации некоей идеи и не получила дальнейшего развития.

Итак, можно констатировать, что проблема «теорий полиграфа» десятилетиями безуспешно дискутируется зарубежными учеными и полиграфологами, которые в определенной мере смирились с таким положением: отсутствие таких теорий не является препятствием в их успешной практической деятельности. Своеобразным отражением существующего положения, по-видимому, следует назвать соломоново решение Р. Девиса, высказанное им еще в 1960-е годы, когда он пришёл к выводу, что, поскольку предлагаемые «теории не противоречат друг другу... весьма возможно, они все действительно в определенной мере работают в ситуации детекции лжи»³⁸.

Завершая статью, необходимо обратить внимание на тот факт, что психофизиологический метод выявления у человека скрываемой им информации — по природе своего возникновения две тысячи лет назад — является криминалистическим: в России и ряде других стран ИПП давно отнесено к методам криминалистики. И при этом ни одна из представленных выше «теорий полиграфа» не строилась с учетом знаний, накопленных криминалистикой. Отсюда вопрос: как можно создать признанную судебно-экспертным сообществом «теорию полиграфа», не используя знания криминалистической науки?

В мировой практике всё же имеются единичные теоретические концепции, которые учитывают положения криминалистики: их рассмотрение станет предметом следующей статьи.

³¹ Ginton A. Relevant issue gravity (RIG) strength — a new concept in PDD that reframes the notion of psychological set and the role of attention in CQT polygraph examinations // *Polygraph*. 2009. Vol. 38, No. 3. P. 204—217.

³² Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы. М.: Эксмо, 2009. С. 136.

³³ Пеленицын А.Б., Сошников А.П., Жбанкова О.В. Так что же всё-таки определяет полиграф? // *Вестник криминалистики*. 2011. Вып. 2 (38). С. 7.

³⁴ Центров Е.Е. О некоторых психологических и криминалистических аспектах психофизиологических исследований на полиграфе. Память и её значение (статья первая) // *Вестник криминалистики*. 2012. Вып. 2 (42). С. 22—30; Центров Е.Е. Об ошибочности концепции «феноменологии внимания» и особенностях механизма исследования на полиграфе (статья вторая) // *Вестник криминалистики*. 2012. Вып. 3 (43). С. 9—19.

³⁵ Алексеев Л.Г. Психофизиология детекции лжи: методология. М., 2011. С. 32.

³⁶ Справочник полиграфолога. М.: Перо, 2015. С. 43.

³⁷ Поповичев С.В. Легко солгать тяжело. Инструментальная детекция лжи: от идеологии к технологии. М.: ЭПОС, 2011. С. 52.

³⁸ Davis R.C. Physiological responses as a means of evaluating information // *The manipulation of human behavior / A.D. Biderman (eds.)*. N.Y.: Wiley, 1961. P. 168.

УДК 343.985
ББК 523.11

Алексей Михайлович ПОПОВ,
доцент кафедры криминалистики
Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: pamtambov@yandex.ru

Алексей Михайлович ЖУРБЕНКО,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Белгородского юридического института МВД России
им. И.Д. Путилина, кандидат экономических наук
E-mail: Zhurbenkoal@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ РАБОТНИКАМИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

Аннотация. Статья посвящена проблематике расследования преступлений в сфере медицинской деятельности, а именно ятрогениям. Экспертиза и расследование преступлений в аспекте ятрогенных правонарушений являются одними из наиболее трудных и, в связи с этим, малоизученных направлений. С одной стороны, это связано со спецификой субъекта преступления, с другой, со сложностью проведения экспертной работы с целью сбора доказательной базы по факту ятрогении.

Ключевые слова: тактика следственных действий, медицинский работник, следственные ситуации, медицинская помощь, судебная экспертиза.

Alexey Mikhailovich POPOV,
Associate Professor of Criminology Department
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
candidate of Legal Sciences, associate Professor
E-mail: pamtambov@yandex.ru

Alexey Mikhailovich ZHURBENKO,
Senior Lecturer of the Department of Criminalistics
of Putilin' Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of Economic Sciences
E-mail: Zhurbenkoal@yandex.ru

FEATURES OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST THE PERSON COMMITTED BY HEALTH CARE WORKERS

Abstract. The article is devoted to the problems of investigation of crimes in the field of medical activity, namely, iatrogenies. Examination and investigation of crimes in the aspect of iatrogenic offenses are among the most difficult and, in this regard, poorly studied areas. On the one hand, this is due to the specifics of the subject of the crime, on the other, to the complexity of conducting expert work in order to collect evidence on the fact of iatrogenies.

Keywords: tactics of investigative actions, medical worker, investigative situations, medical assistance, forensic examination.

Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня в практической деятельности раскрытие преступлений, которые совершаются при оказании медицинской помощи работниками данной отрасли, представляет особый интерес, что обуславливается латентным характером ятрогенных преступлений (деяние медицинского работника, повлекшее смерть или вред здоровью пациента), так как зачастую выявить факт нарушения и несоблюдения медицинским работником стандартов и правил, а также неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей является затруднительным.

Высокотехнологичное лечебно-диагностическое оборудование, которое используется в настоящее время, а также средства интенсивной терапии дали импульс к невиданным ранее возможностям диагностики и лечения болезней, но, как следствие, вызвали значительный рост нежелательных и неблагоприятных последствий врачебных действий, именуемых ятрогениями¹.

Незнание и (или) некачественное изучение медицинскими работниками инструкций и должностного регламента влекут за собой врачебные ошибки с необратимым исходом для пациентов. Максимально насыщают информационную базу типичные следственные ситуации. На данной информационной базе строится методология раскрытия и расследования преступлений данной группы. При планировании настоящих и будущих следственных действий при использовании современной методологии судебной экспертизы первостепенность отдается разработке единых маршрутизированных основ. Данные основы базируются на аккумулировании практики раскрытия и расследования однотипных видов преступлений и ее анализа².

Сделав ретроспективный анализ случаев, имеющих отношение к преступлениям против личности, можно прийти к выводу о целесообразности применения определенного концептуального подхода к расследованию вышеописанного субъекта уголовного права.

Для наглядной иллюстрации освещения данного вопроса приведем ряд примеров.

¹ Пристансков В.Д. Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию: монография. СПб, 2015. С. 15.

² Волчецкая Т.С. О понятии следственной ситуации. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуации на современном этапе // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности. Калининград, 2012. С. 17.

Пример 1. В ходе ненадлежащего оказания медицинских услуг потерпевшему причиняется легкий, средней тяжести вред здоровью, тяжкий вред здоровью, смерть.

В Орловском перинатальном центре один за другим умирали младенцы. Сердечно-легочная недостаточность, дыхательная недостаточность, отек мозга — посмертные диагнозы звучали разные для разных детей. К 18 января 2016 г. погибших было уже восемь. Орловские СМИ сообщали: матери умерших детей — из глухих деревень (предположительно имелся в виду низкий уровень внутриутробной диагностики). Позже выяснилось, что трое скончавшихся младенцев из Орла. 22 января перинатальный центр закрыли, а главврача отстранили от работы. Следователи возбудили уголовное дело о халатности, посчитав, что, хотя у некоторых детей и были врожденные патологии, череда смертей вызывает подозрения.

Пример 2. При оказании помощи больному с острым коронарным синдромом и острым инфарктом миокарда первая медицинская помощь должна быть оказана как можно раньше и время начала лечения не более 30 минут³. Острый коронарный синдром — это состояние огромной опасности для человеческой жизни. При случившейся ситуации крайне необходимо проведение реанимационных мероприятий и срочная помощь квалифицированного медицинского персонала. Действия медицинских работников с нарушением или неправильным выполнением реанимационных мероприятий, а также несвоевременное оказание медицинской помощи могут привести к летальному исходу.

В описанном примере на рассмотрение эксперту будут вынесены следующие вопросы:

1. Обращался ли потерпевший за оказанием ему медицинской помощи?
2. К кому он обращался, по какому поводу и когда?
3. Являлось ли это лицо официально субъектом медицинской помощи?
4. Какая именно оказывалась медицинская помощь и в какое время?
5. Была ли возможность с учетом времени суток субъекту оказать медицинскую помощь надлежащим образом?

Пример 3

При прохождении диспансеризации в поликлинике МСЧ ГУ МВД России по К. краю от инфаркта миокарда скончался гражданин Б., командир 1-ой роты ОБ ППС ОМВД России г. Н. На диспансеризации

³ Приговор Бирского районного суда Республики Башкортостан от 31 января 2018 г. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-verkhovnyi-sud-respubliki-bashkortostan-respublika-bashkortostan/?page=16>.

гражданину Б. сделали кардиограмму, выявили нарушения в работе сердца, отправили к терапевту. В очереди у кабинета терапевта гражданин Б. скончался.

Из-за особенностей течения болезни ее симптомы часто не замечают. Признаки инфаркта у мужчин часто путают с переутомляемостью, гриппом, переизбытком физических нагрузок, остеохондрозом и т. д. Именно поэтому некомпетентный медицинский работник не смог выявить признаки инфаркта миокарда у пациента и вследствие промедления оказания ему медицинской помощи Б. скончался.

Вопросы к эксперту:

1. Имел ли место ятрогенный дефект (травма, отравление и т. д.)?

2. Кем и когда был обнаружен дефект?

3. Возможно было ли своевременно обнаружить и локализовать дефект и его последствия?

Типичные следственные ситуации, указанные выше, появляющиеся на начальном этапе расследования преступления, а именно отсутствие ухода за пациентами, образуют ряд исходных следственных данных. Для недопущения типичных ошибок, которые могут повлечь за собой неотвратимые последствия, очень важно изучать, анализировать и знать особенности тактики проведения следственных действий⁴.

Особую значимость при расследовании ятрогенных преступлений приобретает проведение таких следственных действий, как выемка и обыск⁵. Указанные следственные действия производятся с целью изъятия медицинской документации, иных предметов, сохранивших информацию о диагностике и ходе лечения заболеваний потерпевшего. Выемка и обыск должны производиться неотложно, чтобы не допустить фальсификации данных и уничтожения следов преступления. В ходе выемки и обыска в медицинском учреждении, в котором оказывалась помощь больному, необходимо обнаружение и изъятие учетных медицинских документов, содержащих информацию об обращении пациента в медицинскую организацию и оказании ему медицинской помощи. Перечень учетных медицинских документов и сроки их хранения содержатся в приложении к письму от 07.12.2015 №13-2/1538

⁴ Пристансков В.Д. Основы формирования криминалистической теории расследования ятрогенных преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. № 4. С. 70.

⁵ Мазур Е.С., Ахмедшин Р.Л., Александрова Я.Д. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 220—225.

«О сроках хранения медицинской документации». При этом следует учитывать, что изымать документы необходимо во всех структурных подразделениях медицинского учреждения, так как в них дублируется информация о проводимой диагностике и лечении заболеваний. С учетом разнообразия и многогранности сфер оказания медицинской помощи рекомендуется привлекать специалиста, который поможет следователю (дознавателю) определить точный список документов, которые необходимо изъять, чтобы исключить сбои в работе медицинского учреждения в связи с изъятием максимального объема документов. Рекомендуется привлекать специалистов из других медицинских учреждений, обладающих специальными знаниями в соответствующей сфере медицинской помощи и профессионального документооборота, сталкивающихся с этим в повседневной деятельности. Таким специалистом может быть руководитель медицинского учреждения, практикующий врач в соответствующей сфере и др.

Изъятию в ходе выемки и обыска подлежат также документы, содержащие сведения о профессиональных и личностных качествах медицинского работника, например: 1. Приказы о назначении на должность, распределении обязанностей, о награждениях и взысканиях медицинских работников; 2. Должностные регламенты медицинских работников; 3. Документы о профессиональной подготовке и повышении квалификации; 4. Журналы, в которых ведется учет организационно-распорядительных документов, при этом следует изымать подлинники, чтобы исключить факты фальсификации указанных в них сведений.

Необходимо изымать предметы с учетом определенной следственной ситуации, на которых с большой долей вероятности могут остаться следы ненадлежащим образом оказанной медицинской помощи. Такими предметами могут быть упаковки от лекарственных средств, шприцы, негабаритная медицинская аппаратура и др.

Также необходимо выяснить у потерпевшего или его родственников наличие документов и предметов, которые связаны с оказанием медицинской помощи, и принять меры к их изъятию. Важное значение при оценке своевременности и правильности оказания медицинской помощи имеет документация контролирующих органов о результатах проверки медицинского учреждения.

В соответствии с Положением о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения, утвержденным Постановлением Правительства

Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 323 (ред. 03.11.2018), проверку порядка оказания медицинской помощи и стандартов оказания медицинской помощи медицинскими организациями и индивидуальными предпринимателями осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. Приказ Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 1 декабря 2010 г. (ред. 22.02.2017) № 230 «Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию» устанавливает, что контроль объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию осуществляется страховыми медицинскими организациями и фондами.

К числу неотложных следственных действий на начальном этапе расследования следует также отнести выемку и осмотр компьютерной техники и электронных носителей информации. Имеется в виду, что ряд документов может заполняться в электронном виде и содержать иную информацию, то есть существует ведение электронной истории болезни. При осмотре документов целесообразно привлечение специалистов в соответствующей сфере оказания медицинской помощи. При осмотре документов необходимо выяснить, в каких именно содержится информация, представляющая интерес для производства предварительного расследования, является ли исчерпывающей содержащаяся в этих документах информация, нет ли признаков фальсификации документов, соответствует ли документация установленным требованиям и т.д. В ходе осмотра следует обращать внимание на признаки фальсификации документов — исправления, подчистки, отсутствие отдельных листов или их частей и т.д. В протоколе осмотра фиксируются общий вид, название, реквизиты документа, его содержание, наличие подписей, оттисков печатей, штампов. Учитывая положения ст. 170 УПК РФ, понятия принимают участие при осмотре документов по усмотрению следователя. В случае, если следователь принял решение осуществлять осмотр документов без участия понятых, то обязательно должна быть произведена фото- или видеофиксация хода проведения осмотра документов и его результатов. При этом следователь (дознатель) должен применять такие методы фото- или видеосъемки, которые максимально точно и подробно отобразят содержащуюся в

этих документах информацию. Целесообразно сделать ксерокопии документов. Копии документов можно использовать при проведении отдельных следственных действий (допрос, эксперимент и др.) в период отсутствия подлинников, направленных для производства экспертных исследований.

При осмотре компьютерной техники следует привлечь специалистов в сфере компьютерной информации, обеспечить сохранность информации на электронных носителях, установить коды доступа, пароли, скопировать имеющиеся файлы, программы, исключить несанкционированный доступ к сведениям и т. д.

Осмотр помещений медицинского учреждения, в котором оказывалась медицинская помощь пациенту, осуществляется с привлечением специалистов с целью проверки условий, в которых оказывалась помощь, соответствие этих условий установленным требованиям, наличия фактов, создающих угрозу жизни и здоровью пациентов.

Контроль и запись телефонных и иных переговоров подозреваемого, обвиняемого и других лиц возможны только при расследовании преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений на основании судебного решения. Применяется в тех случаях, когда может быть получена информация, необходимая для расследования преступления, например, если преступление совершено в соучастии, т. е. группой из двух и более медицинских работников, либо если медицинские работники обсуждают по телефону подробности лечения и диагностики заболеваний пациентов. Проработав и изучив следственную и судебную практику, можно сделать вывод, что проведение следственного эксперимента зачастую становится единственным способом собирания доказательств о виновности или невиновности подозреваемых лиц.

При расследовании преступлений подлежат выяснению обстоятельства, которые позволят следователю более оперативно изучить имеющиеся материалы, принять решение о возбуждении уголовного дела и определить направление поиска недостающей информации. Круг лиц, которых можно допросить по делам о ятрогенных преступлениях, довольно широк, поэтому сузить его можно после изучения медицинской документации, проведения судебно-медицинской

экспертизы и получения консультации у специалиста.

Для повышения эффективности раскрытия и расследования ятрогенных преступлений необходимо использовать специальные знания. Например, ещё В.Д. Спасович отмечал: «Если случится суду или честному человеку необходимость в другой специальности, тогда вместо того, чтобы изучать эту специальность, и так сказать, ехать открывать Америку, можно прямо обратиться к специалисту по той или другой специальности и взять у него готовую формулу, не заботясь уже нисколько, каким образом она выведена»⁶.

В Федеральном законе от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ закреплено, что судебно-медицинская экспертиза является одним из видов медицинской экспертизы, обладает определенным статусом и проводится в ходе проверки сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, гражданских деликтах с целью установить обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Цель проведения конкретной судебно-медицинской экспертизы определяется вопросами, которые следователь (дознатель) ставит перед экспертом. Особую значимость представляют вопросы, определяющие наличие причинно-следственной связи. Во время проведения судебно-медицинской экспертизы эксперт применяет специальные медицинские знания, которыми не обладает сотрудник органов внутренних дел, в связи с этим деятельность судебно-медицинских экспертов играет особую значимую роль для раскрытия и расследования уголовных дел.

Однако существует обстоятельство субъективного характера — профессиональная солидарность работников сферы здравоохранения. Исходя из практики расследования уголовных дел по ятрогенным преступлениям, можно сказать, что основная часть прекращенных дел за отсутствием состава преступления связана с заключением судебно-медицинской экспертизы⁷.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем целесообразным проведение судебно-медицинской экспертизы сотрудниками органов внутренних дел либо Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации, а именно экспертами-криминалистами, обладаю-

щими специальными медицинскими знаниями и имеющими медицинское образование.

В ходе расследования ятрогенных преступлений медицинские знания чаще всего применяют при проведении судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз. Основания назначения судебно-психиатрической экспертизы достаточно многогранны и зависят от обстоятельств уголовного дела и сопутствующих факторов. К ним относятся, например, серьезные сомнения в психическом здоровье и вменяемости лица, нестандартное поведение лица во время предварительного расследования и судебного разбирательства, выраженные признаки психических отклонений и т.д.⁸

Порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы регламентируется Приказом Минздрава от 12 января 2017 г. № 203н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы». Назначается судебно-психиатрическая экспертиза дознавателем, следователем, прокурором или судьей.

По окончании судебно-психиатрической экспертизы не позднее 10 рабочих дней составляется заключение, в котором прописан ход и все стадии исследования, проведенного специалистом, экспертом, на бумажном носителе. В нем отражается, какие исследования и в каком объеме проводились, какие факты установлены и к каким выводам пришел эксперт⁹.

Рассмотрим более подробно экспертизу качества медицинской помощи. В соответствии со ст. 64 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», критерии оценки качества медицинской помощи утверждены Приказом Минздрава от 10 мая 2017 г. № 203н «Об утверждении Критериев оценки качества медицинской помощи».

Экспертиза качества медицинской помощи — это оценка медицинской помощи по следующим параметрам:

⁸ Подробнее см.: *Багмет А.М.* Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенные преступления): учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. *А.М. Багмета*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 159 с.

⁹ См. *Кузнецов С.В.* Особенности судебно-медицинского содействия в доказывании ятрогенных преступлений по ст. 125 УК РФ // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1 (23). С. 109—114.

⁶ *Спасович В.Д.* Сочинения. Т. 4. СПб: Тип. Правит. Сената, 1893. С. 297.

⁷ *Аминев Р.И.* Врачебная ошибка и её уголовно-правовые последствия // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1. С. 124—130.

- своевременность оказания медицинской помощи;
- правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации;
- степень достижения запланированного результата.

Исходя из положений ч. 3 и ч. 4 ст. 64 ФЗ № 323, законодатель предусматривает две ситуации проведения экспертизы:

- оказание помощи по программе обязательного медицинского страхования;
- оказание медицинской помощи в ином порядке.

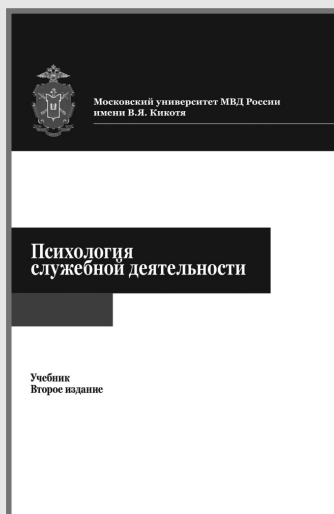
В ходе расследования ятрогенных преступлений медицинские знания чаще всего применяются при проведении судебно-медицинских и су-

дебно-психиатрических экспертиз. Основания назначения судебно-психиатрической экспертизы достаточно многогранны и зависят от обстоятельств уголовного дела и сопутствующих факторов. К ним относятся, например, серьезные сомнения в психическом здоровье и вменяемости лица, нестандартное поведение лица во время предварительного расследования и судебного разбирательства и др.

Таким образом, изучение и анализ типичных следственных ситуаций, необходимых следственных действий, а также использование специальных знаний при расследовании преступных деяний против личности, совершаемых работниками здравоохранения, способствует повышению эффективности расследования рассматриваемой категории уголовных дел.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Цветков В.Л. и др. Психология служебной деятельности. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. — 351 с.

ISBN 978-5-238-03162-0

Учебник разработан в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения по специальности 3705.02 «Психология служебной деятельности». Рассмотрены основы психологической работы в органах внутренних дел. Основное внимание уделяется таким вопросам, как психологическая подготовка сотрудников ОВД, технологии психологической помощи и психологической реабилитации сотрудников ОВД, организация психологической работы в ОВД.

Для курсантов, студентов вузов, психологов, а также всех интересующихся проблемами практической психологии.

УДК 342.95
ББК 67.401.113.3

Кирилл Сергеевич БАКАНОВ,
помощник начальника ФКУ «Научный центр
БДД МВД России» по правовой работе,
кандидат юридических наук
E-mail: kbakanov@mvd.ru

Научная специальность: 12.00.14 — Административное право; административный процесс

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ, СВЯЗАННОГО С ЛИШЕНИЕМ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются последствия применения наказания в виде лишения права на управление транспортным средством в рамках административной ответственности и лишения права заниматься определенным видом деятельности в рамках уголовной ответственности в контексте разрешительной системы допуска к управлению транспортным средством. Обосновывается необходимость ограничения допуска к экзаменам на право управления транспортным средством лиц, подвергнутых административному или уголовному наказанию в виде лишения права заниматься определенным видом деятельности по управлению транспортным средством.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, право на управление транспортным средством, прекращение действия права, водительское удостоверение, разрешение, административное наказание, уголовное наказание, экзамен.

Kirill Sergeevich BAKANOV,
Assistant Chief for Legal Work of the Scientific Center
for Road Safety of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Candidate of Law
E-mail: kbakanov@mvd.ru

TERMINATION OF THE RIGHT TO DRIVE A VEHICLE BECAUSE OF THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL PUNISHMENT RELATED TO DEPRIVATION OF THE RIGHT TO DRIVE

Abstract. The article considers the consequences of the application of punishment in the form of deprivation of the right to drive a vehicle within the framework of administrative responsibility and the deprivation of the right to engage in a certain type of activity within the framework of criminal responsibility in the context of admission to drive. The author justifies the need to restrict the admission to examinations for the right to drive a vehicle for persons subjected to administrative or criminal punishment in the form of deprivation of the right to engage in a certain type of activity to drive a vehicle.

Keywords: traffic safety, right to drive, termination of the right, driver's license, permit, administrative punishment, criminal punishment, exam.

Вопрос обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации не теряет своей актуальности, за последние 10 лет удалось в два раза сократить смертность на дорогах нашей страны, однако руководством государства поставлены более амбициозные цели снижения смертности в ДТП. Так, к 2030 году не-

обходимо снизить указанный показатель в три раза — до уровня, не превышающего 4 погибших на 100 тыс. населения.

Данные обстоятельства обуславливают необходимость совершенствовать имеющиеся правовые механизмы обеспечения безопасности дорожного движения, а также выработать новые

на основе современных достижений юридической науки.

Стоит отметить, что за наиболее грубые нарушения Правил дорожного движения Российской Федерации (далее — ПДД) предусмотрено наказание в виде лишения права управления транспортным средством в рамках административной ответственности и лишение права заниматься определенным видом деятельности в рамках уголовной ответственности, которые влекут прекращение предоставленного специального права на управление транспортным средством (далее — ТС).

В рамках настоящей статьи будет акцентировано внимание на установлении взаимосвязей между указанными смежными видами наказаний, а главным образом — определении последствий их применения в рамках разрешительной системы допуска к управлению ТС.

В целом прекращение действия права на управление ТС следует рассматривать как официальное решение о признании отсутствия права управления ТС у лица, имевшего такое право ранее с определенного момента.

В соответствии с ч. 1 ст. 28 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее — ФЗ о БДД) закреплено три основания прекращения действия права на управление ТС:

- истечение срока действия водительского удостоверения;
- выявление в рамках обязательного медицинского освидетельствования соответствующих противопоказаний;
- лишение права на управление ТС¹.

Как отмечено выше, уголовным законодательством предусмотрено наказание в виде лишения права заниматься определенным видом деятельности, к числу которой относится и управление ТС, однако такой вид уголовного наказания не получил самостоятельного закрепления как основание прекращения права.

Данная ситуация может быть, с одной стороны, объяснена тем обстоятельством, что ранее в санкции ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) как вид наказания было указано «лишение права управлять транспортным средством», в то время как общая часть УК РФ не содержала в принципе такого вида уголовного наказания. Так, лише-

ние права управления являлось единичным проявлением такого вида уголовного наказания, предусмотренного ст. 47 УК РФ, как лишение права заниматься определенным видом деятельности. Только в 2015 г. санкции ст. 264 УК РФ были приведены в соответствие с общей частью УК РФ², в результате чего образовался указанный пробел в ФЗ о БДД.

Кроме того, такой пробел можно рассматривать как разделение порядка применения уголовного наказания и общей разрешительной системы допуска к управлению ТС.

В этой связи самостоятельно рассмотрим указанные виды административного и уголовного наказания через призму последствий их применения для общей системы допуска к управлению ТС.

Лишение права на управление транспортными средствами является одним из видов административного наказания (ст. 3.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях), который назначается за наиболее грубые нарушения ПДД. Право управления у лица в этом случае прекращается с момента вступления в силу соответствующего постановления суда по делу об административном правонарушении, если иное не указано в постановлении.

Ввиду того, что рассматриваемый вид административного наказания применяется только к лицам, имеющим такое специальное право, то, например, лица, совершившие административные правонарушения, связанные с управлением ТС в состоянии опьянения и не имеющие права управления (ч. 3 ст. 12.8, ч. 2 ст. 12.26, ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ), могут обратиться за получением такого права в общем порядке фактически на следующий день после содеянного.

Данное обстоятельство, по нашему мнению, не способствует обеспечению безопасности дорожного движения, так как указанные лица могут представлять угрозу безопасности дорожного движения, а ввиду того, что они могли пройти обязательное медицинское освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний до содеянного или даже после, таким лицам не будет уделено должного внимания в рамках освидетельствования. Кроме того, данное положение дел выглядит несправедливо по отношению к

¹ Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

² Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1, ч. 1. Ст. 81.

лицам, имеющим право управления и допустившим аналогичные правонарушения.

Указанный пробел призван восполнить законопроект, который предусматривает внесение изменений в ФЗ о БДД в части установления запрета на допуск к сдаче экзаменов на право управления ТС и (или) выдачу водительских удостоверений для лиц, совершивших административные правонарушения, предусмотренные ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ и ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ и не имеющих права управления в течение срока, когда эти лица считаются подвергнутыми данному административному наказанию³.

Стоит отметить, что данный законопроект первоначально упускал еще один неотъемлемый вид административно-правового запрета на управление ТС в состоянии опьянения, а именно ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ⁴. Данное обстоятельство могло мотивировать нарушителей имитировать употребление вызывающих опьянение веществ после остановки или ДТП. Однако данный недостаток в последующем был устранен в доработанном варианте проекта федерального закона⁵.

Вместе с тем период действия предлагаемого запрета необоснованно связывают со сроком, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию (1 год), смешивая тем самым разрешительный и административно-деликтный институты. Рассматриваемые правовые последствия не должны быть связаны, так как функционируют в различных плоскостях.

Таким образом, при существующем КоАП РФ логичным и обоснованным представляется установление фиксированного срока запрета на получение права управления в размере минимального срока лишения права управления за аналогичные правонарушения (1,5 года).

Лишение права заниматься определенным видом деятельности является видом уголовного наказания (ст. 47 УК РФ⁶), который назначается за пре-

ступления, связанные с определенной деятельностью лица. Применительно к рассматриваемой теме такой деятельностью является управление транспортным средством. Лишение права заниматься определенной деятельностью может выражаться в запрещении заниматься как профессиональной, так и иной деятельностью. В приговоре суда должно быть конкретизировано, какой вид деятельности запрещается (педагогическая, врачебная, управление транспортом и т.д.)⁷.

Лицо лишается права заниматься деятельностью по управлению ТС на основании приговора суда на указанный период по правилам исполнения соответствующего вида уголовного наказания.

Кроме того, в соответствии со ст. 47 УК РФ дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению ТС может быть назначено как лицу, которому в установленном законом порядке было выдано соответствующее удостоверение, так и лицу, управлявшему автомобилем или другим ТС без соответствующего разрешения⁸. Ввиду чего возникает закономерный вопрос, порождает ли лишение права заниматься определенным видом деятельности в виде управления ТС прекращение действия специального права на управление ТС.

Принципиальным отличием рассматриваемого вида уголовного наказания от административного наказания в виде лишения права управления является возможность его применения к лицам, не имеющим права управления ТС.

Ввиду того, что легитимно управлять ТС возможно только на основании права управления, полученного в установленном порядке, лишение права заниматься деятельностью по управлению ТС не может рассматриваться для лиц, имеющих

³ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» по вопросам допуска к управлению транспортными средствами» (подготовлен МВД России, не внесен в ГД ФС РФ). ID проекта 02/04/09-19/00094694. Текст документа анализируется в соответствии с публикацией на сайте <https://regulation.gov.ru> по состоянию на 06.09.2019.

⁴ *Баканов К. С.* Административно-правовой запрет на управление транспортным средством в состоянии опьянения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2018.

⁵ Текст документа анализируется в соответствии с публикацией на сайте <https://regulation.gov.ru> по состоянию на 19.09.2020.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2; Постановление президиума Тверского областного суда от 17.10.2016 № 44у-127/2016; Постановление президиума Нижегородского областного суда от 07.06.2017 № 44У-69/2017.

такое право, как что-то параллельное, так как запрет на деятельность неминуемо ограничивает специальное разрешение на эту деятельность.

В соответствии с п. 3 ст. 33 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ) уголовно-исполнительные инспекции (далее — УИИ) ведут учет осужденных, контролируют соблюдение осужденными предусмотренного приговором суда запрета заниматься определенной деятельностью, проверяют исполнение требований приговора органами, правомочными аннулировать разрешение на занятие определенной деятельностью, запрещенной осужденным, организуют проведение с осужденными воспитательной работы⁹.

Рассматривая порядок реализации такого уголовного наказания, стоит отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 35 УИК РФ требования приговора о лишении права заниматься определенной деятельностью обязательны для органов, правомочных аннулировать разрешение на занятие соответствующей деятельностью, а ч. 2 ст. 35 УИК РФ предусматривает, что указанные органы не позднее 3 дней после получения копии приговора суда и извещения УИИ обязаны аннулировать разрешение на занятие той деятельностью, которая запрещена осужденному, изъять соответствующий документ, предоставляющий данному лицу право заниматься указанной деятельностью, и направить сообщение об этом в УИИ.

Приказом Минюста России предусмотрена форма извещения подразделений Госавтоинспекции МВД России о лишении осужденного права управления ТС, в соответствии с которой подразделения Госавтоинспекции МВД России обязаны в трехдневный срок после аннулирования разрешения на занятие запрещенной деятельностью и изъятия водительского удостоверения (далее — ВУ) направить соответствующую информацию в УИИ¹⁰.

Ввиду того, что в настоящее время порядок аннулирования разрешения в связи с назначением наказания за совершение преступления в виде

лишения права заниматься определенной деятельностью по управлению ТС ФЗ о БДД и соответствующими постановлениями Правительства Российской Федерации не регулируется, данные положения об аннулировании ВУ на практике не реализуются.

Учитывая даже, что нельзя ставить знак равенства между понятием «разрешение на занятие деятельностью по управлению ТС» и водительским удостоверением, стоит отметить, что среди оснований аннулирования водительского удостоверения, закрепленных в п. 35 Правил проведения экзаменов на право управления ТС и выдачи водительских удостоверений, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.10.2014 № 1097 (далее — Правила выдачи ВУ)¹¹, отсутствуют рассматриваемые виды административного и уголовного наказания.

Кроме того, рассматривая взаимодействие указанных видов наказания, следует отметить, что существует противоречивая практика привлечения лица к административной ответственности за управление ТС в период, когда оно подвергнуто уголовному наказанию в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению ТС. Например, согласно позиции Пермского краевого суда, управление ТС лицом, подвергнутым такому уголовному наказанию, квалифицируется как управление ТС лицом, лишенным права управления ТС (ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ)¹². В то же время, согласно позиции Верховного суда Республики Алтай, лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением ТС, не является лишением специального права управления ТС, а указанные наказания, назначаемые по УК РФ и КоАП РФ, подлежат самостоятельному исполнению¹³.

Решением данного вопроса можно считать новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому «*лишенным права управления ТС* является лицо, которому на основании

⁹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.11.2020, с изм. от 28.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

¹⁰ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // Российская газета. 2009. 14 августа (№ 151).

¹¹ Постановление Правительства РФ от 24.10.2014 № 1097 (ред. от 20.12.2019) «О допуске к управлению транспортными средствами» (вместе с Правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 44. Ст. 6063.

¹² Постановление Пермского краевого суда от 04.07.2019 по делу № 44а-813/2019.

¹³ Постановление Верховного суда Республики Алтай от 09.02.2018 по делу № 4а-4/2018; Решение Верховного суда Республики Алтай от 14.12.2017 № 12-63/2017.

вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении *назначено административное наказание в виде лишения права управления ТС* (ст. 3.8 КоАП РФ) *либо* в отношении которого имеется вступивший в законную силу *приговор суда о назначении наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению ТС* (ст. 47 УК РФ)¹⁴.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от лишения права управления по истечении срока лишения права заниматься деятельностью по управлению ТС и до физического возврата водительского удостоверения лицо не может считаться не имеющим права управления, так как специальных процедур возврата ВУ в этом случае не предусмотрено.

Кроме того, стоит отметить, что уголовное преследование может заканчиваться не только обвинительным или оправдательным приговором, но и другими видами решений, которые могут сказываться на дальнейшем участии обвиняемых, подозреваемых по рассматриваемым преступлениям в дорожном движении и вызывать объективные сомнения в возможности их дальнейшего безопасного участия в дорожном движении.

Так, например, в случае установления у указанных лиц невменяемости (ст. 21 УК РФ), или наличия заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, или наступления у них психического расстройства, лишаящего их возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ст. 81 УК РФ), они подлежат освобождению от уголовной ответственности или наказания с применением принудительных мер медицинского характера¹⁵.

Невменяемость такого лица или наличие предусмотренных заболеваний сами по себе являются медицинскими противопоказаниями *к управ-*

лению ТС, следовательно, право управления такого лица должно быть прекращено в установленном порядке судом.

При этом пунктом 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 предусмотрено, что в этом случае судам надлежит информировать органы, **правомочные решать вопросы о лишении специального права, для принятия мер по прекращению действия права** этих лиц на управление ТС, **а также изъятию соответствующих удостоверений.**

Однако соответствующего самостоятельного основания для прекращения права управления не предусмотрено. Более того, прекратить право управления в соответствии с действующим законодательством может только суд. Следовательно, суд направляет материалы в административный орган, который должен перенаправить их в прокуратуру, чтобы она инициировала в суде процедуру прекращения права управления в порядке административного судопроизводства.

В данной ситуации представляется логичным суду сразу самостоятельно прекращать право управления такому лицу, а в ФЗ о БДД внести такое основание для прекращения права управления.

Кроме того, стоит иметь в виду, что по преступлениям, предусмотренным ст. 264 УК РФ, возможно прекращение уголовного дела и уголовного преследования в соответствии со ст. 25 УК РФ (примирение сторон), в том числе, например, по преступлениям, совершенным в состоянии опьянения (ч. 2 ст. 264 УК РФ). В результате чего право управления ТС таких лиц не будет каким-либо образом ограничено.

Данное положение дел, во-первых, является несправедливым относительно правовых последствий, которые преследуют лиц, совершивших административные правонарушения, связанные с управлением ТС в состоянии опьянения, в том числе ДТП (ст. 12.24 КоАП РФ), а во-вторых, позволяет осуществлять допуск к участию в дорожном движении лиц, в отношении которых имеются объективные сомнения в возможности их безопасного управления ТС.

Стоит отметить, что прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям может повлечь для определённых категорий граждан дополнительные негативные последствия, например запрет на прохождение службы в органах внутренних дел (п. 3 ч. 1 ст. 14

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»¹⁶).

Следовательно, считаем целесообразным для лиц, управлявших ТС в состоянии опьянения и совершивших преступления по ст. 264 и 264.1 УК РФ, преследование по которым было прекращено по нереабилитирующим основаниям, установить временный запрет на управление ТС (при отсутствии по данному факту соответствующей административной ответственности) сроком, равным минимальному размеру лишения права управления за управление ТС в состоянии опьянения (1,5 года).

Обращает на себя внимание, что действующее законодательство (п. 21 Правил выдачи ВУ и п. 26 административного регламента по проведению экзаменов¹⁷) не содержит запрета на допуск к экзаменам на получение права на управление лиц, не имеющих права управления и одновременно подвергнутых уголовному наказанию в виде лишения права заниматься определённым видом деятельности по управлению ТС.

Следовательно, профильные законодательные и нормативные правовые акты фактически допускают таких лиц к сдаче экзаменов, отказ в предоставлении данной государственной услуги теоретически возможно осуществить только на основании прямого применения приговора суда.

Рассматривая прекращение права управления ТС в связи с совершением административного правонарушения или преступления, считаем целесообразным предусмотреть такой вид наказания, как лишение права заниматься определённым видом деятельности, и в новом КоАП РФ, вместо лишения права управления ТС.

Во-первых, это позволит сформировать общие подходы и взаимосвязи данных наказаний и рассматриваемой разрешительной системы получения права на управление ТС, во-вторых, ограничить доступ к участию в дорожном движении лиц, не имеющих права управления и совершивших данные правонарушения или преступления, до истечения срока лишения права заниматься определённым видом деятельности по управлению ТС и прохождения процедуры восстановления или получения заново права управления.

Следовательно, в ФЗ о БДД необходимо предусмотреть, что запрещается допуск к экзаменам на право управления ТС лиц, подвергнутых административному или уголовному наказанию в виде лишения права заниматься определённым видом деятельности по управлению ТС, до истечения срока лишения такого права.

В заключение хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, необходимо предусмотреть в ФЗ о БДД следующие самостоятельные основания для прекращения права управления ТС, связанные с совершением административных правонарушений и преступлений:

- 1) лишение права заниматься определённым видом деятельности по управлению транспортным средством (КоАП РФ и УК РФ);
- 2) прекращение уголовного преследования по ст. 264 и 264.1 УК РФ по нереабилитирующим основаниям;
- 3) применение принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ст. 264 и 264.1 УК РФ.

¹⁶ Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49, ч. 1. Ст. 7020.

¹⁷ Приказ МВД России от 20.10.2015 № 995 (ред. от 06.09.2017, с изм. от 25.10.2018) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений» // Российская газета. 2016. 30 марта (№ 66).

УДК 343.985.7:343.546
ББК 67.523.11

Ирина Вадимовна ДУБАКИНА,
обучающаяся 2 курса факультета подготовки криминалистов
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
E-mail: dubakinairina@gmail.com

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность

Научный руководитель: *Антонов Олег Юрьевич*, декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНУЖДЕНИЙ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ

Аннотация. На сегодняшний день информационно-телекоммуникационные сети — это не только результат развития науки и техники, но и уникальное средство, с помощью которого преступники совершают ряд преступных деяний, в том числе понуждения к действиям сексуального характера. Жертвами данных преступлений чаще всего являются несовершеннолетние. Автором выделены и рассмотрены особенности криминалистической характеристики одного из актуальных в настоящее время видов преступлений — понуждения к действиям сексуального характера (статья 133 УК РФ).

Ключевые слова: несовершеннолетние, понуждение к действиям сексуального характера, криминалистическая характеристика, сеть Интернет.

Irina Vadimovna DUBAKINA,
2nd year master student of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
E-mail: dubakinairina@gmail.com

FEATURES OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF SEXUAL COERCION COMMITTED ON THE INTERNET AGAINST MINOR VICTIMS

Abstract. Today, information and telecommunications networks are not only the result of the development of science and technology, but also a unique means by which criminals commit a number of criminal acts, including sexual coercion. The victims of these crimes are most often minors. The author of this article highlights and examines the features of the forensic characteristics of one of the currently relevant types of crime — compulsion to acts of a sexual nature (Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: minors, sexual coercion, forensic characteristics, Internet.

В конце XX — начале XXI в. бурное развитие цифровых технологий и их распространение практически на все сферы жизнедеятельности человека предопределило возникновение новых общественных отношений. Ши-

рок спектр повседневных угроз: спам, производство и рассылка вирусов, хакерство, кражи персональных данных, раскрытие конфиденциальной информации, мошенничество, сексуальные домогательства в отношении детей, вовлечение

их в проституцию, изготовление детской порнографии¹. Действительно, в нашей стране более 75 % детей имеют профиль в социальных сетях, при этом почти треть — больше одного профиля в разных сетях. Почти каждый пятый (19 %) российский ребенок имеет более 100 друзей в социальных сетях². Поэтому противоправные действия в отношении несовершеннолетних в сети Интернет в последнее десятилетие становятся предметом изучения как зарубежных, так и российских исследователей в области уголовного права, криминологии и криминалистики.

Одним из видов преступлений, совершаемых в отношении детей с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, является понуждение к действиям сексуального характера, которое, используя подход В.А. Мещерякова, прошло «глубокую модернизацию»³. Криминалистическая характеристика подобных преступлений состоит из типичных данных: об обстановке, способе подготовки, совершения и сокрытия преступления, механизме образования и местонахождении следов, о личности как субъекта преступления, так и потерпевшего. Каждый из указанных элементов имеет свои особенности, которые будут рассмотрены далее в настоящей статье.

Преступления такого рода происходят в специфической среде — виртуальном кибернетическом пространстве⁴. Особенностью является то, что в результате использования информационно-телекоммуникационных сетей в одном преступлении могут быть задействованы два устройства — преступника и потерпевшего: компьютеры, смартфоны, ноутбуки, планшеты либо другие гадже-

ты, которые находятся в удаленности друг от друга. Каждое из мест их нахождения будет иметь свою обстановку.

Самыми распространенными способами подключения к Интернету являются модемное соединение, соединение по выделенной линии (оптоволокно и т.д.), GPRS-доступ (через сотовый телефон), радиодоступ, спутниковый интернет. Действия потерпевшего лица представляют собой обыкновенное пользование персональным компьютером, телефоном или другим оборудованием. Потерпевшая и преступник могут находиться в любых точках: на учебе, работе, дома, в транспорте и в других местах, если осуществляются общение посредством мобильной сотовой связи или общедоступных интернет-соединений. Однако, как показывает практика, обмен информацией личного интимного характера между преступником и потерпевшей осуществляется непосредственно дома, через сотовый телефон или персональный компьютер.

Тип преступников, совершающих указанные преступления, достаточно своеобразен. В результате обобщения судебно-следственной практики можно сделать вывод, что это, как правило, молодые лица мужского пола в возрасте 17—25 лет, в большинстве случаев имеют более высокий образовательный уровень, как правило, ранее не судимы⁵. Лица, совершающие преступления, предусмотренные ст. 133 УК РФ, в сети Интернет обычно владеют навыками работы с компьютером на уровне пользователя или продвинутого пользователя, вероятно приобретенными самостоятельно (например, могут взломать электронную почту), также являются активными участниками социальных сетей, имеют в личном пользовании компьютерную технику⁶. Большинство лиц какими-либо хроническими психическими заболеваниями не страдают, признаков расстройств сексуальных предпочтений у них не обнаруживается.

При рассмотрении такого преступления, как понуждение к действиям сексуального характера, следует отметить некоторые особенности способа его совершения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, хотя

¹ Саркисян А.Ж. Преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий: понятия и особенности // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 1. С. 69—74.

² Смирнов А.А. Виктимологическая профилактика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет // Актуальные вопросы публичного права. 2012. № 11. С. 38.

³ Мещеряков В.А. Криминалистика в цифровой век // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2018. С. 180.

⁴ Поляков В.В. Обстановка совершения преступлений в сфере компьютерной информации как элемент криминалистической характеристики // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-1 (78). С. 114.

⁵ Островецкая Ю.А. Личность преступника, совершающего ненасильственные сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 27.

⁶ Криминалистика: в 3 ч. Ч. 3: учебник для вузов / Л.Я. Драпкин [и др.]; отв. ред. Л.Я. Драпкин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 391 с.

оно и не имеет соответствующего квалифицирующего признака.

Основным способом понуждения к действиям сексуального характера является угроза распространения компрометирующих сведений, связанная с размещением или удалением информации, содержащейся в сетях, а именно:

а) угроза распространения частных сведений на каком-либо интернет-ресурсе, доступ к которому имеют знакомые несовершеннолетнего потерпевшего;

б) угроза распространения частных сведений адресно — отсылки данных сведений друзьям, знакомым или даже родителям потерпевшего;

в) угроза не удалить имеющиеся частные сведения, содержащиеся на странице в социальной сети потерпевшего⁷.

Естественно, что для реализации данного способа преступнику необходимо получить от несовершеннолетнего или из его социальных страниц информацию личного характера, в том числе фото- и видеозаписи интимного характера, что возможно также в ходе осуществления развратных действий, квалифицируемых по ст. 135 УК РФ.

Таким образом, по мнению О.Ю. Антонова, данное преступление с точки зрения криминалистической структуры относится к разновидным, когда совершаются различные действия в ходе осуществления и (или) воспроизводства взаимосвязанных порно-сексуальных преступлений⁸. К числу иных взаимосвязанных с понуждением к действиям сексуального характера преступления можно отнести следующие.

Когда преступный результат достигнут и половое сношение или иные действия сексуального характера состоялись, то такие деяния с несовершеннолетним лицом в возрасте от 14 до 16 лет следует квалифицировать по ч. 2 ст. 133 и ч. 1 ст. 134 УК РФ, а с лицом, не достигшим 14-летнего возраста, — по ст. 131 или 132 УК РФ⁹. Если

преступный результат — половое сношение достигнут не был, то преступники обычно разглашают сведения о частной жизни, порочащие честь и достоинство потерпевшей путем размещения в социальных сетях либо отправки другим лицам, что подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, а в случае распространения фото-, видеозаписей обнаженных потерпевших или произведенных ими сексуальных действий онлайн — возможна совокупность с распространением порнографических материалов (ст. 242 либо ст. 242.1 УК РФ, а если жертва является несовершеннолетней — ст. 242.2 УК РФ)¹⁰.

Такие действия В.С. Соловьев относит к порноместе, выделяя следующие ее разновидности:

1) распространение фото- и (или) видеоизображений, которые потерпевшие самостоятельно присылают виновным лицам;

2) распространение фото- и (или) видеоизображений, изготавливаемых виновными лицами самостоятельно с согласия потерпевших;

4) виновные лица незаконно получают материалы (например, путем копирования с устройств, принадлежащих потерпевшим, без их ведома либо в результате взлома личных страниц, электронных почтовых ящиков или облачных хранилищ данных в сети Интернет)¹¹.

Подготовка к понуждению к действиям сексуального характера с использованием социальных сетей и сети Интернет обычно осуществляется так же, как и к совершению иных видов половых и взаимосвязанных с ними преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием компьютерных средств и систем. Преступник регистрируется на определенных сайтах, оформляет личную страницу. Самыми распространенными сайтами и приложениями для осуществления преступлений против половой свободы на сегодняшний день являются социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники», мобильные приложения WhatsApp или Viber, Skype, Instagram, а также сайты знакомств, форумы и чаты. Как правило, субъект посягательства лично не знаком с несовершеннолетней жертвой, поиск жертвы осуществляется

⁷ См.: Швед В.В. Мотив как системообразующий признак криминалистической характеристики преступлений, связанных с изготовлением и распространением порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Скифф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 5-2 (33). С. 188.

⁸ Антонов О.Ю. Криминалистическая структура взаимосвязанных видов преступлений: содержание, классификация и использование в целях разработки комплексных методик расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 167.

⁹ Коновалов Н.Н. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 216.

¹⁰ Антонов О.Ю. Выявление дополнительных эпизодов и новых видов порно-сексуальной преступной деятельности, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3. С. 175.

¹¹ Соловьев В.С. Порноместе: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6. С. 60—64.

путем получения информации на личной страничке ребенка, злоумышленник изучает фотографии, сообщения, социальные статусы, размещаемые в социальных сетях. Затем преступник знакомится с жертвой, сближается в общении, вызывает доверие к себе. Субъекты преступления пытаются установить дружеские отношения, делают комплименты, дают завышенные оценки размещенным в сетях фотографиям¹². Преступник выступает в активной роли, в ходе сетевой коммуникации применяет различные стратегии психологического воздействия¹³.

В процессе общения с жертвой преступник, как правило, сначала может попросить несовершеннолетнего выслать свои обычные фотографии, не сексуального характера, но спустя некоторое время может адресовать повторную просьбу предоставить личные фотографии или видеозаписи интимного характера либо осуществить сексуальные действия онлайн. Такие действия осуществляются при определенном уровне сложившихся отношений между жертвой и посягателем. Большое значение имеет не столько степень их знакомства, сколько образующаяся в результате действий виновного своеобразная зависимость от преступника жертвы сексуального посягательства. Затем преступник шантажирует потерпевшего полученными интимными фотографиями либо видеозаписями, угрожая распространить данные материалы в сети Интернет, с целью понудить лицо к действиям сексуального характера.

Применительно к последнему способу получения негативной информации о потерпевшем в рамках подготовки преступник осуществляет взлом и просмотр его личных страниц, электронных почтовых ящиков или облачных хранилищ данных в сети Интернет в целях обнаружения

негативной информации, под угрозой распространения которой он может принудить жертву к действиям сексуального характера.

Особенность понуждения к действиям сексуального характера, совершенного с использованием сети Интернет, заключается в том, что непосредственный физический контакт преступника, в том числе с телом и одеждой потерпевшего лица, и даже визуальный и голосовой контакт (при обмене мгновенными сообщениями в чатах и пр.), как правило, отсутствует. Например, житель Московской области в социальных сетях познакомился с несовершеннолетними девочками, представлялся девушкой-фотографом и предлагал за денежное вознаграждение поучаствовать в фотосъемке в качестве моделей. Мужчина действовал от другого лица, для того чтобы скрыть свои личные данные. Обвиняемый сначала путем обмана просил несовершеннолетних скидывать ему фотографии личного интимного характера, затем требовал новых снимков, а в случае отказа угрожал распространением данных фотографий в сети Интернет¹⁴.

Лишь в отдельных случаях преступник лично встречается с жертвой, чтобы получить негативную информацию, в первую очередь интимного характера. Так, А. в одной из социальных сетей в Интернете познакомился с 16-летней девушкой, представил себя агентом фотостудии, на протяжении некоторого времени вел переписку с несовершеннолетней с целью построения доверительных отношений. Спустя некоторое время путем обмана заманил несовершеннолетнюю в офис в городе Ставрополе, где произвел несколько снимков в обнаженном виде. После чего преступник понуждал девушку к действиям сексуального характера, шантажируя жертву тем, что он опубликует в сети Интернет ранее сделанные им фотографии¹⁵.

Следовательно, механизм следообразования и порядок работы по обнаружению, фиксации, закреплению и изъятию следов преступления и вещественных доказательств имеют свою специфику, описываемую с помощью категории «электронно-цифровой след». Под таким следом В.Б. Вехов понимает «любую криминалистически значимую

¹² Карагодин В.Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних: монография. М.: Проспект, 2019. С. 319.

¹³ См.: Специфика стратегий психологического воздействия у лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием телекоммуникационной сети Интернет / Корчагин Н.Ю., Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И. // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 111—126. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100209>; Палёнова А.Е. Стратегии манипулятивного воздействия на несовершеннолетних в ходе сетевой коммуникации сексуальной направленности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1. С. 155—159.

¹⁴ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://khabkrai.sledcom.ru/news/item/1477551> (дата обращения: 13.10.2020).

¹⁵ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://stavropol.sledcom.ru/news/item/1015367> (дата обращения: 13.10.2020).

компьютерную информацию, т.е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов»¹⁶.

При совершении посядения к действиям сексуального характера в сети Интернет следы могут являться наличие аккаунта, его привязка к номеру мобильного телефона или к электронной почте, архив сообщений¹⁷, данные о регистрации и активности пользователей (в том числе время и дата входа и выхода в социальные сети), текстовая информация — переписка преступника с потерпевшим, информация личного характера, как полученная преступником от жертвы, так и незаконно размещенная (например, видеозапись или фотографии), и др. При этом указанные следы остаются на компьютерных устройствах как преступника, так и потерпевшего.

Действия по маскировке преступной деятельности, как правило, начинаются на подготовительном этапе и направлены на решение определенных задач. Основная задача — это сокрытие личных данных при регистрации в электронной сети. Однако поскольку конечная цель преступных действий — это совершение полового сношения, то преступники не меняют кардинально свою внешность и физические данные. Дополнительная задача — это сокрытие преступником своего настоящего IP-адреса. Для этого необходимо обладать специальными знаниями в области компьютерной техники. Субъект преступления может выходить в социальные сети с помощью различных специальных программ, которые скрывают реальный IP-адрес работающего в сети компьютера, а также дают возможность анонимно посещать интернет-ресурсы¹⁸.

Кроме того, чтобы скрыть следы преступления, преступники уничтожают фотографии, видеозаписи, если таковые производились, переписку с потерпевшей, оказывают психическое воздействие на жертву с целью не допустить распространения сведений о совершенном преступлении (запугивание,

угроза, подкуп и т.д.). Например, 39-летний преступник, представившись несовершеннолетней девочкой, в сети Интернет познакомился с двумя 11-летними девочками. Спустя некоторое время общения путем угроз и шантажа вынудил несовершеннолетних совершить действия сексуального характера, записав их по «Скайпу» и сохранив эти видеоизображения у себя на компьютере. Когда родители девочек заметили странную СМС-переписку своих детей с неизвестным лицом, то попытались самостоятельно выйти с ним на связь, однако преступник уничтожил часть видеозаписей, а также электронных носителей информации. Затем по паспорту постороннего человека обвиняемый уехал в Москву, где в течение нескольких месяцев жил на съемных квартирах¹⁹.

К последнему элементу криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений относятся типичные сведения о личности потерпевшего. Наиболее часто жертвами преступлений в сети Интернет становятся несовершеннолетние, практика показывает, что наиболее виктимными среди подростков являются лица в возрасте 12—16 лет²⁰. Очень часто несовершеннолетние испытывают дефицит общения, у некоторых детей не складываются доверительные отношения с близкими, с друзьями, со сверстниками, педагогами, поэтому они стремятся компенсировать нехватку общения в Интернете. Часть несовершеннолетних руководствуются потребностями самоутверждения и повышения своего статуса в определенной социальной группе, хотят быть лучшими среди сверстников, поэтому расширяют круг друзей в социальных сетях, вступая в общение с незнакомцами. В пубертатном периоде развития некоторые несовершеннолетние, в основном девочки, испытывают потребность в общении на сексуальные темы²¹.

Подводя итог, следует отметить, что такое преступление, как посядение к действиям сексуального характера в сети Интернет, имеет ряд особенностей, проявляющихся во всех элементах криминалистической характеристики данного вида преступлений. Данные особенности формируют обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования, а также объясняющие их типичные версии.

¹⁶ Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 94.

¹⁷ Введенская О.Ю. Особенности слеодообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4. С. 215.

¹⁸ См.: Балашов К.А. Фазы развратной преступной деятельности, совершаемой с использованием сети Интернет // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 2. С. 36—37.

¹⁹ Следственный комитет Российской Федерации: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/978222> (дата обращения: 03.04.2020).

²⁰ См., напр.: Палёнова А.Е. Криминалистическое изучение личности потерпевших по уголовным делам о половых преступлениях, совершенных с использованием сети Интернет // Виктимология. 2019. № 2. С. 67—68.

²¹ Карагодин В.Н. Указ. соч. С. 105.

Александр Иванович БАСТРЫКИН,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации

И. М. Рагимов. Религия и наказание. СПб, 2020. 217 с.

В конце 2020 года увидела свет монография известного специалиста в области уголовного права и криминологии профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание».

Этот труд является продолжением целого ряда фундаментальных исследований, выполненных автором по очень сложной и многогранной теме уголовного наказания. Мы имеем в виду работы автора «Философия наказания и проблемы его назначения», «Философия преступления и наказания», «О нравственности наказания», «Преступность и наказание».

Монография, о которой сейчас идёт речь, по своим целям и содержанию значительно отличается от вышеуказанных работ. Прежде всего тем, что автор предпринял смелую попытку теоретического осмысления многоаспектных отношений, бытующих между уголовно-правовым институтом назначения наказания за уголовные преступления и религией.

В современной юридической литературе, да и в литературе последних десятилетий произведения подобного рода нам не известны. Мы знаем, что юристы неоднократно рассматривали вопросы уголовного наказания, его целей и видов, прежде всего, в правовом аспекте. Но речь шла только о правовом содержании и правовом регулировании соответствующих общественных отношений, о правовых целях законодателя и правовых средствах достижения этих целей. И даже тогда, когда юристы рассуждали, должно ли уголовное наказание содержать элементы кары и воздаяния, они редко выходили за преде-

лы юридического дискурса, не углубляясь в философские основы и уж тем более религиозные аспекты данной проблематики.

Эту традицию детально изучил профессор И.М. Рагимов, когда в своих книгах затрагивал вопросы философии и нравственности, что позволило серьезно расширить горизонты проникновения в тему наказания вообще, получить философское и нравственное объяснение целей, задач и содержания наказания человека за совершенное преступное деяние.

В нынешней книге профессор И.М. Рагимов пошёл значительно дальше: он показал истоки целей, назначения и смысла наказания в религиозных учениях самой различной, иногда даже противоположной и непримиримой направленности. Автор пытается понять и донести до читателей религиозные постулаты не только как религиозные догмы, но и как нравственные обоснования права государства на кару и возмездие в отношении человека, преступившего закон.

Это дает нам право, прежде всего, указать на большую творческую и научную смелость автора, ибо не всякий даже очень подготовленный в теоретическом плане юрист возьмётся за установление и объяснение закономерных связей между Священными Писаниями, религиозными верованиями и учениями и, казалось бы, крайне прагматичной сферой государственной деятельности, какой является применение уголовного наказания.

Эта смелость в данном случае вполне оправдана. Автор строит своё исследование в первую

очередь на глубоком исследовании первоисточников религиозной веры самой различной направленности. Такой подход обеспечивает исследователю прочный научный, теоретический, мировоззренческий и практический фундамент выполнения им научного изыскания.

Автор последовательно выполняет требования ведущих принципов научного исследования — принципа историзма, объективности, последовательности, системности, целостности, динамизма, фактологической обоснованности, достаточной глубины и убедительности хода исследования и его результатов.

На пути к результату автора ожидали немалые трудности. Главная из них носит объективный характер и заключается в том, что данное исследование затрагивает ту сферу человеческого бытия, которая самым тесным образом связана не с областью объективных и прочных знаний, добытых наукой, а с областью Веры, которая, в свою очередь, неразрывно связана с областью сомнений и поисков.

Именно в этом заключается не только крайняя сложность исследования, но и важное практическое его значение: дать и верующим, и неверующим четкие ориентиры в понимании права человека и государства вершить справедливое правосудие и назначать справедливое наказание и ответить на чрезвычайно трудный вопрос: где в этом сложнейшем процессе Божественная воля и где — человеческий разум и деятельность человека?

И очень правильно, что творческий процесс поиска истины в данном случае начинается с исторических изысканий.

* * *

Монография профессора Рагимова показала нам многовековой исторический путь развития уголовного наказания в тесной связи с развитием религиозного учения и церкви.

В книге хорошо показано, что за прошедшие века церковь оказала огромное влияние на многие стороны общественной жизни, в том числе на формирование обычного права, явившегося одним из факторов, серьезно повлиявших на становление и современного уголовного законодательства.

С укреплением христианства на Руси начинает меняться материальный взгляд на преступление — оно становится не только причинением вреда, но и нарушением религиозных предписаний. Таким образом, благодаря православию институт преступления обретает религиозный

оттенок и понятия «преступление» и «грех» становятся близкозначными, хотя последнее, безусловно, значительно шире.

В некоторых отраслях права начинает проследиваться тенденция активного вхождения церкви в законотворческий процесс.

Это движение коснулось и уголовного права. В результате значительно расширяется круг деяний, влекущих уголовное наказание; в самостоятельный состав преступления выделяется не освященная церковью совместная жизнь мужчины и женщины (так церковь пытается пресечь внебрачные половые связи, поскольку это преследуется каноническим учением); преступлением против благочестия становится прелюбодеяние; в отдельный состав преступления выделяется изнасилование.

Ветхий Завет также служит основанием для запрета и определения преступным деянием ведьмовства, приготовления зелья и т. п. Эти и другие ветхозаветные запреты получили отражение в Уставе князя Владимира, представляющем собой первую попытку масштабного применения на Руси православных канонов и начало кодификации русского церковного права.

После крещения русского народа наряду с веками сложившейся системой языческого права постепенно формируется новая система права христианской церкви. Борьба православной церкви с юридическими обычаями языческой поры продолжалась несколько столетий, но, как явствует из решений Стоглавого собора, полная победа не была одержана даже ко второй половине XVI в.

Причина такого длительного изживания институтов и норм древнего права объясняется отставанием в социально-экономическом развитии средневековой Руси, а также политикой изоляционизма, которую православная страна проводила в отношении католической и протестантской Европы.

Ограничение людских контактов и идеологическая неприязнь мешали заимствованию религиозных новелл в юридической сфере. Лишь в Московском царстве XVII века действие этих факторов ослабло и правовая система достигла относительной однородности и высокого уровня совершенства. Это в полной мере относится к Соборному уложению царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим. Принято оно было в 1649 г. и в значительном объеме действовало до свержения монархии в 1917 г., заслужив высокую оценку современников.

В последующем в уголовном законодательстве России прослеживается не только постоянное влияние православия на развитие институтов преступления и наказания, но и формируется целая группа религиозных преступлений, получивших название преступлений против веры. При этом по-прежнему значимыми остаются преступления, не носящие чисто религиозного характера, но нарушающие христианские догматы и запреты. На определенном этапе развития уголовного законодательства большая часть из них перейдет в группу преступлений против нравственности или против личности. Это преимущественная часть половых преступлений, преступления детей против родителей и некоторые другие.

Со времени создания Соборного уложения 1649 г. по объекту посягательства на первое место выходят государственные, публичные интересы. Вместе с тем церковь по-прежнему играет значительную роль в российском государстве, однако последнее, начиная с Петра I, учредившего в 1721 г. Святейший Синод, пытается ограничить ее влияние, в том числе и в области законодательной политики. И все же, несмотря на удаление церкви от соучастия в управлении светскими делами, она не была отстранена от светской деятельности вообще, ибо число составов религиозных преступлений в России значительно возросло по сравнению с Соборным уложением. Это резко контрастировало с падением аналогичного показателя в Европе (например, в Кодекс Наполеона были включены только пять статей о посягательствах на свободу отправления богослужения, а в общегерманский уголовный кодекс и того меньше — три).

Данный факт, как и многие другие, свидетельствует, что Российское государство очень нуждалось в сохранении верования большинства населения и поддержке православной церкви.

Таким образом, в течение почти двухтысячелетнего существования христианской религии церковь и государство, различные по своим целям и средствам, с помощью которых они призваны действовать, никогда не стояли обособленно друг от друга. Уголовное право дореволюционной России, равно как и его законодательство, прошло свой путь рука об руку с христианской религией вплоть до Октябрьской революции 1917 г., всегда находя у своего союзника духовную поддержку и канонические рецепты для криминализации отдельных общественно опасных деяний, а также для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания.

Все это глубоко и убедительно показано в монографии профессора И.М. Рагимова.

* * *

Монография профессора И.М. Рагимова содержит в себе важные методологические положения и выводы. В этом состоит главный и теоретический, и практический результат исследования. Изначально учение о наказании, как и многие другие явления науки, было предметом философской мысли. Поэтому на протяжении многих веков вокруг данного понятия разворачивались крайне оживленные, а иногда и очень горячие дискуссии, в результате которых появилось большое количество различных концепций, учений и теорий.

В этой связи автор совершенно справедливо указывает, что юристы, бесспорно, должны рассматривать понятие наказания как понятие правовое, а не как философское, то есть юристов в первую очередь должна интересовать юридическая сторона вопроса. Следовательно, при определении понятия наказания юрист при всем желании никак не может обойтись без учений и понятий, имеющих чисто юридическое значение.

В то же время, указывает профессор И.М. Рагимов, следует помнить, что разрешить проблему наказания никогда не удастся, если отделять право от реального мира фактов и явлений, на основе которых оно выросло. А это означает, что нельзя переоценивать роль юридических признаков и при определении понятия наказания.

Что же касается философии, то она считает, что отличительной чертой наказания по сравнению с другими правовыми мерами является присущий ему элемент возмездия (Платон, Цицерон, Сенека, Гуго Гроций, Кант, Гегель и др.). Но и из содержания Священных Писаний ясно усматривается Божеская мысль о том, что возмездие есть явление, лежащее в объективной природе наказания. В этом смысле в определении понятия наказания как возмездия существует единство во взглядах религиозных деятелей и философов. Различие заключается лишь в том, что первые обосновывают свое мнение ссылками на Библию и Коран, а вторые — на методы философии, способные познать сущность наказания, выявить главное, основное и определяющее в его функционировании и развитии.

Именно философское осмысление сущности наказания дает юристам возможность вникнуть в суть этого явления, подвести его под вы-

рабочие философией мысли о категориях и найти ответ на вопрос: какие же цели ставит перед собой Господь Бог, применяя наказание?

С этими положениями, содержащимися в анализируемой монографии, трудно не согласиться.

* * *

Книга профессора Рагимова своей направленностью и содержанием утверждает очень важную истину. Эта истина заключается в том, что вопрос Веры в Бога и его всемогущество — это не только вопрос веры, но и вопрос знания.

Не случайно среди авторов богословских творений были не только отшельники-пустынники, но и люди глубоко образованные. Среди них были и крупные и известные философы, и ученые, обладавшие обширными сведениями по всем отраслям знаний.

Для примера укажем на одного из них — св. Василия Великого. Он изучал науки в знаменитой Афинской школе, привлекавшей к себе в то время весь цвет ума и таланта. Его учителя и наставники им гордились. Но все светские знания не могли насытить его ума, искавшего нечто высшее — небесного озарения. Тогда он отправился в те страны, где жили христианские подвижники и где он мог вполне ознакомиться с истинной христианской наукой. Был в Египте, Карфагене, Сирии и Палестине. Там он нашел и духовное руководство, и большое собрание богословских творений. Прилежно и долго изучал их.

После долгого отсутствия вернувшись в Афины, он продемонстрировал грекам-современникам, по их признанию, разум, превосходивший обычную человеческую меру ума, и в этом отношении он приближался к богам.

Великий Сократ сознавал, что все, что человек знает и что может понять, — ничто в сравнении с тем, чего он не знает и не понимает. До него философия занималась почти исключительно созерцанием внешней природы, не обращая внимания на мир нравственный. Сократ открывает этот мир, оставляя внешнюю природу, в основании своей мудрости полагает самосознание и в глубине человеческой души находит свидетельство о Боге.

А вот мнение другого древнего философа Платона: «Душа человека бессмертна. Все ее надежды и стремления перенесены в другой мир. В том только мире открывается истинная сущность вещей. Здесь мир сам по себе не имеет ни-

какой цены, но имеет значение только по отношению к другому, как его отображение, подобие». В этом заключается величие Платонова учения, возвышающего и устремляющего душу к свойственной ей свободе, к свободе над всеми чувственными ограничениями.

Вот что говорил великий Гёте: «При мысли о смерти я совершенно спокоен, потому что твердо убежден, что наш дух есть существо, природа которого остается неразрушимой и непрерывно, вечно будет действовать; он подобен солнцу, которое заходит только для нашего земного сна, а на самом деле никогда не заходит».

Математик Коней делился самым сокровенным: «Я христианин, я верую, что Иисус Христос был Бог, сошедший на землю; верую, как Тихо де Браге, Коперник, Ньютон, Паскаль, Лейбниц, как все великие астрономы, физики и математики. Во всем христианском вероучении я ничего не вижу, что сбивало бы с толку мою голову, было бы ей вредно. Напротив, без этого святого дара веры, без знания о том, на что мне надеяться, и что ожидает меня в будущем, душа моя в неуверенности и беспокойстве металась бы от одной вещи к другой, и эта тревога души и неуверенность в мыслях есть то, что нередко производит отвращение к жизни и может в конце концов привести к самоубийству».

А вот что пишет французский историк и философ Ипполит Тэн: «Христианство — это великая пара крыльев, необходимая для того, чтобы поднять человека выше его самого, выше его пресмыкающейся жизни и его ограниченных кругозоров».

«Религиозное обучение, по-моему, — говорит Виктор Гюго, — в настоящее время более необходимо, чем когда-либо. Чем больше человек растет, тем более он должен веровать. Несчастье, и, можно сказать, главнейшее несчастье нашего времени, составляет стремление все ограничить этой жизнью. Ставя для человека конечным пределом и целью земную материальную жизнь, люди увеличивают свои бедствия отрицанием будущей жизни».

Материалистам можно напомнить глубокую мысль святителя Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, в пользу мнения о бессмертии души: «Если бы душа была одно с телом, то болезни тела должны были бы отзываться на всех так называемых душевных способностях, а мы видим часто, что при совершенном измождении тела, в крайних страданиях, сохраняется некоторыми людьми совершенно полное владычество над всеми муками телесными».

Что думают о Боге и о бессмертии души мыслители и ученые XX века и наши современники? Об этом можно узнать, например, из результатов опроса о бессмертии, анкету для которого составил Роб Томсен из Чикаго в начале XX века. Он обратился к ученым и мыслителям всех стран, в том числе и России. Ответы размерами от нескольких строк до больших трактатов были собраны в большую книгу «Доказательства в пользу загробной жизни. Собрание мнений некоторых выдающихся ученых и мыслителей о будущей жизни».

Из 47 респондентов подавляющим большинством голосов (39 против 6) даны положительные ответы, притом основательно мотивированные, чего совершенно нельзя сказать об отрицательных ответах двух мыслителей и уклончивых — четырех. Двумя же учеными не было дано никакого определенного ответа на поставленный перед ними вопрос о бессмертии души. Среди этих 39 ученых встречаются имена высокого ранга, такие как английский физик Уильям Крукс, американский психолог Уильям Джеймс, французский психолог и физиолог Шарль Рише, британский географ, биолог Альфред Рассел Уоллес и др.

Глубоко верующие мыслители утверждают, что разлад между верой и разумом наблюдается лишь там, где вера слаба. Если неверующие находят много непонятого в учении о Боге, то это само собой объясняется тем, что само Откровение пришло к нам не из нашей сферы знания и жизни, а из тех беспредельных сфер бытия, где живет и открывает Себя Верховное Существо. Все возражения разума против Откровения падают сами собою, потому что они большею частью основываются на том, что разум не хочет поглубже вникнуть в высшее Откровение.

Разум далеко не всемогущий царь, он часто слеп и беспомощен.

Еще Цицерон говорил, что нелепо производить мудрое устройство мира от случая. «Могу ли, — пишет он, — не удивляться, слыша мнение, будто какие-то тела, увлекаемые неизвестной силой и тяжестью, стремились куда-то и случайным столкновением их произведен этот благоустроенный и прекрасный мир? Если это возможно, то почему же не допустить и того, что стоит только высыпать на землю отлитые из золота буквы, и из них составит чудесное литературное произведение. Если столкновение атомов могло произвести целый мир, то почему же это не может составить храм, или дом, или город, что было бы проще и легче?»

Английский философ Фрэнсис Бэкон говорил, что нужно свой ум приспособлять к величю Божиих тайн, а не тайны эти втискивать в тесные рамки ума.

Французский математик Паскаль утверждал, что высший подвиг рассудка — признание, что существует бесконечно много явлений, превосходящих человеческий рассудок. Божественные вещи надо сначала возлюбить, а потом можно будет отчасти понять. Где у человека тот масштаб, та мерка, которыми он мог бы проверить Божью беспредельность?

Правы те, кто утверждает, что ко времени Христа человечество умело строить так называемые «чудеса света». Оно строило акрополи и капители, дивные храмы, прекрасные театры, богатые библиотеки, школы, фабрики. Ко времени Христа уже давно сказали свое слово Сократ, Платон, Аристотель, Пифагор, Эпикур, Зенон. Широко известны были великие ораторы, драматурги и поэты. Тем не менее мир в то время погибал. Потребовалось не светское образование, а некое священное откровение, некая небесная тайна, которую объявил миру Христос всего лишь в одной книге — в Новом Завете. Как же получилось, что тогдашняя тысячелетняя цивилизация вела человечество к гибели, а простотой и кроткий закон Христа — к спасению?

Все Евангелие — это опровержение чудовищной мысли, будто смысл человеческой жизни лишь в науке и рассудке. Опыт духовный свидетельствует о близости нашему духу Духа Божия, о воздействии Божества на душу, входящую в живое общение с Ним; в этом чувстве присутствия или близости Божества и состоит самая сущность религиозного чувства или веры.

«Все хорошее в человеке и в человечестве, — говорит русский философ Владимир Соловьев, — только в соединении с Божественным предохраняет от искажения и извращения. Как только нарушена Богочеловеческая связь, так сейчас же нарушается (хотя сначала и незаметно) нравственное равновесие в человеке».

Некоторые великие люди обладали даром слова, способностью привлекать к себе сердца людей, но кто из них сравнится с Тем, о котором слышавшие Его сказали: «Никогда человек не говорил так, как этот человек»? Ни один из основателей религий не представлял свое учение как всеобщее, предназначенное для всех людей и всех времен. Свое религиозное учение они предназначали прежде всего для своего народа — один только Иисус Христос возвестил о Себе, что Он при-

шел от Отца, чтобы спасти род человеческий, быть светом для всего мира, преподать учение, которое должно быть проповедано от Иерусалима до последних пределов земли. Все воображаемые циклы перевоплощений и эволюций — совершенный ноль перед всемогущим действием благодати Божией.

* * *

Еще одной важной темой, которая затрагивается в монографии профессора И.М. Рагимова, является тема божественного начала в праве наказания.

Автор исходит из того, что институт наказания в Священных Писаниях соприкасается, как считает религия, с признаками его богоустановленности, его Божественной природой. То есть наказания не только устанавливаются Господом, но и непосредственно Им же применяются к виновным. Иначе говоря, теория Божественного происхождения права наказания ищет основы права наказания не в нашей нравственности, в общественном интересе, возмездии или же в свойствах отдельной личности, а в условиях возникновения человеческого общения, в законах мироздания, то есть в религии. Суть рассуждений при этом такова: Сам Бог с сотворения мира взял на себя труд управлять всеми делами в жизни человеческой, в жизни духовной, в политике, в религии. Он один сделал людей такими, какими они стали теперь. Он их законодатель, учитель, их господин и судья.

Так ли это? — задается вопросом автор рецензируемой монографии.

В принципе, по логике рассуждений учений, правом наказания обладает субъект, который установил правила поведения, определил, какое поведение считать правильным, а какое — противоправным, то есть преступным. Поэтому, утверждает профессор И.М. Рагимов, необходимо обратиться к Божественным Посланиям, которые рассматриваются религией как Божьи Законы, точно так же, как законодательные акты. Если в них предусмотрено, что считать преступлением и какое наказание за это следует, то, безусловно, именно Богу как субъекту законодательства принадлежит право наказания на основании данных Писаний.

А из содержания Священных Писаний усматривается, что Бог берет на себя право наказания за отступление от Его установлений.

Но возникает еще один проблемный вопрос, который подробно рассматривается в монографии. В реальной действительности право уголовного наказания принадлежит только государству, но не Всевышнему. Значит ли это, что Бог свое право передал гражданскому обществу во главе с верховной властью? Если исходить из того, что и государство создано Всевышним, то тогда все логично. Именно так обосновывается всеми религиями право наказания.

Но как бы религия ни пыталась закрепить право наказания за Божеством, наступило время, когда данный институт оказался в руках государства.

Почему это произошло? Автор предпринимает попытку ответить и на этот непростой вопрос. И вот к какому выводу он приходит. Никто, даже государство, не имеет права посягать на жизнь человека и свободу. Однако прежде, чем передать свое право наказания какому-либо субъекту, Господь Бог должен был создать такой орган, который мы именуем государством. Затем Он, как Творец, зная о том, что вечные раздоры между людьми неминуемы, решил пожертвовать частью свободы человека созданному Им органу с тем, чтобы люди могли ею пользоваться спокойно и быть в безопасности.

Таким образом, источником права наказания общественной власти является необходимость защитить общественную безопасность от насилия отдельных лиц. Тем самым Господь Бог освободил Себя от наказания людей в земной жизни, но оставил за Собой право наказания в жизни загробной.

Из исключительного права Всевышнего на суд справедливый следует вопрос, носящий исключительно прагматическое значение.

Если истинно правосудным и справедливым может быть только один Бог, ибо именно Ему открыты самые сокровенные помыслы подсудимого, его внутренние мотивы деяния, это означает, что человека-судью можно простить в случае назначения несправедливого приговора, так как он не имеет дара, подобного Всевышнему, и не может проникнуть в душу подсудимого, чтобы поверить в искренность мотива его поведения. Так ли это?

От судьи, отвечает на это профессор И.М. Рагимов, вовсе не требуется всеведения внутреннего мира подсудимого. Этим даром обладает только Бог. Да это не только невозможно, но и не нужно. Судья обязан лишь быть справедливым и правосудным настолько, насколько это вообще возможно человеку.

Но тогда возникает другой вопрос: в какой мере Всевышний наградил своего раба — человека способностью быть справедливым?

Всевышний в Своих Священных Посланиях посвящает этому вопросу не одно установление.

Профессор И. М. Рагимов подробно рассматривает их. Кроме того, он анализирует взгляды о судебной реформе иудейского царя Иосия, взгляды о суде пророка Амоса, мнение известных богословов, таких как Блаженный Августин, который отмечал плачевное положение дел в судах и в целом в правосудии. Он обращается также к религиозному наследию Фомы Аквинского и философским взглядам Аристотеля и вновь особое внимание обращает на соответствующие положения Ветхого и Нового Завета, а также Корана, указывая на существенные различия, которые содержат названные первоисточники.

В конце концов торжествует мысль о том, что и дело истинного и справедливого правосудия всегда находится под неусыпным контролем и влиянием Всевышнего, и, помимо суда людского, всех нас ожидает Высший суд Всевышнего, который каждому из нас воздаст по делам нашим. К этим делам относится и дело справедливого судопроизводства, и дело справедливого и гуманного наказания.

Не менее важное и научное и практическое значение имеет и вопрос об основании наказания Божьего.

Существует мнение, что современная система понятий преступления вобрала в себя Кодекс Моисея — Ветхий Завет, нормы которого, преодолев века, вошли в законы почти всех государств.

В связи с этим важно отметить, что ни в одном из Священных Писаний, в том числе и в Ветхом Завете, не дается определение понятия преступления. Однако глубокое осмысление постановлений Господа Бога в этих книгах позволяет нам уяснить то, что Он вкладывает в их создание и как велит нам понимать сущность данного явления.

Греховными, то есть преступными с религиозной точки зрения, считаются любые деяния, которые нарушают установления, адресованные людям в Писании. В первую очередь речь идет о деяниях против Бога и религии. Но в чем заключается характер зла, который содержат преступления против религии?

В различных религиях, прежде всего в исламе, утверждается, что грех есть в то же время и преступление. Иными словами, понятие грехов-

ности в религии отождествляется с понятием преступления. Недаром Всевышний употребляет слово «преступить». Это слово и понимается как обозначающее преступление. Более того, в Коране, например, установлена определяющая граница, переходя которую человек преступает. Определена также санкция за нарушения данного установления.

Анализ религиозных источников позволяет верить в то, что Бог в Своем вечном царстве судит и карает грешников по началам абсолютной справедливости. Так же и государство — наместник Бога на земле должно судить и наказывать преступников. Утверждается, что, нарушая законы, человек восстает против воли Всевышнего, ибо именно Он вложил в человека стремление к общечеловечности, которое не может существовать без власти и законов, а значит, без этого немислима и общественная жизнь.

Поэтому, согласно религиозным догматам, вечный закон справедливости, установленный Богом, требует, чтобы ни одна противозаконная воля не могла утвердиться и одержать победу над высшим Божественным порядком; чтобы за зло, грех и преступление неизбежно следовало наказание, которое должно уничтожить противозаконное воздействие преступника на правопорядок.

Таким образом, любое преступление расценивается как неповиновение именно Богу посредством нарушения спокойствия созданного Им миропорядка, общечеловечия.

Значит ли это, что, установив наказание, Всевышний объявляет человека свободным в своих деяниях, следовательно, ответственным за них?

Исходя из теологической концепции сотворения государства и права, можно констатировать, что, сотворив нас, Бог изложил в Своих Посланиях правила поведения и подробно определил то, что благочестивый человек должен делать; что случится с ним, если он не исполнит должного, и каким образом он может искупить свое прошлое и снова стать человеком благочестивым. Наделив человека качествами добра и зла, Бог в то же время не требует от него совершения зла, а наоборот, требует постоянного стремления быть добрым.

Вне всякого сомнения, в постановлениях высших религиозных актов Всевышним подчеркивается, что поступок человека доброволен, зависит от него самого, что его никто к нему не принуждает.

Таким образом, суть Божественных Посланий заключается в том, что Бог создал человека

как самостоятельное, волевое живое существо, деяния которого могут соответствовать или не соответствовать Божьей воле.

Все, что было необходимо сделать Всевышнему, — даровать человеку свободу воли и выбор, после чего было достаточно даровать созданному Им разум для руководства своими действиями. Следовательно, для Бога основаниями для наказания являются самовольное злое поведение человека, жестокость и преступление.

Профессор И.М. Рагимов обращает внимание на еще одно очень важное обстоятельство. Религия при рассмотрении вопроса о свободной воле никогда не возлагает ответственность за любое зло со стороны человека на Бога и считает этот выбор человека причиной преступного поведения и основой Божьего наказания. Это и дает право светской власти применить к человеку, совершившему преступление, правовые меры уголовного наказания.

* * *

Значительная часть работы профессора И.М. Рагимова связана с рассмотрением вопроса о сущности и видах Божьего наказания.

Автор правильно отмечает, что даже само слово «наказание» во все времена осмыслялось по-разному. Познать, что такое наказание, и определить его понятие возможно только через уяснение его сущности. Соответственно, чтобы определить понятие наказания по Господу Богу, то есть как его понимает религия, необходимо, прежде всего, обратиться к уяснению его содержания. А это можно сделать, полагает автор, только обратившись к Божественным посланиям.

Следует, однако, иметь в виду, что Всевышний ни в одном из своих Священных Писаний не определяет понятие «наказание». Однако глубокое осмысление постановлений Господа Бога в книгах Ветхого и Нового Заветов, Корана позволяет нам уяснить то, что Он вкладывает в содержание наказания и как понимает сущность данного явления.

Анализ этих религиозных актов позволяет автору монографии утверждать, что суть наказания определяется как возмездие, и обосновывается это следующим образом: справедливость требует воздаяния злом за зло. Такое начало прямо выражено во всех Посланиях, начертано Творцом в разуме и совести человека и базируется на постулатах Ветхого Завета: наказание — это воздаяние за зло; устрашение по правилам талиона: «око за око, зуб за зуб».

В Божественных указаниях талион проникнут духом устрашения, то есть Бог посредством талиона желает предотвратить агрессивность людей и покончить с насилием, которое в своей страшной перспективе может привести к истреблению целых родов.

Профессор И.М. Рагимов в этой связи справедливо указывает, что принцип талиона был предусмотрен и в римских Законах XII таблиц (451—450 гг. до н.э.), где говорится: «Если причинить членовредительство и не помириться с потерпевшим, то пусть ему самому будет причинено то же самое».

Автор полагает, что толкование указанных выше источников дает основания считать, что Бог посредством принципа талиона стремится ограничить кровавую месть, ибо вполне понимает опасность кровопролития. Поэтому талион, по сути своей, стал предвестником института наказания. Смысл талиона, по Господу, заключается в том, чтобы дать людям прочувствовать, испытать на себе, что такое зло, насильственный акт, на который они решаются.

Попутно автор делает важное замечание. Он обращает внимание на очень значительное обстоятельство. Новый Завет содержит положения, которые, на первый взгляд, противоречат принципу талиона: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую». В этой связи автор, указывая, что более подробно об этом будет сказано в третьей главе книги, все же отмечает: в данном случае речь идет о другом — о желании усмирить ударившего и не более того. Позднее эта фраза в философских трудах получила наименование «золотое правило нравственности».

* * *

Чрезвычайно важной рассматриваемой в монографии профессора И.М. Рагимова темой является вопрос о соотношении воли Бога, судьбы, сознания и воли человеческой.

Исходным пунктом для решения проблемы соотношения перечисленных выше понятий является тезис о том, что религия при рассмотрении вопроса о свободной воле никогда не возлагает ответственность за любое зло со стороны человека на Бога и считает этот выбор человека главной причиной преступного поведения и, как следствие, — основой Божьего наказания.

В связи с актуальностью данной проблемы автор предлагает свое видение решения этой проблемы.

Автор задается чрезвычайно важными для любого человека вопросами. Что такое судьба? Можем ли мы изменить ее? В чем может быть свобода выбора, которая дана человеку? Как понять, кто из идущих по жизненному пути будет добрым, а кто преступником?

В этой связи автор дает краткую характеристику понятия «судьба» в различных национальных религиозных системах — в индийской философии, в философии древних греков, в древнееврейской Каббале, у античных язычников.

Краткий обзор позволяет автору прийти к обоснованному выводу, что в религиозном сознании существует понятие судьбы как теологической детерминации, то есть Провидения. Не слепой рок, не безличные физические законы, а Премудрый и Благой Творец управляет жизнью человека. Автор утверждает, что религия, в отличие от языческой или естественнонаучной роковой детерминации, дает идею свободы и благого Промысла Божия.

Лично человек свободен в выборе между добром и злом. Поэтому только от него зависит, какова будет его судьба: станет он добродетелем или преступником. Свою судьбу человек осуществляет в течение всей жизни.

Далее автор утверждает, что человек наделен от природы могучим разумом, обладает способностью рассуждать и отличать добро от зла, правомерное поведение от зловредного. Поведение человека предопределено его сознанием и волей, между которыми существует неразрывная связь. Поэтому, чем определеннее и яснее мы понимаем, что воля зависит от сознания, побуждающего ее к воздействию в известном направлении на внешний мир, тем наказание становится целесообразнее. Там же, где нет сознания, где оно не развито, помрачено или разрушено, там не может быть речи о нормальном соотношении между сознанием и волей. А если это так, то человек, сознание которого составляет самую сущность его Я, сам является деятелем своих действий. Иначе говоря, тот, кто совершил убийство, мог его и не совершать. Он свободно выбрал зло и должен быть наказан.

Побуждением, мотивом, удерживающим человека от совершения ужасного преступления, является утвердившееся в сознании представление, что такие действия повлекут за собой потери жизни.

Сознание выражается, прежде всего, в понимании, осмыслении определенных фактов и положений, а затем — в постановке определенных целей и подыскании средств их достижения.

Деятельность разума характеризует сознание как доминирующее явление психики человека. Следовательно, сознание можно рассматривать как высшую форму психической деятельности человека, подчиняющую, регулирующую и контролирующую все другие явления психической жизни. В то же время сущность сознания можно определить как некое духовное состояние, которое субъективно отражает объективность и на этой основе производит, создает, творит человеческое сознание. Иначе говоря, сознание — чрезвычайно объемное, целостное и многостороннее историческое образование, отнюдь не исходная предпосылка человека, а результат его многовекового развития в общественной среде.

Профессор И.М. Рагимов утверждает, что под сознанием следует понимать сформированность нравственных знаний, суждений, чувств и поступков. Поэтому общество, где такие качества стали убеждениями для его членов, руководством в сфере деятельности, обладает высоким уровнем сознания, когда нормы поведения становятся осознанной необходимостью. Они обуславливаются внутренними мотивами — потребностями, диктуемыми не только общественными нормами морали и существующими правовыми нормами, но и собственной совестью.

Такое высокоразвитое сознание, естественно, весьма положительно влияет и на волю человека, и тем самым создается побуждение, возникают мотивы, удерживающие человека от совершения преступления.

* * *

В работе рассматриваются и цели наказания применительно к главной теме исследования — соотношения права и религии.

Под целями, как вытекает из содержания Священных Писаний, Всевышний понимает тот идеально желаемый результат, к которому он стремится, применяя наказание или другие меры воздействия на людей.

О каких же целях идет речь? Любая религия однозначно утверждает, что наказание установлено Богом с целью искупления зла, ибо искупление — это верховный закон мира. Всякое зло должно быть искуплено, ни одно не должно оставаться безнаказанным. Следовательно, до тех пор, пока на земле будут совершаться преступления, необходимо, чтобы постоянно имело место и наказание. Религиозные каноны четко дают понять, что поскольку Бог установил данный институт, то наказание будет существовать, пока Всевышний Творец сам его не отменит.

Религия вообще считает, что наказание — это не самоцель, а милость Божия, ибо земное страдание избавляет от более ужасного страдания в будущем.

Тексты всех Божественных Писаний свидетельствуют, что Божье наказание — это в значительной мере охранительное средство: «Не убивай. Не прелюбодействуй; не кради; не отзывайся о ближнем своим ложным свидетельством».

Как видим, за суровостью Божественного предупреждения кроется грозное устрашение. При этом, конечно же, нельзя забывать, что, хотя Господь Бог считает основной своей целью достижение желаемого результата — предупреждение преступлений, в Писаниях немало места уделяется также и цели исправительной. Например, Коран гласит: «Я желаю только исправления, пока могу» (Сура 11, аят 88) или: «Бог к вам пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был перед лицом вашим, дабы вы не согрешили» (Исх. 20:20).

Автор рецензируемой монографии утверждает, что в принципе система наказаний во всех Священных Писаниях построена таким образом, что сдерживающей силой для человека является не только внешняя мораль. Изначально религия фокусируется не на каких-либо внешних правилах, а на внутреннем удерживающем факторе — совести и прилагает все усилия, чтобы взрастить ее в человеке уже с детства и привить каждому самые благородные качества. В Ветхом Завете читаем: «Если и после сего не исправитесь и пойдете против Меня, то и Я (в ярости) пойду против вас и поражу вас всемерно за грехи ваши» (Лев. 26:24).

Таким образом, мотивом правопослушного поведения Всевышний считает страх наказания. И автор монографии, с нашей точки зрения, совершенно обоснованно соглашается с этим.

* * *

В монографии профессора И.М. Рагимова подробно рассматривается вопрос о значении и содержании принципа справедливости и принципа гуманизма при назначении наказания.

Принцип справедливости был провозглашен ещё основателем логики Аристотелем. Он утверждал, что нравственные устои, подобно вершине горы, должны господствовать над расположенными у ее подножия страстями по избытку и недостатку. В нравственности наказания должна быть середина, то есть граница между нравственным и безнравственным.

Автор монографии правильно замечает, что, по сути, Аристотель перенёс в этику известные положения древних греков: «Ничего слишком». Если взять за основу рассуждения Аристотеля при определении отношения человека к смертной казни, то нравственные начала должны быть главными, основополагающими по сравнению (наряду) с другими аргументами «за» и «против». Если в нравственности срединная основная фигура — человек, то в наказании все обращается вокруг общества в лице государства, ибо оно является творцом, субъектом обеспечения интересов общества.

Являясь субъектом права наказания, государство может быть нравственным или безнравственным. Поэтому когда говорится о нравственности либо безнравственности наказания, то имеется в виду именно государство, а не наказание, которое является лишь средством в руках субъекта.

В этой связи автор делает чрезвычайно важный вывод: высочайшей целью любого развитого в нравственном аспекте общества выступают, разумеется, интересы общего блага и отдельных его членов. Следовательно, именно принцип справедливости является критерием оценки нравственности сущности государства в отношении к общему благу, а гуманизм определяет границы нравственности относительно отдельной личности.

Гуманизм — это нравственная позиция государства, выражающая признание ценности человека как личности и не дающая возможности государству прибегать к репрессивной модели уголовной политики в отношении личности преступника как носителя «злой воли».

Справедливость же выступает как принцип, который не позволяет государству нарушить золотую середину, то есть предостерегает его от вредных последствий в случае пренебрежения интересами общественных благ.

Итак, автор полагает, что если принцип гуманизма служит интересам конкретных личностей, то принцип справедливости в форме возмездия (воздаяния) — интересам общего блага.

Следовательно, при определении отношения к наказанию государство оказывается между двумя принципами — гуманизма и справедливости. Автор полагает, что, исходя из этих основных положений философии, которые служат научной теоретической базой, основой исследования конкретных проблем других наук, в том числе и правовых, к основам нравственных начал наказания

следует подходить с позиций философского понимания нравственности.

Из этого положения вытекает следующий вывод автора: неоспоримое право государства на наказание и установление пределов принуждения означает, что именно этому органу принадлежит также и деятельность по выработке системы карательных мер, установлению точной и ясной границы между нравственным и безнравственным применением страдания и принуждения как противостояния государства и общества злу преступления.

Все эти рассуждения автор распространяет и на процесс уголовного правосудия в целом. Законодатель, утверждает автор, должен быть убеждён не только в юридической, правовой необходимости, но и в нравственности принятого решения о наказании или же о его изменении. Значит, прежде чем применять наказания, следует глубоко изучить социальные условия, обстоятельства, факторы, которые привели законодателя к его заключению о необходимости изменения закона о наказании.

При этом автор совершенно справедливо подчёркивает, что особое значение имеет то, как воспринимает население принятие такого решения, ибо именно от этого зависит внутренняя убеждённость населения в необходимости и справедливости наказания и его практического применения. Главное, чтобы появилась нравственная потребность в том или ином наказании.

Автор подчёркивает, что каждое наказание, его характер не должны возникать по капризу законодателя как представителя господствующей власти, а должны вызываться потребностями жизни. В противном случае такое наказание создаёт определённые социально-политические проблемы. Автор поддерживает мнение французского правоведа Ж.-Л. Бержаль, что социология как наука, анализирующая факты социальной жизни людей на достаточно высоком уровне обобщения, выступает в роли одного из существенных элементов, содействующих разработке, применению и эволюции позитивного права¹. В то же время он согласен с русским философом права Б.А. Кистяковским, утверждающим, что процесс правообразования, по крайней мере, на первых стадиях, — чисто социальный процесс².

¹ Бержаль Ж.Л. Общая теория права / Под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с франц. М., 2000. С. 275.

² Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб, 1998. С. 208.

В то же время, отмечает автор, успешная деятельность по созданию системы наказания зависит от правовой культуры законодателя, его подлинно творческого отношения к своей миссии, от владения юридической наукой и искусством «делать» законы. Автор справедливо указывает на то, что правовая культура, в свою очередь, тысячами нитей связана с общей культурой. Её мощное благотворное влияние на правовое сознание, мышление, мировоззрение людей, творящих законы, на их ценностные правовые установки непосредственно или опосредованно определяет характер законодательства, обуславливает его адекватность историческому и национальному духу народа, потребностям, интересам людей.

Далее автор приходит к современности. Он указывает, что современное уголовное законодательство очень часто не учитывает вышеизложенные факторы. Именно по этой причине уголовный закон часто не получает «внутреннего» одобрения общества и согласия с его необходимостью и справедливостью. В частности, автор справедливо указывает, что для уголовной угрозы, то есть возможного уголовного наказания, как и для всякого средства воздействия, существует предел, за которым увеличение дозы, не увеличивая шансов на уменьшение зла преступности, начинает грозить расстройством целого или его более крупных частей. И значит, подчёркивает профессор И.М. Рагимов, установить искомый предел есть дело такта уголовного законодателя, задача его общей социальной политики.

Устанавливая то или иное наказание за определённое деяние, законодатель понимает, что в случае нарушения закона лицу придётся претерпеть известные чувственные страдания или нравственные лишения, ограничения как необходимое и разумное последствие. Автор полагает, что законодатель поступает безнравственно, если заранее знает, что эти страдания не соответствуют содеянному и, значит, воздаяние не служит идее права, справедливости и нравственности наказания.

Здесь же автор затрагивает проблему создания справедливого и нравственного закона о наказании, что называется «для всех времён и народов».

Автор совершенно справедливо указывает на то, что это сделать невозможно. И подробно объясняет почему. Во-первых, каждое государство само определяет важность охраны того или иного объекта. И в каждом государстве может

быть свой подход к этому вопросу. Во-вторых, виды и размеры наказаний постепенно подвергаются изменениям, поскольку каждая эпоха выдвигает свои критерии значимости преступных деяний. Следовательно, нравственные начала наказания зависят во многом от того, кто и в каких условиях и обстоятельствах им пользуется.

В этой связи автор справедливо указывает, что изменения в наказании зависят от общественно-политического устройства общества, от особенности личности конкретного правителя, склонного или к тирании, или к милосердию.

Автор очень своевременно отмечает также, что история человечества свидетельствует, что уровень нравственных начал наказания напрямую зависит от уровня развития самой нации, и значит, в принципе можно утверждать, что система наказаний, как зеркало, отражает нравы, устои, традиции, уровень сознания, в том числе правового, каждого народа, нации.

В этой связи автор указывает на два возможных варианта развития наказания: законодатель может идти впереди общества, показывая тем самым, что он выразитель нравственного начала. И наоборот, можно быть законодателем, оказавшимся позади общества из-за незнания нравственного и культурного уровня своего народа. В таком случае общество получает не только не эффективную, но и вредную систему наказания.

Автор задается ещё одним очень важным вопросом: должен ли законодатель считать себя связанным с моральным мировоззрением своего народа? Автор отвечает на этот вопрос двояко: конечно, он не должен и не может игнорировать мнение общества относительно справедливости наказания за определённое деяние. В то же время законодатель, опираясь на сущность и содержание своего общественно-политического режима, может пользоваться наказанием как сильнейшим средством для достижения в обществе своих целей и реализации взглядов на те или иные проблемы жизни.

Затрагивает автор и исторический аспект темы, дав краткую характеристику системы наказания в Древнем Риме, в эпоху Средневековья, ранней и средневековой Руси. Акцентирует внимание на влиянии церкви на развитие уголовного наказания в Западной Европе в период Средневековья. При этом он указывает на конкретные факты в истории западноевропейской церкви периода Средневековья, когда христианство оказывало негативное влияние на процесс гуманизации наказания в европейском уголовном

праве. Он имел в виду и кровавые Крестовые походы, и суды инквизиции, и гонения на верующих во имя «праведного» Бога.

Свои высказывания он подкрепляет цитатами из Н. Макиавелли и законов о наказании, которые Моисей применял к своему народу как жесточайшие законы и наказания Пятикнижия.

* * *

Работа профессора Рагимова позволяет взглянуть на многоаспектность понятия «наказание», мыслимого автором не только как понятие юридическое, но и как понятие религиозное, а следовательно, и как понятие нравственное.

Кроме того, рецензируемая монография, как уже отмечалось, позволяет проследить историческое влияние религии на развитие уголовного права в целом и на развитие института наказания. Особенный интерес в этом смысле представляет, в частности, Ветхий Завет как источник правовых основ института наказания.

Как хорошо известно, библейско-талмудическое законодательство регулирует практически все сферы жизни и деятельности человека. Не является исключением и сфера наказания. На соответствующем этапе развития общества именно санкции религиозных норм выполняют роль способа восстановления справедливости.

В Библии Бог сам о себе говорит, что он Бог милости и любви и ненавидит всякое беззаконие.

Применительно к институту наказания в Ветхом Завете можно обнаружить основы принципа вины: «Удаляйся от неправды, и не умерщвляй невинного и правого; ибо Я не оправдаю беззаконника» (Исход 23:7).

Определяя отношения членов общества вне круга домашней, личной жизни, Моисей предписывает каждому дорожить жизнью, личной свободой, имуществом и честью ближнего. В то же время из содержания Ветхого Завета видно, что все преступления расценивались как оскорбление самого Бога. Самым главным преступлением считалось преступление против веры. За служение ложным богам и богохульство побивали камнями!

Самым страшным преступлением считалось убийство, и поэтому Ветхий Завет не утверждает ни права денежного выкупа за убийство, ни права так называемых священных убежищ на укрытие убийцы от законной мести. Умышленное убийство могла отмыть только кровь, и даже святое место не могло спасти убийцу.

В этой связи исследователи, занимавшиеся изучением института наказания в Ветхом Завете, неоднократно обращали внимание на факт несоответствия библейской заповеди «не убий» распространенности применения смертной казни. Нередко это несоответствие объясняется тем, что требования-запреты «не убивай», «не проливай кровь» были обязательной нормой поведения только среди своих сородичей и соплеменников. Заповедь «не убивай» означает «не убивай ближнего». В отношении же «дальних» могут применяться жестокие законы.

Одним из видов наказания, распространенным в Ветхом Завете, является кровная месть. В то же время ветхозаветные нормы ограничивали применение обычая кровной мести. Мстить можно было только лицу, причинившему ущерб. Вопрос о праве на месть рассматривался судом, она ограничивалась во времени и пространстве.

На этом основании некоторые специалисты по вопросам религий отмечали, что Библия содержит некоторые противоречия. Не является исключением и институт наказания. В этой связи профессор И.М. Рагимов задается вопросом: какова цель наказания по христианским канонам?

Ведь цель наказания — исправление грешника, недопущение совершения новых грехов и устрашение. Цель наказания не возмездие, а врачевание болезненных состояний души самих грешников. То есть, в принципе, здесь обнаруживаются следы цели наказания, присущей современному уголовному праву России: исправление преступника и предупреждение совершения новых преступлений. Это дает основание предполагать, что многие ветхозаветные и новозаветные установления явно противоречат и этой цели, и самим себе, что, в частности, подтверждается многократным упоминанием в Библии о праве на смертную казнь. Само существование этого вида наказания уже говорит о том, что нравственное исправление грешника (преступника) не во всех случаях является истинной целью религиозного наказания, так как нельзя исправить человека, преданного смерти. А возможность лишения человека жизни предоставляется не только за убийство, но и кражу, блуд, изнасилование, побои и даже за невольное оскорбление самолюбия (Бытие 28:41; 31:32; 34:27-29; 38:24; Исход 2:11-12).

Как уже отмечалось, несоответствие религиозной заповеди «не убий» засилью кровной мести и смертной казни объясняется самой Библией посредством разделения окружающих людей

на «своих» и «чужих». Однако как объяснить жестокость Библии, распространяющуюся и на «своих», «ближних»?

Как известно, древнерусское законодательство изначально не восприняло ни христианские идеи наказания, ни его виды. На оформление этого института уголовного права Древней Руси, прежде всего, оказали влияние обычное право, живучесть язычества и финансовая дальнорочность русских князей. Но с постепенным приходом христианства ситуация на Руси стала меняться — уголовное законодательство стало предусматривать смертную казнь и в целом стало более жестоким. Данная тенденция, полагает профессор И.М. Рагимов, нуждается в объективном рассмотрении и научном объяснении и толковании.

* * *

Во второй главе монографии профессор И.М. Рагимов рассматривает религиозные положения иудаизма и его значение в эволюции института наказания, а также сущность наказания по Ветхому Завету.

Первое, на что обращает внимание автор, — это то, что иудаизм — религия, у которой нет конкретного основателя, или лидера, или группы, как в исламе, христианстве или буддизме. Евреи (приверженные традиции) верят в то, что Пятикнижие, «пять книг Моисея» были дарованы Моисею в Божественном откровении и записаны им как единый текст. Но какой Бог даровал эти законы?

Израильяне не думали, что Яхве, Бог Синайский, о котором говорил Моисей, — единственный на свете Бог. Они просто, по настоянию Моисея, дали обет, что не будут поклоняться никому, кроме Него (Яхве).

Но есть мнение, что, скорее всего, религия Яхве являлась «подлинным творением израильского народа. Она радикально отличалась от любой веры, когда-либо известной языческому миру» (И. Кауфман).

Далее автор обращает внимание читателей на то, что Еврейская Библия (Ветхий Завет) повествует о Боге в состоянии эволюции, о Боге, характер которого кардинально меняется с начала до конца изложения. Еврейская Библия обрела форму постепенно, в течение долгих веков, и порядок, в котором были написаны ее тексты, не соответствует порядку, в котором они расставлены ныне.

Затем автор указывает, что история свидетельствует, что во все времена странствования

израильтян действовали необыкновенно строгие законы, немилосердно карающие смертной казнью нарушителя религиозных и общественных установлений. Нужно было приучить народ к точному исполнению закона, данного на Синае, и поэтому всякие нарушители приговаривались к смертной казни беспощадно. Такие преступления, как ворожба, колдовство, преступное бездействие в виде неисполнения требования об обрезании, безнравственное деяние и т.д., сурово наказывались смертью, как преступное пренебрежение милостью Божьей.

Так, преступно безнравственными и караемыми смертью признаются в Ветхом Завете действия Омана, который женился на жене своего покойного брата.

Автор особо отметил, что в израильском законе человек всегда ценился несравненно выше какого бы то ни было имущества, ибо из всех Божьих творений только он один был создан по образу Творца. Поэтому убийства наказываются по общему правилу смертной казнью. «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исх. 21:12).

В то же время наказание, по Ветхому завету, — это вразумление, которое несет в себе доброту, сострадание и излечение, создает условия, предупреждающие совершение нового преступления.

Итак, Пятикнижие, делает вывод профессор И.М. Рагимов, — это первые систематизированные и писанные законы, данные Богом, а не Моисеем еврейскому народу. Следовательно, можно с полным основанием считать, что наказание как институт появилось именно в этом Божьем послании, которое считается первым словом Господа Бога. Наказание — неотъемлемый и важнейший компонент Божьего Закона, оно Им освящено, принято еврейским народом как должное.

Если бы этот Закон был бы не от Бога, а от Моисея, то вряд ли евреи могли бы существовать в течение 4000 лет, руководствуясь человеческим законом.

Провозглашенная Богом религиозность, основанная на Ветхом Завете, покоится на единобожии, законодательство — на принципе равного воздействия. Бог, народ, справедливость — так кратко можно было бы обозначить суть иудейской религии.

В ответ на просьбу коротко определить суть иудаизма, обобщить Тору, в единственной фразе Гиллель ответил: «Не делайте другим того, чего

бы не хотели от них для себя. В этом вся Тора, остальное комментарии»³.

Автор отмечает, что вообще уголовное законодательство по Ветхому Завету представляет собой особенное явление: на протяжении существования еврейского народа оно не только не исчезло, как у многих народов, а наоборот, совершенствовалось и дополнялось ценными преданиями и юриспруденцией.

Даже римские завоевания, разрушение Иерусалимского храма, уничтожение огромного числа евреев и расселение остальных не смогли подавить дальнейшего развития еврейского уголовного права. Казалось, что еврейский уголовный закон исчезнет совсем, как исчез Карфаген. Однако именно этот закон, по мнению христиан, стал подготовкой для Закона Христа, который не отвергает Пятикнижие, но совершенствует его, обновляя одновременно и природный закон.

Господь Бог в Пятикнижии изложил не только религиозные, но и в определенной системе нравственные основы законодательства.

Автор монографии согласен с утверждением, что религиозные начала института наказания по принципу «око за око, зуб за зуб», предусмотренному в Ветхом Завете, являются первыми по времени.

Моисей, в свою очередь, понимал, что главное — государственное устройство, создание политического пространства для установления и развития еврейского народа. А для этого следует сделать ставку не на свободу духа, не на совесть человека, а на принцип равного возмездия и конкретный вид наказания за данные преступления.

* * *

В третьей главе монографии автор пытается понять отношение Нового Завета к институту наказания, которое расходится с Божественными Заветами, установленными в Ветхом Завете. В Нагорной проповеди, по Евангелию от Матфея (Мф. 5:21—48), Иисус Христос ведет прямую полемику с древним Законом и отменяет этот Закон, провозглашая свое учение, которое, в отличие от Торы, направленной только еврейскому народу, расширило пределы духовного действия Божьего Закона, ибо Тора ко времени Христа не могла быть принята другими народами. И он это понимал.

В литературе некоторые авторы утверждают, что «Иисус Христос переосмыслил старый Закон,

³ Вавилонский Талмуд. Шаббат 31 а.

раскрыл содержащийся в нем изначально смысл, а именно «благодать и истину», который предназначен новому поколению евреев, созревших для его усвоения»⁴.

Действительно, Евангелие содержит данные, указывающие на то, что Христос исправлял некоторые положения Ветхого Завета. Однако Новый Завет Иисуса Христа не исправлял некоторые положения Священного Писания — Десять заповедей Бога.

Автор исходит из того, что все изменения, которые Христос вносил в Старый Божий Закон, были от Всевышнего.

Как уже указывалось, Ветхий Завет предусматривает жесткие наказания. Господь Бог посредством Иисуса Христа поставил точку в вопросе о человеческой мести и наказании как возмездии: христианство более определенно и последовательного, чем иудаизм, отказывает людям в праве вершить месть и возмездие (наказания), закрепляет такое право за Богом, как предусмотрено во всех Писаниях.

Учение Иисуса Христа отменяет принцип талиона «око за око», «зуб за зуб» и отдает приоритет заповеди любви как основе предупреждения преступлений не наказанием, а именно любовью, прощением, добротой. «Возлюби ближнего твоего как самого себя» (Мф. 22:39) — императив Христа.

Одним словом, христианское этическое требование было иным, нежели иудейское: «отвечает на зло добром», «не старайся побеждать злым злое», «не противься злому».

Соответственно данному требованию и суть наказания должна была быть другой.

Далее профессор И.М. Рагимов задается чрезвычайно важным вопросом: почему же все-таки с пришествием Христа прежний Ветхий Завет был заменен Новым Законом?

В христианской религии считается, что причиной послужило не то, что Ветхий Завет не был хорошим, а потому, что изменился сам человек и средства обеспечения справедливости Ветхого Завета, в том числе и связанные с пониманием преступного поведения человека, и применение наказаний не было универсальным. Тогда возникает другой вопрос: в какой мере это объяснение влияет на сферу уголовного права и криминологии?

⁴ Мировые религии о преступлениях и наказаниях / Науч. ред. А. Толкаченко, К. Харabet. М., 2013. С. 134.

В этой связи важно понять и то, в чем состоят принципиальные отличия между Ветхим Заветом и учением Иисуса Христа в области института наказания? Иначе говоря, на основе каких принципов следует определять наказание по Новому Завету?

Постановка этих вопросов профессором И.М. Рагимовым предопределяет его дальнейшие рассуждения.

Христиане называют Новый Завет законом любви, добродетели, так как в отличие от Ветхого Закона он не вынесен в камне, а «начертан в сердцах».

Поэтому исправить действующие законы, вдохнуть в них новую жизнь и адаптировать их к новым условиям жизнедеятельности людей можно только верой в Христа. Как писал Данте, она, вера, учила видеть не цвет, а свет и проникать в суть тех явлений бытия, которые могут лежать в основе мировоззрения. Как известно, один из догматов, то есть столпов христианства — искупление и прощение грехов.

Искупление — это раскаяние, которое может быть принято только после испытания наказанием. На философском языке — снято наказанием, а на юридическом — снято отбыванием наказания. Иисус Христос учит, что единственное спасение человека состоит в осознании того, что противостояние злу злом является ложным.

Иначе говоря, когда тебя бьют по щеке, надо подставлять другую и не сопротивляться и даже поблагодарить обидчика.

Смирненное отношение человека ко злу реализуется у Иисуса Христа в установках: «не судите других», «любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинаящих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк. 6:27).

И вновь профессор И.М. Рагимов возвращается к главному вопросу: почему учение Иисуса Христа отрицает наказание в борьбе со злом, с преступлением?

Ему представляется, что ответ на этот вопрос содержится в высказываниях апостола Павла. Он пытается объяснить, что человек, совершая подобные деяния, зависит от тех причин, которые находятся вне воли человека, в плоти его, и что человек не в состоянии противостоять таким явлениям, хотя и желает этого.

Итак, именно в вопросе о сущности наказания, и в первую очередь смертной казни, наблюдается противоречие между иудаизмом и христианством. Иисус неоднократно в разных ситуаци-

ях говорит о своем отношении к Старому Закону. Наиболее полно и конкретно формулирует его в Нагорной проповеди, в пятой главе (стихи 21—48) Евангелия от Матфея, в частности: «Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:38—39).

Очень важно, указывает в этой связи автор, что специалисты, исследующие вопросы наказания в виде смертной казни и отрицающие смертную казнь в качестве обязательного элемента шкалы наказаний, как правило, ссылаются на то, что она не соответствует учению Христа, а также Евангельским заповедям. На это, например, указывал известный русский правовед Н.С. Таганцев⁵. В свою очередь, А. Бернер, протестуя против смертной казни, по христианским канонам вполне резонно задавался вопросом: «Как может защищать смертную казнь христиан, когда казнь Спасителя должна служить поводом к вечному и громогласному протесту против смертной казни?»⁶

Еще в Средневековье Фома Аквинский указывал, что смертная казнь противоречит канонам христианства, ибо «наш Господь учит, что лучше позволить злому жить и оставить возмездие до Судного дня, чем предавать смерти добрых вместе со злыми»⁷.

Рассуждал о наказании, прежде всего о смертной казни, и великий Шекспир. Он писал о том, что при применении института наказания необходимо руководствоваться высшими законами христианской любви и милосердия: «Сам царь царей в скрижали внес закон: «Не убивай».

Анализируя вышеизложенное, автор не без основания указывает на некоторую непоследовательность и самого христианского учения, и его комментариев на вопрос о смертной казни.

С одной стороны, он приводит хорошо известный пример с женщиной, виновной в прелюбодеянии, и слова Христа: «пусть первым бросит камень тот, кто без греха». С другой стороны, автор утверждает: напрасно ссылаются на то, будто Христос осуждает смертную казнь. Это утверждение он подкрепляет указанием на то, что в Евангелии Христос ничего не возражал против смертной казни. Апостол же Павел в Послании к римлянам говорит: «Если же делаешь зло, бой-

ся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отомститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите» (Рим. 13:4—6).

Автор полагает, что эти фразы означают, что правитель-христианин не может сомневаться в том, что, карая, он поступает согласно воле Бога.

Автор справедливо указывает, что немалое влияние на судьбу смертной казни в Европе оказала Христианская церковь. Еще при Феодосии Великом в конце IV века в Католической церкви появляется смертная казнь за религиозные преступления. Представители духовенства пропагандировали в законодательных учреждениях Западной Европы идею смертной казни. Блаженный Августин допускал применение правителем при необходимости мер наказания «словом, или бичом, или другим справедливым и дозволенным родом наказания, насколько это допускает человеческое общество, ради пользы самого утопающего»⁸.

Фома Аквинский оправдывал смертную казнь для еретиков на том основании, что загрязнять веру, которая является жизнью души, — гораздо более серьезное дело, чем подделывать деньги, поддерживающие жизнь. Поэтому если справедливо отправлять на смерть фальшивомонетчиков и других преступников, то с еретиками следует поступать аналогичным образом.

Далее автор указывает, что и русская Православная церковь считает, что особая мера наказания — смертная казнь признается в Ветхом Завете. Обосновывает он это утверждение тем, что непосредственных указаний на необходимость ее отмены нет ни в одном источнике: ни в Священном Писании Нового Завета, ни в Предании, в историческом наследии Православной церкви. Поэтому, делает заключение автор, христианская доктрина не осуждает и не запрещает применение смертной казни.

Следует признать, что данный очень серьезный вывод требует более глубокого обоснования. Тем более что далее автор подробно останавливается на рассмотрении изречения Иисуса Христа «не противься злому», а также «если ударят тебя по правой щеке, то подставь обидчику и левую» как едва ли не самого центрального пункта толкования Священного Писания, вокруг смысла и значения которого до сих пор не утихают споры. И автор совершенно справедливо указы-

⁵ Таганцев Н.С. Смертная казнь. М., 2016. С. 19.

⁶ Бернер А. О смертной казни. СПб, 1865. С. 13—14.

⁷ Фома Аквинский. Часть 2. Вопрос 64. Раздел 2.

⁸ Блаженный Августин. О Граде Божьем. С. 1035—1036.

вает причину этих нескончаемых споров. Суть первой заповеди — пассивное воздержание от сопротивления обидчику. Действиям его надо противиться как необходимому злу. Если бы можно было сопротивляться им, не нарушая нравственного закона, то такое сопротивление было бы желательным и необходимым. Таким образом, Христос предлагает пассивный уровень нравственности, заключающийся в том, что само сопротивление злему не может быть средством противодействия этому деянию.

Что касается второй заповеди, вытекающей из фразы «подставь левую», то она означает акт терпения, то есть терпи обиду, ибо такое терпение есть великая ценность, и для него нужны великие способности. Не сопротивление, а именно терпение нужно и требуется, чтобы победить зло и уготовить Царство Божие. Не пассивное воздержание требуется, в данном случае, а любовное действительное терпение.

Для анализа содержания вышеназванных положений и возможности их реализации в современной реальной жизни, автор привлекает и анализирует целый ряд весьма важных первоисточников — высказывания Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, известного русского философа, правоведа В.С. Соловьева, отечественного юриста С.В. Познышева. Автор обращается к текстам Старого и Нового Заветов, Корана и высказываниям апостолов Петра и Павла, древнего философа Конфуция.

Однако от собственного вывода после проведенного анализа автор, к сожалению, уходит. Будем надеяться, что собственная оценка автора изложенных в данной части монографии положений Священных Писаний будет дана им в последующих изданиях рецензируемого труда.

* * *

Отдельному и углубленному рассмотрению в третьей главе монографии подвергнуты постулаты учения Иисуса Христа как нравственной основы наказания.

Это весьма правильный подход, поскольку решения в праве, а тем более решения о наказании, безусловно, должны приниматься с учетом нравственных аспектов конкретной ситуации и учения Иисуса Христа.

Автор верно отмечает, что именно христианство внесло колоссальный вклад в нравственно-

правовое развитие человечества. Разумеется, речь идет не только об идее любви к Богу и человеку, но и о существенном изменении отношения к понятию и сущности наказания.

Автор обращает внимание на то, что учение Христа вообще отвергает идею равенства между преступлением и наказанием, которая, как известно, была доминирующим принципом в Ветхом Завете.

Взамен принципа равенства Новый Завет провозглашает морально-нравственный принцип Любви, оказавший существенное влияние на формирование и развитие института наказания.

Христианское учение предложило рассматривать наказание без карательного содержания, без страданий, которые причиняются человеку, совершившему преступление, а самое главное — без устрашения и страха.

Данная истина основана исключительно на принципах восстановления личности преступника или, если невозможно, его изоляции только до тех пор, пока необходимо, чтобы лишить его возможности вновь совершить преступление. Для этого некоторые представители этой теории предлагают привлекать психиатров, психологов с целью восстановления психики лица, совершившего преступление.

По сравнению с уголовным наказанием тюремного типа некарательное воздействие на преступника и меры по восстановлению его личности внешне выглядят просвещенными, нравственными, гуманными и современными. Именно поэтому задачу будущего в предупреждении преступлений представители данной теории видят в замене наказания мерами воздействия без элементов кары.

Автор правильно указывает, что идея некарательного воздействия не нова и имеет достаточно долгую историю. Ещё Ч. Ломброзо, опираясь на антропологию, уголовную статистику, уголовное право и тюрьмоведение, предложил отказаться от наказания как средства бесполезного и заменить его другими мерами.

Доктрина уголовно-антропологической школы, признающая биологические свойства преступности, предлагала заменить уголовное наказание «мерами безопасности», а уголовно-социологическое направление — мерами социальной защиты. Такие меры сводились к поиску универсального средства уничтожения преступности как социально-психологического явления посредством психолого-медицинского и социального влияния на сознание преступника.

Продолжая эту традицию, некоторые современные авторы и сегодня полагают, что «криминология XXI века должна обратить внимание на перспективность некарательных санкций, включив их в контекст индивидуальной профилактики преступлений»⁹.

У этой концепции были и остаются противники. С.П. Мокринский в начале прошлого века писал, что стоит отнять у наказания черты принуждения и страдания, и всякий почувствует, что мероприятие уже не соответствует понятию наказания, что оно может быть названо мерой принудительного воспитания, образования, лечебного пользования, презрения, изолирования, но отнюдь не наказания.

Спустя более века его поддержал Г.В. Мальцев, утверждая, что «чистое наказание без элементов кары — мечта либеральных деятелей нашего времени — есть иллюзия, способная превратить социальную реакцию на преступление в ничтожный акт»¹⁰.

Большое внимание нравственной сущности наказания было уделено известным русским философом и правоведом В.С. Соловьевым в работе «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики». Автор призывал найти верное соотношение в наказании преступника между устрашением и нравственным началом. Как известно, принцип середины был провозглашен основателем этики Аристотелем.

Завершая анализ третьей главы рецензируемого сочинения, хотелось бы пожелать автору конкретнее сформулировать собственные суждения по рассматриваемой им актуальной проблеме — суть, содержание и цели уголовного наказания — и обосновать их.

* * *

В четвёртой главе своего произведения профессор И.М. Рагимов рассматривает религиозные основания для наказания применительно к Исламу.

Для того чтобы понять, как происходили зарождение и эволюция института наказания в исламе, автор кратко обрисовывает жизнь арабов до появления Корана — главного религиозного источника ислама. Автор справедливо утверждает, что Коран — религиозная книга, священная

для приверженцев всех исламских направлений. Она служит основой мусульманского законодательства как религиозного, так и гражданского. Согласно учению ислама, Коран является прямым, вечным и несотворённым словом Аллаха.

Цель Корана, подчеркивает автор, — борьба не с иудаизмом и христианством, а с идолопоклонством и многобожием. Поэтому, с точки зрения ислама, иудеи и христиане не считаются неверными, а называются «людьми Писания», и насильное обращение их в Ислам является харамом.

Автор, далее, верно указывает на то, что учение о джихаде пустило корни в Коране, однако нигде: ни в Коране, ни в хадисах Пророка Мухаммеда — нет и намёка на то, что ислам приветствует убийства или насилие в отношении представителей других религий. Это очень важно понимать в связи с тем, что на Западе нередко утверждают, что ислам — религия насилия, и ссылаются при этом на Коран, забыв про крестовые походы, когда христианская церковь опиралась на Ветхий Завет.

В результате проведённого анализа автор делает важный вывод о том, что никакого «учения о джихаде» в Коране нет. Следовательно, беспочвенны попытки протолкнуть в него идею, что джихаду даровано Божественное благословение.

Подводя итог этому своеобразному введению относительно назначения Корана, автор указывает, что основная причина появления данного писания связана с отдалённостью народа Аравии от истинного и праведного пути. И что особенно важно для основной темы исследования, это то, что Коран следует понимать как Закон Аллаха, включающий в себя совокупность норм нравственных, религиозных и правовых, из чего следует, что в основе наказания, согласно вере мусульман, лежат именно эти Божественные устои.

Специальному исследованию подвергается в монографии эволюция идеи института наказания в исламском мире. И вновь автор первостепенное внимание уделяет нравственным началам наказания в Коране.

Профессор И.М. Рагимов в систематизированном виде раскрывает присущие исламу особенности его религиозной нравственности.

В частности, он отмечает, что, если христианская европейская этика отвечает на вопрос, зачем надо быть моральным, мусульманская вера отвечает на вопрос, как стать моральным, что для этого надо сделать.

⁹ Криминология. XX век / Под ред. В.Н. Буракова. СПб, 2000. С. 12.

¹⁰ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 129.

Этика Корана не только включает обязанность верующего участвовать в добрых делах, но и противостоять злым.

Ни в одной другой Священной книге не уделяется столько внимания милосердию, как в Коране. Там говорится: всякое зло чревато дурными последствиями, но лишь в той же мере, тогда как доброжелатель награждается десятикратно.

В отличие от других религий — иудаизма и христианства, в исламе нет ни одной крайности в виде формулы «зуб за зуб», ни другой — в виде «подставь левую щеку после того, как тебя ударили по правой». Коран устанавливает золотое правило, согласно которому прощения уместны, если они способны восстановить мир и пойдут на благо самому преступнику, ибо целью наказания является в первую очередь его исправление.

Анализируя божественные установки ислама, автор подчёркивает, что в государствах, где господствует ислам, власть выступает только слугой права, изданного Аллахом и его посланником Пророком Мухаммедом. Поэтому сущность добра для человека является послушанием Божественному Закону, неповиновение которому неминуемо ведёт к греху. Именно поэтому в период зарождения мусульманского уголовного права в основу института преступления и наказания была заложена цель уничтожения греха в корне.

Автор обращает внимание на то, что Коран разделяет грехи на малые и большие. Большие грехи — это те, о которых в Коране содержится особое предупреждение и проклятие или о которых сообщается, что за них положено наказание. Эти грехи следует считать преступлением. К таким большим грехам относятся, например, многобожие (ширк) и неповиновение родителям. К малым грехам в понимании Аллаха относятся те проступки, которые никому не нанесут какого-либо вреда.

Специальное внимание уделено автором рассмотрению характеристики преступлений и наказаний по Корану. Он описывает такие преступления, предусмотренные Кораном, как: запрет на убийство, о насилии, о воровстве, о прелюбодеянии, употреблении одурманивающих веществ и алкоголя, заведомо ложные клятвы, греховное злословие и ответственность за клятву, воздаяния для тех, которые воюют против Аллаха и посланника Его, виды обязательных наказаний.

Специальному рассмотрению автора подвергается вопрос о *нафсе* как основании наказания по Корану. Дело в том, что Коран очень часто упоминает душу человека в связи с совершени-

ем греха. А источником склонности к злу, греху, преступлению, заложенной в душе человека, является *нафс*.

Автор подчёркивает, что Коран указывает также на существование внешних причин совершения зла (преступления). Это, в отличие от *нафса*, видимая сторона поведения человека: «Приукрашены для людей любовь к удовольствиям, доставляемым женщинами, сыновьями, накопленными канторами золота и серебра, прекрасными конями, скотиной и нивами. Таково преходящее удовольствие мирской жизни...» (Сура 3, аят 14).

Характеризуя личность человека, совершающего преступления, Аллах говорит о том, что преступники лишены даже и вторичного источника Света, они находятся словно бы в ночи беспросветной, которая и толкает их к совершению преступления, к насилию, злым деяниям. При этом Аллах и Пророк Мухаммед неоднократно отмечают, что болезнь находится именно в сердце человека и что исцеление следует начинать именно с сердца человека. И единственным целителем, способным воздействовать непосредственно на сердце человека, является Аллах. Автор, безусловно, проявляет большую творческую смелость, когда приступает к исследованию проблемы наказания и предопределения в Исламе.

Предопределение (а точнее, аль-када и аль-кадир) — один из столпов исламской веры. Аль-када — это полная изначальная осведомлённость Творца обо всём, что происходило, происходит или произойдёт в мире. Аль-кадир — абсолютное соответствие фактически происходящего в реальном времени изначальному знанию Творца.

Рассмотрев соответствующие положения Корана, автор формулирует целый ряд выводов, важных для определения условий, когда наступает, согласно исламу, и религиозная, и правовая ответственность за совершение преступного злодеяния.

Из этих положений, по мнению автора, следует, в частности, что в Коране имеется множество откровений, свидетельствующих о том, что Бог вводит в заблуждение лишь грешников, что, согласно Корану, человек все же несёт ответственность за свои поступки, несмотря на существование Божественного предопределения; что Предвидение Всевышнего не лишает людей свободы воли; что, по исламу, для нас всё определено в границах пространства и времени, но это никаким образом не говорит о безучастности человека и т.д.

Сформированные автором выводы, безусловно, важны для правильного понимания того, как религиозные положения Ислама влияют на определение форм и размера наказания за совершенное, поэтому хотелось бы пожелать автору, чтобы в следующем издании данной работы его ответы на поставленные им же вопросы были более развёрнутыми. Это необходимо для того, чтобы читателю было проще понять взаимосвязь религии и наказания применительно к религиозным установкам ислама.

На последующих страницах монографии автор рассмотрел не менее трудную проблему, которую автор обозначил как «молчание Корана». Суть данной проблемы состоит, коротко говоря, в следующем. Коран, Сунна (сборник традиций, касающихся действий и высказываний пророка Мухаммеда) и Иджма являются основными источниками мусульманского института наказания. Если в этих книгах отсутствуют соответствующие предписания относительно наказания и его применения за те или иные деяния, то используется Кияс, то есть рассуждения в области права по аналогии.

Однако в целом, указывает автор, институт наказания в Коране не систематизирован в виде определённого кодекса и не сведён к обозримой совокупности общих принципов.

Безусловно, обобщающие конкретные религиозные отношения и неизменные элементы добродетели — справедливость, милосердие, совесть, мудрость и т. д. непосредственно определяют религиозные наказания по Корану. Однако этого было недостаточно. Отсутствие ответов на многие вопросы жизни в обществе, которое постепенно отказывалось от существующих обычаев и традиций древности, в том числе и в области правовых отношений, требовало новых, дополнительных и разнообразных разъяснений, дополнений и толкований.

И они, в конце концов, появились, указывает автор. Праведные халифы Абу Бакр, Омар, Осман и Али, как и другие сподвижники Пророка, решая конкретные уголовные дела в случае «молчания» Корана, т. е. когда в его установлениях не могли найти ответ о конкретной сложившейся ситуации, сами формулировали новые уголовно-правовые нормы, регулировавшие вопросы наказания, на основе расширительного толкования указанных источников. В итоге, эти нормы, наряду с Кораном и Сунной, стали приобретать нормативный характер и служить основой для судебного решения о назначении наказания. В

дальнейшем они получили название «высказывания сподвижников». Этот вывод автора имеет важное историческое и современное значение.

Начиная с IX—X веков, указывает далее профессор И.М. Рагимов, роль источников развития и эволюции института уголовного наказания и доктрины. Таким образом, исторический институт наказания в мусульманском уголовном праве берет начало от Корана и Сунны, но развилась на основе практики, которая часто отходила от Священной книги и установлений Пророка Мухаммеда. И в этом огромная роль принадлежит, естественно, учёным-правоведам.

Такая ситуация сохранилась до конца XV века, и только с образованием Османской империи заметное влияние на отрасль уголовного права стала оказывать расширяющаяся законодательная практика правителей.

К концу XV века лишь в странах Аравийского полуострова и Персидского залива мусульманское уголовное право сохранило свои позиции и действовало универсально в своем традиционном виде. Остальные страны отказались к середине XX века от старой системы права и стали строить свое законодательство по двум основным образцам — романо-германскому и англосаксонскому.

Автор подчеркивает, что процесс становления мусульманского права проходил весьма не просто. Проблема заключалась в том, что большинство содержащихся в Коране и Сунне уголовно-правовых норм, регулировавших вопросы наказания, считались имеющими Божественное происхождение, а значит, вечными и неизменными. Следовательно, они не могут быть просто заменены уголовно-правовыми актами государства, хотя в этом и была острая необходимость, в силу исторического развития общества. Соответственно, указывает автор, правоведам приходилось «выкручиваться» и придавать данным уголовным нормам юридический характер.

Поскольку затронутые автором проблемы наказания носят весьма актуальный и современный характер, а также в целях выполняемого профессором И.М. Рагимовым исследования, было бы очень интересно узнать, как преодолевались и дальше будут преодолеваются указанные трудности и как на практике разрешится глубокое противоречие между традиционными ценностями Корана и новыми криминологическими тенденциями современности.

Завершая главу IV монографии, профессор И.М. Рагимов делает очень точный и важный

вывод: мусульманское уголовное право представляет законодательно полную свободу в выборе меры наказания за любое преступление, исключая лишь несколько видов, в отношении которых Кораном предусмотрены неизменные меры наказания. Разрабатывая теорию преступления и наказания за него, мусульманские юристы исходили из того, что прежде всего все деяния, поступки и даже мысли людей предопределены волей Аллаха. А это означает, что любое преступление следует рассматривать как непослушание воле Всевышнего и как наказуемое нарушение мусульманских запретов, за что следует соответствующая земная санкция.

Одновременно преступление выступает и как религиозный грех, влекущий уже загробную кару. Это чрезвычайно важное религиозное положение, однако, не отменяет необходимость дальнейшего научного уголовно-правового и криминологического исследования и разрешения вопросов, поставленных в главе четвертой монографии.

* * *

В пятой главе рецензируемой монографии рассматриваются вопросы наказания в религиях индуизма и буддизма.

В данной главе автор весьма подробно рассматривает вопрос о происхождении индуизма, дает характеристику важнейшим памятникам индуистской религии, как юрист анализирует содержание наиболее известного среди древних памятников юриспруденции Кодекса Ману в аспекте определения условий и видов наказания за грех и преступление.

В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что преступление в Законах Ману и других религиозных актах представляет собой деяние общественно опасное, в то время как грех — деяние, последствия которого носят чисто личный характер по отношению к виновному.

Закон Ману, например, делит все деяния человека на три вида: происходящие от мысли, от речи и от тела. Ряд одновременных греховных деяний выступает от речи и от тела. Ряд одновременных греховных деяний выступает в статусе преступных.

Тем не менее, указывает автор, индуистские религиозные писания проводили определённую грань между представлениями о греховном и преступном. Наказание выступает главным средством, при помощи которого царь обеспечивает соблюдение каждым подданным своей дхармы

(долга), ведь люди изначально по своей природе порочны и не могут соблюдать священный закон иначе как под страхом наказания.

Из содержания индуистских религиозных писаний следует, что поддержание государственной власти посредством наказания проходит в них красной нитью.

Религиозный источник индуизма в то же время призывал «Царя, восседавшего на троне Дхармы», быть бескорыстным и беспристрастным ко всем существам, соблюдая обет солнца (1.28. А. 34). Кроме того, согласно Законам Ману, вынесение несправедливого приговора влекло не только светскую, но и личную духовно-нравственную ответственность и для царя, и для судьи. Царь, получая право наказывать, должен (обязан) тщательно заботиться о своей душе, воспитывая в себе как можно больше положительных качеств, и усердно преодолевать свои пороки.

Обращает на себя внимание разнообразие наказания в виде членовредительства: отрубание пальцев, отсечение ног, рук, ушей, подрезание ахиллова сухожилия и так далее. Но было и наказание в виде конфискации имущества, штрафа, изгнания из страны.

Особое, очень пристальное внимание религиозные индуистские акты уделяют преступлениям против семьи и нравственности: прелюбодеяниям, изнасилованиям, скотоложеству, мужеложеству, связи между лицами женского пола и др.

Подводя итог характеристике и рассмотрению религиозно-нравственных основ уголовного права в индуизме, профессор И. М. Рагимов отмечает, что все его предписания, в том числе и правового характера, излагаются таким образом, что, на первый взгляд, не требуют от своего адресата обязательного их соблюдения. Поэтому складывается впечатление, что эти Законы не свод действующего законодательства, а только сборник поучений в добродетели. Однако следует, подчеркивается в монографии, учитывать, что в Древней Индии обеспечительной силой правовой нормы обладали групповая солидарность и внедрённый в сознание масс закон кармы, побуждающий нарушителя нормы поведения к раскаянию в целях очищения от грехов и соответствующего перерождения в новом облике после земной жизни.

* * *

Монография профессора И.М. Рагимова включает в себя и рассмотрение нравственных основ буддизма как основы для наказания за со-

вершенные злодеяния. Как и в предыдущих разделах монографии, автор дает краткую характеристику рассматриваемого религиозного учения.

С одной стороны, буддизм представляет собой явление чисто индусское как естественный продукт времени и среды, в которых он зародился. С другой стороны, с самого начала он утверждает себя в качестве религии независимой. Религии, в которой веет новый дух и в которой мощная личность основателя оставила неизгладимый отпечаток. Автор подчеркивает, что сердцевинной буддизма является буддистская этика — учение, раскрывающее суть праведной жизни. Её цель — сделать поведение человека более совершенным, добиваться гармонии в отношениях с самим собой и с другими.

Что касается проблемы преступления и наказания, то, как указывает автор, для буддизма характерна тенденция к ограничению роли и масштабов наказания, так как это средство не способствует совершенствованию человеческой сущности. Преступление, по буддизму, — болезнь, учение — лекарство, Будда — врач. Следовательно, бороться с преступными проявлениями следует не наказанием, а учением Будды, которое важнейшей целью уголовной политики считает не наказание человека, а его исправление и перевоспитание, возвращение преступников в лоно буддистских духовных и этических ценностей.

В заключение автор монографии утверждает, что учение Будды задало совершенно новую, глубоко духовную программу человеческой деятельности и новую религиозно-нравственную и законодательную основу единения людей.

* * *

Содержит рецензируемая монография и краткое, но очень необходимое в данном случае рассмотрение учения Конфуция. Автор справедливо указывает, что Конфуций оказал сильнейшее влияние на духовную жизнь китайцев, и это, в свою очередь, определило отношение китайского народа к понятию преступления, сути и назначению наказания. Более двух с половиной тысяч лет Конфуций является духовным наставником, учителем не только китайской нации, но и других дальневосточных народов, воплощением их культурной самобытности. И сегодня каждый образованный китаец знает его учение и воспринимает его как жизненную установку.

В чем суть учения Конфуция применительно к уголовной политике? «Не делай другим того,

чего не пожелаешь себе». Самой главной добродетелью, которая, по мнению Конфуция, может спасти общество, является «жэнь». Существуют разные переводы этого термина: внутренняя доброта, любовь, благожелательность, совершенная добродетель, гуманность и человеколюбие. В Китае Конфуций объявил «жэнь» высшей добродетелью. Он призывал любить людей, своих собратьев.

Автор справедливо подчеркивает, что особое место в учении Конфуция занимает вопрос о взаимоотношении этики и уголовной политики, в частности, наказания. С его точки зрения, приоритет принадлежит этике, хотя философ и не отрицал роль карательных мер, наказания в поддержании правопорядка и законности. Вместе с тем Конфуций высказывал мнение, что управление с помощью стыда эффективнее, чем управление с помощью наказаний. Он полагал, что, если руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится.

В то же время Конфуций не отрицал и значения светской власти. Конфуций учил, что как для закона нужен репрессивный аппарат, так и для правил, установленных для поддержания порядка, нужен благородный муж, по мнению Конфуция, — император. Его задача — быть гарантом соответствия государственного управления ритуалу.

Профессор И.М. Рагимов верно отмечает, что учение Конфуция по своему содержанию очень близко к учению Иисуса Христа, который, согласно Библии, исповедовал великодушие, терпимость и всеобщую любовь.

* * *

Монография профессора Рагимова И.М. завершается краткими выводами, которые отражают основные положения его научного исследования. В этой связи отметим, что, на наш взгляд, было бы более правильно, если бы выводы из монографии, ввиду их чрезвычайной актуальности и большой обоснованности и убедительности, получили бы свое более четкое оформление в виде отдельного, самостоятельного раздела, например, как заключение, и были бы более развернутыми.

В завершение же нашей рецензии хотелось высказать ещё несколько пожеланий автору.

Первое. Нужно, безусловно, продолжать данные, начатые в рецензируемой монографии исследования, которые можно условно назвать сло-

восочетанием: «мир религии и наказание глазами юриста, учёного и практика».

Понятно, что данная тема по существу не знает границ, она бесконечна, но, как говорится, дорогу осилит идущий.

В наше непростое, а иногда хочется сказать, смутное время людям нужна вера. Все больше и больше людей говорят об этом.

И вовсе не обязательно, чтобы это была всеобщая вера во Всевышнего, в его учеников и его писания. Это может быть вера в прекрасное будущее человечества, народа, страны, государства. Но это должны быть не просто фантазии или пустые мечтания. А именно вера. Она должна на чем-то зиждиться. Такой основой может быть великое историческое прошлое народа и государства, великие свершения народа-победителя, экономические, геополитические успехи, великие достижения в области культуры, искусства и, конечно, права.

Это может быть и национальная идея, в которой чётко, ясно и понятно будет изложен глубокий и истинный смысл бытия страны, народа и каждого человека.

Именно для достижения этих целей, их осознания, а затем для успешной борьбы за их достижение и нужны глубокие научные исследования, монографии, подобно той, которую подготовил профессор И.М. Рагимов. Так пожелаем же ему успехов в этом архитрудном, но, безусловно, благородном деле!

Второе. Нам представляется, что практическая значимость произведения И.М. Рагимова будет намного выше, если автор в новых его изданиях покажет современную криминологическую обстановку в мире и отдельных странах, её новые и новейшие тенденции и свяжет все это с основными постулатами очерков о нравственных и религиозных основах наказания.

Например, было бы интересно узнать, как отмена смертной казни, соответствующая определённым церковным канонам, влияет на воплощения в жизнь религиозного завета: «не убий!» и каково отношение и верующих, и неверующих к законодательной новелле?

Как соотносится религиозный гуманизм и метод убеждения по отношению к преступнику с существующей тенденцией законодателя заменять наказание в виде реального лишения свободы на судебный штраф. Не является ли это мера возможностью для виновного просто откупиться от правосудия.

И наоборот, почему в уголовном законе должны появиться карательные нормы за оправда-

ние фашизма и совершенных им преступлений против человечества. Разве недостаточно в этом случае просто морального, нравственного осуждения тех, кто реабилитирует фашизм? Кроме того, было бы интересно узнать, как вообще спустя всего несколько десятилетий после Великой Победы над фашизмом вообще возможны и реабилитация, и возрождение фашизма. В чем здесь промысел Божий?

Третье. Монография профессора И.М. Рагимова, как нам представляется, должна быть обращена не только в прошлое, но и в будущее. А значит должна быть обращена и, может быть, в первую очередь — к молодёжи.

Нынешняя молодёжь уже не знает ужасов войны, трудностей послевоенного лихолетья, трудностей перестройки, великой трагедии разрушения Советского Союза, сложностей «демократизации» и перехода к рыночной экономике.

С другой стороны, молодёжь и справа и слева постоянно зовут к революции, на баррикады.

Что же мы юристы, ученые и практики можем сказать и предложить молодежи в свою очередь?

Да и надо ли? И если да, если надо, то как, каким образом в условиях нашей современной жизни донести до молодёжи религиозные ценности о мире и постулаты о морали, о нравственности? И о преступлении и наказании? Донести так, чтобы эти религиозные и нравственные ценности стали им понятны и вошли очень важной частью в их пока ещё неопределившиеся и неокрепшие мировоззрения, которые сейчас постоянно искушают псевдолиберальным учением о свободе личности и правах человека, иногда призывая к самым омерзительным формам существования, явно противоречащим основам любой религии (смена пола, однополые браки и т. д.).

Есть ещё немало проблем современности, которые нуждаются в религиозном и морально-нравственном освещении и оценке именно юристами, ибо это они, юристы, прежде всего, ответственны за содержание и нравственность законодательства, ожидаемые результаты его реализации и за меры и виды наказания в случае его несоблюдения и тем более — грубого нарушения.

Но мы ещё раз выражаем твёрдую убежденность, что эта задача, что называется, по плечу нашему уважаемому коллеге, профессору И.М. Рагимову. И он её, вне всякого сомнения, успешно решит и тем самым внесёт новый значительный вклад в развитие таких важнейших разделов правовой науки, как теория государства и права, история политических и правовых учений и, конечно, уголовное право и криминология.

ИТОГИ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ, ПОСВЯЩЁННЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В 2021 году Московская академия Следственного комитета Российской Федерации впервые провела Конкурс научных работ, посвящённых деятельности следственных органов Российской Федерации.

На Конкурс были представлены творческие работы Университета прокуратуры Российской Федерации, Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Байкальского государственного университета, Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, Саратовской государственной юридической академии, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, Кубанского государственного университета.

Особо следует отметить интерес, проявленный к Конкурсу следственными управлениями СК России по Удмуртской Республике, Чувашской Республике, Красноярскому краю и Республике Хакасия, Ставропольскому краю, Амурской, Вологодской, Ивановской, Липецкой, Омской, Свердловской, Томской, Челябинской областям, Кемеровской области — Кузбассу, которые представили свои работы в номинации «Лучшие методические рекомендации».

По результатам изучения конкурсных материалов экспертной комиссией принято следующее решение о победителях и призерах в соответствующих номинациях.

В номинации «Лучшее исследование уголовно-процессуальной деятельности следственных органов»:

1 место — Органы предварительного следствия России и процессуальная самостоятельность следователя: монография / Семенцов А.В., Адыгезалова Г.Э., Гладышева О.В., Лукожева Х.М. М.: Юрлитинформ, 2021. — 200 с.

2 место — Санташов А.Л., Санташова Л.Л. Международное сотрудничество в сфере передачи осужденных для отбывания наказания в государство их гражданства: монография. М., Юрлитинформ, 2021. — 160 с.

3 место — Методика доследственной проверки по делам о преступлениях, связанных с манипулированием рынком ценных бумаг и неправомерным использованием инсайдерской информации: научно-практ. пособие / Опальский А.П., Прорвич В.А., Иванов Е.В., Корякина З.А., Нартов С.Д. М., 2020. — 62 с.

В номинации «Лучшее исследование криминалистического обеспечения деятельности следственных органов»:

1 место — Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография. М.: Экономика, 2020. — 476 с.

2 место — Быстряков Е.Н., Савельева М.Б., Смушкин А.Б. Специальная техника. М.: Юстиция, 2020. — 252 с.

3 место — Сретенцев А.Н., Морозова Н.В. Биологические следы: особенности использования в расследовании преступлений. Орел, 2020. — 48 с.

В номинации «Лучшее уголовно-правовое и криминологическое исследование»:

1 место — Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты): монография. М.: Экономика, 2019. — 364 с.

2 место — Борьба с терроризмом: новые угрозы и вызовы: монография / под ред. В.В. Меркурьева. М., 2019. — 680 с.

3 место — Зюбанов Ю.А. Генезис российской науки уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. — 440 с.

В номинации «Лучший классический учебник»:

1 место — Костенко К.А. Организация приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в СК России: учеб.-метод. пособие. Хабаровск, 2020. — 131 с.

2 место — Семенцов В.А. Проблемы производства следственных действий: учеб. пособие. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. — 181 с.

3 место — решено не присуждать.

В номинации «**Лучшие методические рекомендации, подготовленные следственными органами Следственного комитета Российской Федерации**»:

1 место — *Дозорцев Г.В.* (ГСУ СУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия). Методические рекомендации «Алгоритм действий следователя при проверке сообщений и расследовании уголовных дел о суицидах».

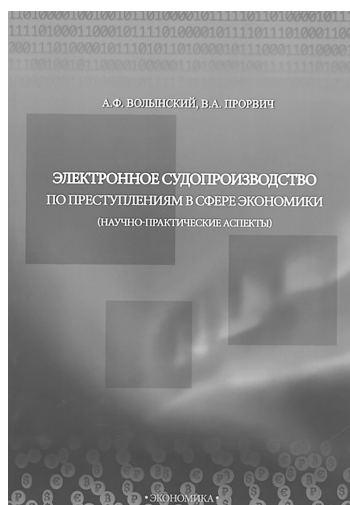
2 место — *Тихоничев С.А., Маханько С.В., Гусев М.Б.* (СУ СК России по Вологодской области). Сборник методических рекомендаций «Тактика и методика расследования отдельных видов преступлений, проведения осмотра места происшествия, связанных с авариями и катастрофами воздушного, железнодорожного и водного транспорта».

3 место — *Юдакова С.В.* (СУ СК России по Кемеровской области — Кузбассу). Методические рекомендации «Психологические аспекты общения сотрудников СК РФ с гражданами, пережившими утрату близкого»;

— *Брыляков С.П.* (СУ СК России по Кемеровской области — Кузбассу). Методические рекомендации «Деятельность следователя при проверке сообщений и на первоначальном этапе расследования преступлений коррупционной направленности, совершенных сотрудниками уголовно-исполнительной системы»;

— *Сошнина Н.В.* (СУ СК России по Липецкой области). Методические рекомендации «Уголовно-процессуальное обеспечение расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними».

Победителем в номинации «**Прорыв года**» имени Николая Ивановича Стояновского признана работа *Александра Фомича Вольнского и Владимира Антоновича Прорвича*, подготовленная на актуальную тему, — «Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты)».

Поздравляем победителей и призеров!

Выражаем благодарность всем коллегам, принявшим участие в Конкурсе!

Повседневная деятельность следственных органов постоянно ставит перед научным сообществом и образовательными организациями сложные вопросы, которые ждут Вашего внимания, усердия и креативных подходов в поисках ответов, востребованных практикой.

Желаем новых научных решений интересных исследовательских задач, успехов в реализации творческих проектов, настойчивости в достижении поставленных целей! Ждем Ваших работ на Конкурс в 2022 году!

Организационный комитет Конкурса